

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»**

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РЕКРЕАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством
(региональная экономика; рекреация и туризм)»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель
доктор экономических наук, доцент
Смирнов Роман Валентинович

Санкт-Петербург – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы формирования рекреационной системы в приграничных регионах Российской Федерации.....	16
1.1. Сущность и понятие пространственной организации экономических систем.....	16
1.2. Факторы формирования пространственной организации экономических систем.....	32
1.2.1. Трансформация подходов мировой науки к анализу экономических факторов.....	32
1.2.2. Особенности подходов российской школы к факторному анализу формирования и развития пространственной организации экономических систем.....	41
1.2.3. Прикладные аспекты факторного анализа формирования и развития пространственной организации экономических систем (на примере региональных рекреационных систем).....	48
1.3. Оценка влияния фактора приграничного положения на экономические системы приграничных регионов.....	54
1.3.1. Международный опыт учета фактора приграничного положения регионов в системе управления их развитием	54
1.3.2. Правовое регулирование влияния фактора приграничного положения на экономические системы российских регионов.....	61
1.3.3. Механизмы влияния фактора приграничного положения на подсистемы региональных экономических систем.....	70
Глава 2. Пространственно распределенные элементы рекреационной подсистемы региональной экономической системы и субъектно-объектные отношения между ними.....	86
2.1. Рекреационная подсистема региональной экономической системы как объект исследования и управления.....	86

2.1.1. Трансформация сущностных подходов к семантике взаимной связи рекреации и туризма.....	86
2.1.2. Трансформация подходов к сущности региональных рекреационных систем.....	99
2.1.3. Пространственно распределенные элементы региональной рекреационной системы и субъектно-объектные отношения между ними	106
2.2. Основные факторы, влияющие на функционирование и трансформацию региональных рекреационных систем.....	116
2.3. Роль и место ООПТ как специфического элемента региональной рекреационной системы.....	128
2.4. Методические основы формирования пространственной организации региональной рекреационной системы.....	154
Глава 3. Разработка экономико-организационного инструментария формирования пространственной организации рекреационной системы приграничных регионов.....	170
3.1. Методические основы типологизации регионов по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему.....	170
3.2. Типологизация регионов России по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему.....	192
3.3. Формирование пространственной организации рекреационной системы приграничного региона с учетом его типа.....	200
Заключение.....	217
Библиографический список.....	230
Приложения.....	257

Введение

В послании Президента России Федеральному Собранию 2020 г. отмечено, что сбережение и приумножение народа России – это высший национальный приоритет, а одной из важнейших государственных задач является обеспечение высоких стандартов жизни. Эти цели и приоритеты корреспондируются с социальной значимостью развития рекреационных систем, функционирование которых направлено на восстановление сил и отдых людей, что, в свою очередь, влияет на процессы формирования качества человеческого капитала в регионах и стране в целом.

С другой стороны, рекреационная система, встроенная в экономику регионов, способна формировать значительные экономические эффекты: возможности развития для субъектов малого и среднего предпринимательства, создание рабочих мест, в связи со значительной трудоемкостью, и привлечение инвестиций в объекты инфраструктуры. Вместе с тем, высокий рекреационный потенциал российских территорий не гарантирует успешного развития и проявления соответствующих позитивных социальных и экономических эффектов. Особенно это касается приграничных регионов, составляющих большую часть всех российских регионов, где формируются особые условия, связанные с влиянием границы и пограничных режимов на развитие рекреационных систем и эффективное использование рекреационных ресурсов.

Выраженная дифференциация развития российских регионов сопровождается традиционным отставанием приграничных периферийных территорий. Поиски пути решения проблемы сглаживания этих различий связаны с возможностями диверсификации экономики, в том числе за счет рекреационной деятельности. Для таких территорий пограничные режимы могут формировать как ограничения, так и дополнительные возможности развития, которые связаны с доступностью зарубежных рынков потребителей. Специалисты считают, что рекреационная деятельность приграничных территорий

может вносить большой вклад в увеличение объема экспорта оказываемых услуг, что соответствует целям национального проекта «Международная кооперация и экспорт»¹. Кроме этого пограничные режимы долгое время способствовали сохранности природных рекреационных ресурсов. На современном этапе расширились возможности вовлечения этих ресурсов в экономический оборот, что требует дополнительного анализа на предмет соответствия такой экономической деятельности, содержания процессов в рекреационной системе принципами неистощительного природопользования, определения физических границ природных объектов с различными режимами доступности для туристов и их рекреационной емкости.

Таким образом, оптимальная пространственная организация рекреационной системы – необходимое условие эффективного, устойчивого и комплексного рационального использования рекреационных ресурсов и развития самой системы, а повышение конкурентоспособности рынков рекреационных услуг приграничных российских регионов, удовлетворяющих потребности российских и иностранных граждан, является важной народнохозяйственной задачей, требующей методического и научно-практического обоснования, что предопределяет **актуальность выполненного исследования**.

Вопросы пространственного развития региональных экономических систем достаточно полно раскрыты как в мировых, так и в российских научных исследованиях, что подтверждается анализом **степени разработанности проблемы**. Пространственные закономерности развития экономических систем достаточно подробно представлены в научных разработках. Классические теории пространственной организации таких зарубежных авторов, как А. Смит, Д. Рикардо, Ф. Ратцель, И.Г. фон Тюнен, А. Вебер, В. Кристаллер, А. Лёш, У. Айзард, Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Ж. Будвиль, Х. Ричардсон, П. Потье и Т. Хэгерstrand стали основой для современного этапа развития научных подходов. В рамках новой экономической географии экономическое

¹ Национальный проект "Международная кооперация и экспорт" (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319212/ (дата обращения: 15.02.2019).

пространство изучается такими исследователями, как П. Кругман, Э. Венаблес, М. Джужита, М. Боскер, К. Беренс, Дж. Мион, Я. Мюрата, Ж. Зудекум. Отечественная научная школа представлена разработками в области пространственного размещения производительных сил М.К. Бандмана, Н.Н. Баранского, Н.Н. Колосовского, Ю.Г. Саушкина, А.Т. Хрущева. В отдельную группу можно выделить работы Г.М. Лаппо, А.П. Обедкова, Е.Н. Перцика, В.В. Покшишевского, Б.С. Хорева, посвященные пространственным аспектам формирования городских экономических систем. Современный этап развития исследований в области пространственной организации экономических систем представлен широким тематическим спектром работ отечественных ученых. Теоретические подходы к проблеме районирования представлены в работах академиков П.Я. Бакланова, А.Г. Гранберга, П.А. Минакира. Фокус исследований С.В. Кузнецова, Н.М. Межевича, В.М. Полтеровича, В.М. Разумовского, С.А. Суспицына, А.И. Татаркина направлен на определение стратегических приоритетов пространственного развития региональных систем. Научный инструментарий для определения диспропорций регионального развития представлен в работах С.А. Айвазяна, Г.В. Дваса, Н.В. Зубаревич, Г.Б. Клейнера, Н.М. Римашевской. Для отечественных исследователей также выраженной актуальностью обладает научная задача, связанная с определением особенностей формирования региональных экономических систем в условиях приграничья. В этом направлении необходимо выделить работы П.Я. Бакланова, Т.И. Герасименко, П.В. Дружинина, В.А. Колосова, Н.М. Межевича.

Концепции формирования рекреационных систем представлены в работах зарубежных и отечественных специалистов. Среди них уместно выделить ряд классических и современных работ, авторами которых являются М. Бауд-Бови, С. Плог, Ж.О.Ж. Лунгрэнд, В. Смит, Р. Батлер, М. Опперман, В.С. Преображенский, Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов, Д.В. Николаенко, Д.В. Веденин, А.Ю. Джаладян, В.Ф. Буйленко, И.В. Зорин, В.А. Квартальнов, В.Г. Гуляев, Л.Ю. Мажар, М.А. Саранча, А.С. Кусков, А.Ю. Алек-

сандрова, Б.Б. Родоман, Е.Г. Кропинова, Г.А. Карпова, С.В. Степанова и другие специалисты, внёсшие значительный вклад в разработку тематики развития региональных рекреационных систем.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных различным аспектам социально-экономического развития регионов, в том числе занимающих приграничное положение, и их рекреационных систем, исследования комплексного воздействия приграничного характера региона на пространственную организацию и эффективность развития его рекреационной системы не проводились, что и предопределяет **актуальность** выбранной для представленной работы темы.

Гипотеза данного исследования заключается в предположении, что, несмотря на имеющие риски и высокую степень неравенства по широкому кругу показателей российских регионов в целом и среди приграничных регионов, в частности, фактор приграничного положения формирует дополнительные стимулы и оказывает превалирующее позитивное влияние на пространственное развитие рекреационных систем приграничных регионов, степень которого, а также комплексный вклад туристско-рекреационной деятельности в социально-экономическое развитие региона может существенно отличаться для различных типов регионов.

Цель диссертационного исследования – разработка методической базы формирования пространственной организации рекреационной системы в приграничных регионах Российской Федерации.

В соответствии с основной целью в диссертации сформулированы следующие **задачи**:

– уточнить в контексте применимости для практических целей управления содержание категории пространственная организация региональной экономической системы (РЭС);

– установить механизмы влияния фактора приграничного положения на развитие региональной экономической системы и ее подсистем; определить являющиеся следствием активной трансформации режима приграничья

в последние годы новые возможности для развития экономических систем приграничных регионов при одновременном появлении в некоторых из них ряда новых серьезных ограничений и рисков развития отдельных подсистем, в том числе в самих являющихся сложными системами рекреационных подсистемах региональных экономических систем;

- выявить особенности состава региональной рекреационной системы и построения субъект-объектных отношений в ней, в том числе связанных с приграничным положением региона; выявить особенности влияния фактора приграничного положения на особо охраняемые природные территории (ООПТ) как специфический элемент региональной рекреационной системы;

- разработать методику и алгоритм управления пространственной организацией региональной рекреационной системы, позволяющие учитывать проявляющиеся в разных регионах особенности влияния фактора приграничного положения, в том числе выполнить типологизацию регионов России по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему;

- выполнить на примере конкретного приграничного региона апробацию разработанных методических подходов к планированию пространственной организации рекреационной системы приграничного региона с учетом его типа и особенностей;

- осуществить разработку рекомендаций по совершенствованию управления пространственной организацией рекреационной системы модельного региона, а также обоснование возможности их распространения на другие регионы.

Объект исследования – рекреационные системы приграничных регионов Российской Федерации.

Предмет исследования – влияние фактора приграничного положения на пространственную организацию рекреационной системы в приграничных регионах Российской Федерации.

Теоретическая основа диссертационного исследования представлена работами в области формирования региональных экономических систем, в том числе рекреационных, отечественных и зарубежных авторов, изучающих аспекты их оптимальной организации и закономерности развития.

Методологической основой диссертационного исследования стали работы отечественных и зарубежных авторов в области региональной экономики, в частности, в таких областях, как особенности развития региональных экономических систем, региональная социально-экономическая дифференциация, полюсы и центры роста в региональном развитии, пространственная организация рекреационной системы региона. В процессе исследования применялись системный подход и методы сравнительного и функционального анализа, картографической и математической обработки статистических данных, семантического терминологического анализа, типологизации и обобщения.

Информационную базу исследования составили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и её территориальных органов, Центрального банка Российской Федерации, министерств и ведомств Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, данные, опубликованные на официальных сайтах российских и зарубежных некоммерческих организаций в сфере рекреации и туризма, нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Соответствие паспорту специальности. Область исследования соответствует паспорту двух специализаций специальности ВАК 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» – *Региональная экономика*: п. 3.1 «Развитие теории пространственной и региональной экономики», п. 3.3 «Пространственная организация национальной экономики; формирование, функционирование и модернизация экономических кластеров и других пространственно локализованных экономических систем», п. 3.12 «Региональные особенности социально-экономического развития; типы регионов, мето-

дические проблемы классификации и прикладные исследования особенностей развития различных типов регионов», п. 3.22 «Эффективность использования материальных и нематериальных факторов развития региональной экономики. Закономерности и особенности организации и управления экономическими структурами в регионах»; и *Рекреация и туризм*: п. 15.1. «Развитие теоретических и методологических основ рекреологии и туристской науки в экономико-управленческом аспекте», п. 15.7 «Территориальная организация туристско-рекреационных систем», п. 15.8 «Ресурсный потенциал сферы рекреации и туризма и эффективность его использования», п. 15.13 «Построение моделей экономически эффективных туристско-рекреационных систем на федеральном, региональном и местном уровнях».

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечена за счет использования широкого спектра верифицированных данных (статистических, ведомственных, экспертных оценок), для обработки которых применялись лицензированные программные средства и алгоритмы. Анализ и обобщение нормативно-правовых и законодательных актов и документов федерального, регионального уровней и международной практики осуществлялся методами формальной логики.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке методической базы формирования пространственной организации рекреационной системы в приграничных регионах Российской Федерации, которая включает описание объекта управления, выявление его специфических особенностей, влияющих как на постановку целей пространственной организации региональной рекреационной системы, так и на выбор механизмов и инструментов достижения этих целей, а также систему взаимосвязанных и гармонизированных методик, обеспечивающих наиболее адекватный учет влияния фактора приграничного положения конкретного региона на его рекреационную систему. К числу **наиболее значимых и обладающих новизной научных результатов**, полученных лично соискателем, относятся следующие:

– обоснована трактовка термина пространственная организация РЭС в контексте применимости для практических целей управления пространственной организацией РЭС;

– выявлены основные механизмы влияния фактора приграничного положения на развитие региональной экономической системы и её подсистем;

– обосновано ориентированное на исследование пространственной организации региональной рекреационной системы и максимально предметное процессное управление ею определение;

– выявлены особенности состава региональной рекреационной системы и построения субъект-объектных отношений в ней: в состав региональной рекреационной системы входят специфические элементы – ООПТ, обладающие рядом идентифицированных автором принципиальных особенностей, при этом между элементами структуры региональной рекреационной системы управления возникают не только субъект-объектные, но и субъект-субъектные отношения;

– разработана методология, включающая методику управления пространственной организацией региональной рекреационной системы, а также рекомендации по конкретизации содержания отдельных операций в рамках каждого из её этапов с учётом специфики пространственной организации региональной рекреационной системы как объекта управления и некоторых её элементов, в том числе, исходя из проявляющихся в разных регионах особенностей влияния фактора приграничного положения на развитие рекреационных систем;

– разработана методика типологизации приграничных регионов по уровню развития рекреационной системы и влиянию на эти процессы приграничного положения;

– осуществлена типологизация приграничных регионов России по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему в рамках которой сформированы шесть групп приграничных регионов, для каждой из которых определена специфика развития рекреацион-

ных систем, определены наиболее значимые и эффективные направления, меры и стимулы развития рекреационной деятельности, которые могут использоваться для разработки рекомендаций в области федеральной и региональной политик, направленной на развитие рекреационной системы (в частности, создание обеспечивающей туристской инфраструктуры) с учетом характеристик каждой выявленной группы и определенных для нее приоритетов развития;

- осуществлена типологизация всех регионов Российской Федерации по критерию соответствия фактической их обеспеченности ООПТ целевому показателю, установленному Международной конвенцией о сохранении биологического разнообразия на уровне 17% от общей территории страны;

- сформированы рекомендации по повышению эффективности деятельности ООПТ по результатам апробации разработанных методических подходов к планированию пространственной организации рекреационной системы приграничного региона (на примере Республики Карелия) с учетом его типа и особенностей формирования пространственной организации;

- разработаны общие, соответствующие принципам и подходам устойчивого развития, рекомендации по повышению экономической эффективности рекреационной деятельности российских ООПТ.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется развитием научных подходов к управлению пространственной организацией региональных экономических систем и их рекреационных подсистем на основе принципов устойчивого развития. Предложенные подходы направлены на развитие экономической теории, теории региональной экономики и теории рекреации и туризма в части дальнейшего эффективного развития пространственной организации рекреационных систем, испытывающих влияние приграничного положения региона.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке методик и алгоритмов, которые могут быть использованы для построения систем управления и разработки региональных программ

по развитию региональных рекреационных систем в регионах, относящихся к разным типологическим группам. Обоснованные в ходе исследования рекомендации могут быть также использованы в практической деятельности органов государственной власти модельного региона, действующих и потенциальных субъектов туристско-рекреационной деятельности. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях при подготовке специалистов, получающих образование по специальностям «Регионоведение России», «Государственное и муниципальное управление», «Туризм», «Экология и природопользование».

Апробация и внедрение результатов исследования. Материалы диссертации внедрялись при реализации международных проектов «Интеллектуальное управление природными ресурсами Зеленого пояса Фенноскандии – ИнтеллГринБелт» (2013–2014 гг.), «Современный старый город: совершенствование трансграничного культурного туризма» (2013–2014 гг.) и «Калитка – развитие приграничного гастрономического туризма» (2018–2020 гг.). Материалы диссертации использовались в научно-исследовательских работах Института экономики КарНЦ РАН: НИР «По частичной подготовке заявки на включение в ФЦП „Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации“ (2011–2018 гг.)» проекта создания туристско-рекреационного кластера (2015 г.), НИР «План управления объектом Всемирного наследия „Кижский погост“ (Россия С 544) с 2012 по 2022 гг.» (2011–2012 гг.), НИР «Научно-методическое обеспечение прогнозирования туристического потока и оценки вклада туризма в экономику Республики Карелия и туристических районов» (2010 г.), НИР «Мониторинг развития туризма в Республике Карелия и разработка среднесрочного плана научных и маркетинговых исследований в сфере туризма в Республике Карелия» (2016 г.).

Теоретические положения диссертационного исследования рассматривались и обсуждались на международных и всероссийских конференциях по проблемам пространственного планирования, регионального развития, развития рекреации и туризма, в том числе: в г. Петрозаводске – III, IV и V мо-

лодежные экономические форумы (2011, 2012, 2013 гг.), III и IV международные научно-практические конференции «Северные туристские дестинации как доминанта развития туризма Северо-Западного региона» (2011, 2012 гг.), Международная конференция «Города у воды: новый облик и новые возможности» (2013 г.), I, II, III и VI научно-практические конференции с международным участием «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» (2014, 2015, 2016 и 2019 гг.), межрегиональная научно-практическая конференция «Этнокультурный компонент как фактор социально-экономического развития муниципальных образований» (2016 г.), 14-я Международная научно-практическая конференция Российского общества экологической экономики (2017 г.), XI Международная научно-практическая конференция «Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития» (2020 г.); в других городах России – Всероссийская научно-практическая конференция «Трансформация социально-экономического пространства регионов России: вопросы теории и практики» (г. Санкт-Петербург, 2012 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Пространственные факторы инновационной модернизации экономики» (г. Санкт-Петербург, 2013 г.), XIII Всероссийская научно-практической конференция «Экономика и управление в сфере услуг: современное состояние и перспективы развития» (г. Санкт-Петербург, 2016 г.), Международная конференция XXIV Кондратьевские чтения «Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений» (г. Москва, 2016 г.), Международная научно-практическая конференция «Практическая география и вызовы XXI века» (г. Москва, 2018 г.); на зарубежных конференциях – «Firs international conference on tourism and management studies» (г. Алгарве, Португалия, 2011 г.), «Транспорт и мобильность» (г. Коуволла, Финляндия – г. Санкт-Петербург, 2013 г.), «Карты, приложения и другие инструменты развития туризма» (г. Йюэнсуу, Финляндия, 2014 г.), V Международный форум молодых ученых, посвященный 10-летию совета молодых уче-

ных, «Молодежь для науки и инноваций: разработки и перспективы» (г. Гомель, Белоруссия, 2016 г.).

Отдельные положения диссертационного исследования использовались в учебном процессе ФГБОУ высшего образования «Петрозаводский государственный университет» при подготовке бакалавров по направлениям «Туризм» и «Гостиничное дело».

Публикации результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в 30 опубликованных работах (в том числе в журналах, рекомендованных ВАК – 10). Общий объем – 10,05 п.л. (8,25 – личный вклад автора).

Объем и структура диссертационной работы. Объем составляет 263 страниц. Структура диссертации: введение, три главы, заключение, библиографический список, приложения.

Глава 1. Теоретические основы формирования рекреационной системы в приграничных регионах Российской Федерации

1.1. Сущность и понятие пространственной организации экономических систем

Экономическое пространство становится местом реализации стратегий и планов развития. В этом контексте геоэкономическое поле рассматривается как возможность реализации этих планов и стратегий для конкретных территорий. При этом важным параметром для осуществления хозяйственной деятельности и выбора способа ее ведения становятся географические характеристики (особенно расстояние) и инфраструктурная обеспеченность. Эти и другие параметры влияют на процессы формирования самой территориальной социально-экономической системы, которая в свою очередь в плане пространственного развития должна учитывать горизонты развития для всех таксономических уровней. Таким образом, разработка механизмов реализации и обеспечения адекватности мер осуществляемой государственной политики для достижения сбалансированного регионального развития, остающаяся чрезвычайно актуальной задачей², является неинвариантной относительно геоэкономических особенностей региона, а оптимальная пространственная организация региональных экономических систем – одно из необходимых условий эффективного, устойчивого и комплексного использования ресурсов и обеспечения экономического роста.

Первые попытки объяснить пространственные закономерности развития хозяйствующих субъектов можно найти в работе Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов»³. В этом труде разработана система взглядов на развитие региональных производств на основе разделе-

² Бездудная А.Г., Разумовский В.М., Фраймович Д.Ю. Диагностика пространственных аспектов и факторов инновационного развития регионов. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 217 с.

³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 443 с.

ния труда и кооперации. Специализация региона, базирующаяся на принципе абсолютного преимущества, обоснована как решающий фактор для принципов ведения внешней торговли. Развитие этих идей, но уже в приложении к регионам, которые таких абсолютных преимуществ не имеют, представлено в теории относительных преимуществ, автором которой был Давид Рикардо⁴. В рамках этой теории сформулирован принцип, суть которого в том, что региону следует специализироваться на производстве тех товаров, которые возможно производить с наиболее низкими издержками по сравнению с другими территориями.

Следующий этап развития научных работ, посвященных территориальным аспектам развития экономических систем, оформился после достаточно длительного перерыва. Вопросы географических и геополитических закономерностей структурирования экономического пространства изучал в своих работах немецкий географ Фридрих Ратцель. Наиболее популярной работой автора стала книга «Политическая география»⁵. В данном исследовании автор рассматривал страну как живой организм, соединяющий свойства народа и земли и развивающийся по определенным законам. Таким образом, трансформации исследователь рассматривал через изменения периферийного органа, которым выступает граница. Пространственная организация изучалась как процесс осваивания неиспользуемых ранее участков земли как внутри государства, так и за его пределами. То есть пространственный рост государств может быть внутренним или направленным на внешние объекты. Наиболее значимыми территориями в этом процессе выступают русла рек, береговая линия, обеспеченные ресурсами районы. Этот процесс активизируется стремлением государств к пространственной равномерности между ними, которая обеспечивает политическую самостоятельность.

Основываясь, в том числе на результатах Ф. Ратцеля, плеяда последователей разрабатывала преемственные теории пространственной организации,

⁴ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: Избранное: в 3 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – 339 с.

⁵ Ratzel F. Politische Geographie. München, 1897.

сформировавшие в последующем Штандортную концепцию экономического пространства. К представителям данного научного направления можно отнести Иоганна Генриха фон Тюнена, Альфреда Вебера, Вальтера Кристаллера, Августа Лёша. Вопросы пространственной организации были рассмотрены И.Г. фон Тюненом. В работе «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии» автор предложил схему, которую с определенной долей условности можно считать первой моделью оптимального размещения сельскохозяйственного производства. По идее автора, расстояние и транспортные затраты на перевозку продукции были основными факторами, влияющими на размещение сельскохозяйственных культур и перерабатывающих их хозяйств⁶.

Идея оптимального размещения производств в соответствии с издержками легла в основу работ А. Вебера «О штандортах индустрии» и «Теория размещения промышленности»⁷. В последующем В. Кристаллер представил свою теорию экономического пространства, имеющую иерархическую структуру⁸. В рамках этого подхода была также разработана теория экономического пространства А. Лёша. Автор рассмотрел закономерности пространственного развития на уровне региона⁹, границы экономического пространства и степень концентрации экономических агентов внутри которых подвержены влиянию таких факторов, как налоговая система, технический прогресс, близость к государственным границам. Обобщая вышеизложенные подходы, можно говорить о том, что в рамках Штандортной концепции пространственная организация экономической системы представлена как схема оптимального размещения производств в пространстве, в которой основным критерием оптимальности является минимизация транспортных издержек.

Следующим логическим этапом в исследованиях экономического пространства, региональных производственных систем и межрайонных связей

⁶ Thünen J.H. Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. – Hamburg, 1896.

⁷ Weber A. Über den Standort der Industrien. – Tübingen, 1909.

⁸ Christaller W. Central Places in Southern Germany. – Englewood Cliffs, N. J., 1967.

⁹ Lösch A. Die räumliche Ordnung der Wirtschaft. – Jena, 1944.

стала работа американского экономиста Уолтера Айзарда. Эти результаты стали важной вехой в развитии региональной экономики. Изучив существующие модели расселения и транспортных сетей, особенности размещения предприятий промышленности и торговли, У. Айзард разработал модель территориальной проекции социально-экономической жизни общества в регионе, основными элементами которой являются потребительский спрос и его географическое распределение, а также наличие тех или иных экономических ресурсов. Пространственную организацию экономист понимал как систему размещения промышленности (отдельных отраслей и их комплексов), формирующуюся под воздействием сложных и запутанных взаимозависимостей, которые пронизывают все аспекты социально-экономических процессов¹⁰. Признавая эту сложность, автор выделяет ключевую роль населению и его расселению, которое затем влияет на потоки товаров и денег и, соответственно, на формирование платежного баланса.

Все эти теории можно отнести к группе так называемых «равновесных» теорий. Общей неотъемлемой характеристикой этих работ является исходное положение о том, что экономические системы стремятся к состоянию покоя. Дальнейший этап развития теоретических подходов к проблемам пространственной организации экономических систем связан с идеей о несбалансированности роста экономики, которая объясняет пространственные диспропорции. Теоретические разработки этой группы исследований сформировали «теорию кумулятивного роста».

Одним из основополагающих исследований этой школы стала работа Гуннара Мюрдаля «Экономическая теория и слаборазвитые регионы»¹¹. В рамках разработанной модели автор доказал предположение о том, что с помощью специализации и эффекта масштаба территориальные преимущества могут приумножаться по прошествии определенного времени с разной степенью интенсивности. С точки зрения пространственной организации это

¹⁰ Isard W. *Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*. Cambridge. – MA: MIT Press, 1960.

¹¹ Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. – London: Duckworth, 1957.

подтверждает результаты наблюдений за неравномерным экономическим ростом стран и регионов.

Итогом такого асимметрического развития становится формирование центров (полюсов) роста. В работе Франсуа Перру показано, что экономический рост происходит именно в этих полюсах роста, причем с изменяющейся интенсивностью и эффектами на экономику сопредельных территорий¹². Между этими полюсами формируются каналы распределения экономических эффектов. Таким образом, формируется территориально неоднородная экономическая система. При этом обеспечение гармонизации пространственного развития признается одной из важнейших задач государственных органов власти.

Научные результаты Ф. Перру были развиты его последователем Жаком Будвилем. Он конкретизировал идеи о полюсах роста, выделив виды экономических пространств: гомогенное, поляризованное, плановое. Ученый предположил, что слаборазвитые территории имеют гомогенный вид пространства, но в ходе развития пространство неизбежно поляризуется. Также в работе представлена идея Ж. Будвиля о том, что развитие региона связано с поиском отраслей, которые дадут толчок к развитию всей региональной системы¹³.

Из рассматриваемых работ наибольшего интереса заслуживает теория городской агломерации, разработанная специалистами новозеландской управляющей компании Richardson H.W.^{14,15}. В этой теории концентрация производственной деятельности в городах, являющихся крупными промышленными центрами, рассматривается как основной фактор роста, а впоследствии и особенностей формирования пространственной структуры экономики. В рамках своей модели авторы предложили математический расчет агломерационных эффектов на региональном и национальном уровне, что стало

¹² Perroux F.L. L'Economie du XX siècle, 1961.

¹³ Boudeville J. L'espace et les Pôles de Croissance. – Paris, 1968.

¹⁴ Richardson H.W. Growth Centers, Rural Development and National Urban Policy. A Defence // International Regional Science Review. 1978. – Vol. 3. – P. 133–152.

¹⁵ Richardson H.W. Regional Growth Theory. – London, 1973.

существенным отличием этой работы от появившихся ранее разработок, относящихся к группе равновесных теорий.

Еще в одной теории этой группы сформулированы положения об осях развития. В работах Пьера Потье представлена идея о том, что территория между полюсами роста не только обеспечивает транспортную связь, но и получает дополнительные импульсы для роста за счет грузопотоков, инноваций и развития инфраструктуры. Таким образом, экономические системы в пространстве представлены каркасом, который соединяет полюса роста транспортными коридорами развития¹⁶.

Среди «теорий кумулятивного роста» также целесообразно в контексте данной работы привести модель «диффузии нововведений» Торстена Хегерстранда. Научный инструментарий этого исследования применялся для описания особенностей развития периферийных территорий, которые не относятся в территориальном аспекте ни к осям, ни к центрам экономического развития¹⁷.

Следующий этап развития исследований в области пространственной организации можно отнести к современному периоду, к новой экономической географии, идейным вдохновителем которой традиционно считается Пол Кругман. В рамках этого подхода доступность региональных рынков определяется через такие параметры как плотность, расстояние и разобщенность. Посредством этих характеристик можно определить степень доступности регионального рынка. П. Кругман изучает экономические механизмы и их влияние на процессы пространственной организации экономических систем, рассматривая пространственную организацию в рамках абстрактной модели структуры рынка, характеризующегося несовершенной конкуренцией^{18,19}.

¹⁶ Pottier P. Axes de communication et developement economique // Revue economique. 1963. – Vol. 14. – P. 63–95.

¹⁷ Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1967.

¹⁸ Krugman P.R. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. 1993. – Vol. 99, N 3. – P. 483–499.

Энтони Венаблас и Масахиса Фудзита – единомышленники и соавторы нескольких работ П. Кругмана – также внесли значительный вклад в развитие данного научного направления. Так в совместной работе авторов описаны процессы взаимодействия растущих доходов, транспортных расходов и производственных факторов на локальном (город), региональном и международном уровнях. С точки зрения пространственной организации, авторы, применяя методы моделирования, определяют, где и почему происходит экономическая активность. Объясняют особенности формирования и появление крупных агломераций факторами роста населения и потенциала рынка²⁰.

В этой группе также уместно кратко представить некоторые современные труды по различным пространственным аспектам формирования экономических систем. Так Маартен Боскер и его коллеги, изучив особенности пространственной организации экономики одного из регионов Китая, связанные с развитием сети скоростных дорог, пришли к выводам, согласно которым, с одной стороны, строительство этой инфраструктуры способствовало появлению новых форм урбанизации, с другой – укрепило существующие модели китайской периферии²¹. Другой коллектив экономистов (К. Беренс, Дж. Мион, Я. Мюрата, Ж. Зюдекум) в совместной работе исследовали пространственные диссонансы развития агломераций. Предложенная ими модель объясняет различия в производительности по городам в территориальном аспекте²².

Некоторые идеи зарубежных экономистов нашли отражение и развитие в работах российских авторов, сформировавших отечественную школу региональных исследований. Основные особенности экономического развития и пространственной организации региональных экономических систем в на-

¹⁹ Fujita M., Krugman P. The New economic geography. Past, present and the future // *Papers in Regional Science*. 2004. – Vol. 83. – P. 139–164.

²⁰ Fujita M., Krugman P., Venables A. *The spatial economy: cities, regions and international trade*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2001.

²¹ Bosker M., Deichmann U., Roberts M. Hukou and Highways. The impact of China's spatial development policies on urbanization and regional inequality // *Regional Science and Urban Economics*. 2018. – Vol. 71. – P.91–109.

²² Behrens K., Mion G., Murata Y., Suedekum J. Spatial Frictions // *Journal of Urban Economics*. 2017. – Vol. 97. – P. 40–70.

стоящих российских условиях связаны со значительной дифференциацией. При этом степень этой дифференциации для регионального и национального уровней различна. Как правило, масштабы неравномерности развития между странами более значительны, чем между регионами одной страны. «Фундаментальной причиной экономического неравенства является давно изученный в региональной науке процесс концентрации экономической деятельности в тех местах, которые обладают сравнительными преимуществами, что позволяет снижать издержки бизнеса»²³. Таким образом, явление экономической концентрации и ее потенциальные преимущества приобретает все большее значение среди идей территориальной организации. Мегаполисы становятся центрами экономического и социального развития, что приводит к увеличению доли городского населения. Дополнительный эффект от процесса разрастания мегаполисов – это так называемый «перелив» экономической активности и на другие сопредельные территории. Специалисты Всемирного банка также считают, что концентрация на локальном (региональном) уровне происходит самыми быстрыми темпами. Увеличивается доля городского населения, растут города, повышается экономическая плотность. При этом наблюдается зависимость скорости процессов концентрации от степени экономического развития. Например, при переходе из категории стран с низким в категорию стран со средним уровнем развития концентрационные процессы резко набирают темп. Таким образом, рост производства сопровождается урбанизацией²⁴. То есть, пространственная организация экономической системы региона связана не только с территориальными аспектами, но и со структурой экономики, а также с характером преобладающих видов экономической деятельности.

²³ Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики / Н.В. Зубаревич // Пространственная экономика. – 2017. – №2. – С. 46–57.

²⁴ World Development Report: Reshaping Economic Geography // World Bank Group: [сайт]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/599>.

Для России диспропорции экономического и демографического развития рассматриваются как главные угрозы²⁵. Это связано с объективными законами экономического развития, которые не предполагают автоматического равномерного роста для всех территорий. В мировой практике принимаются усилия по выравниванию основных показателей качества жизни. Управленцы и исследователи-экономисты разрабатывают соответствующий инструментарий. Согласно мнению академика А.И. Татаркина, причины нарастающей дифференциации российских регионов (как и муниципалитетов) разные и часто не поддаются объективной классификации. К наиболее распространенным относят излишнюю централизацию и концентрацию средств, ресурсов и власти на федеральном уровне и также внедрение выравнивающей политики в части бюджетной обеспеченности. «Необходимо оказывать бюджетную поддержку отстающим регионам» для реализации социальных (а также – экологических, инвестиционных, научных) обязательств федерального значения, а также для освоения и развития, реконструкции и модернизации объектов, способных обеспечивать устойчивое их саморазвитие»²⁶.

Приведем некоторые статистические данные за 2018 г., которые подтверждают диспропорции в пространственном развитии регионов России (Таблица 1)²⁷. Из широкого спектра возможных вариантов рассмотрим показатели, предложенные и обоснованные в одной из работ по классификации регионов: объем ВРП на душу населения, среднедушевые доходы, уровень безработицы и обеспеченность жильем²⁸.

²⁵ Двас Г.В., Кузнецов С.В., Ходачек А.М. Будущее России: проблемы и пути решения (по материалам Петербургского международного экономического форума 2016 г.) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. – № 1(53–54). – С. 19–34.

²⁶ Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. – Т. 12., вып. 1. – С. 9–27.

²⁷ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели: [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm.

²⁸ Двас Г.В. Цели, ключевые факторы и механизмы социально-экономического развития региона. Санкт-Петербург, – 2013. – 133 с.

Таблица 1 Показатели неравномерности социально-экономического развития регионов России

Показатель	Максимальное значение	Минимальное значение	Среднее значение по России	Коэффициент диспропорции
Объем ВРП на душу населения, рублей (данные за 2017 г.)	6985994,8 (Тюменская область)	44571,9 (Республика Алтай)	510253,1	157
Среднедушевые доходы, в месяц, рублей	78812 (Чукотский автономный округ)	15603 (Республика Тыва)	33 178	5
Уровень безработицы, в процентах (по данным Федеральной службы по труду и занятости)	8,8 (Республика Ингушетия)	0,2 (Севастополь)	0,9	44
Общая площадь помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв, метров	32,7 (Московская область)	15,3 (Республика Тыва)	25,8	2

С одной стороны, такие разбросы в показателях демонстрируют значительные пространственные диспропорции в развитии регионов. С другой стороны, при их анализе необходимо учитывать результаты исследования С.Г. Арбузова, который показал, что «несмотря на то, что коэффициенты размаха тех или иных межрегиональных дифференциаций могут эффективно использоваться в качестве информационной базы для выработки политики выравнивания развития регионов, при проведении сравнительного анализа эффективности проводимых разными государствами политик выравнивания развития собственных регионов необходимо применять приведенный коэффициент размаха, то есть коэффициент размаха, поделенный на площадь территории государства»²⁹. Другими словами, одни и те же коэффициенты диспропорции регионов могут совершенно по-разному влиять на социально-

²⁹ Арбузов С.Г. Особенности методологического и методического обеспечения экономической безопасности государства на современном этапе: автореф. дис. ... докт. экономич. наук: 08.00.05. СПб, 2017. – 38 с.

экономическую ситуацию в странах с существенно отличающимися территориями. Этот вывод подтверждается и результатами исследования профессора А.А. Аузана, выявившего слабые вариации в социокультурных и поведенческих характеристиках жителей регионов России при наличии этнического, конфессионального, социально-экономического разнообразия, что свидетельствует, по мнению автора, о том, что нация как набор ценностей сформировалась³⁰. Это может рассматриваться как благоприятное условие для применения экономических и институциональных механизмов регионального развития, невзирая на высокие абсолютные показатели коэффициентов межрегиональных диспропорций.

Таким образом, выраженная неравномерность регионального развития делает вопрос пространственной организации одним из наиболее актуальных для российской экономики. В связи с этим контекстом в исследованиях российских авторов, пространственная организация экономических систем чаще рассматривается с точки зрения решения практических задач развития, а не в контексте абстрактных идеализированных моделей.

Для того чтобы лучше понять диалектику становления современных подходов российской школы пространственной экономики, следует проанализировать в этом контексте некоторые ключевые разработки досоветского и советского периодов, в той или иной степени связанные с различными аспектами пространственной организации экономической деятельности. В дореволюционной России к наиболее значимым инициативам следует отнести создание в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). На первом этапе основные усилия работы экспертов комиссии были направлены на сбор и систематизацию информации о стратегически важных ресурсах, которые были необходимы для производства вооружения страны. Затем были организованы экспедиции для сбора недостающих данных и разработки новых направлений добычи ресурсов, а также сопряженных с этим

³⁰Аузан А.А. Стратегия-2035: предварительные гипотезы // Журнал новой экономической ассоциации. 2017. – № 3 (35). – С. 185–191.

проектов развития транспортной и инженерной инфраструктур и обеспечения всей этой вновь создаваемой транспортно-производственной системы трудовыми ресурсами. После Октябрьской революции деятельность организации существенно расширилась. В период до 1938 г. на базе комиссии возникло 14 научно-исследовательских институтов и 3 лаборатории. Основным вкладом в развитие народного хозяйства стало участие в разработке плана ГОЭЛРО (план электрификации Советской России после Октябрьской революции), который являлся не только документом развития энергетики, но и всей национальной экономики. С точки зрения пространственной организации именно в этом документе было выполнено районирование, которое потом использовалось на протяжении всего советского периода. Так, например, заложенное в план ГОЭЛРО строительство Волховской ГЭС, закончившееся в 1927 г., предполагало одновременное создание Волховского алюминиевого завода, запитанного электроэнергией непосредственно с шин строящейся ГЭС, а для обеспечения работы алюминиевого завода и ГЭС на месте бывшей деревни Званка было запланировано строительство нового населенного пункта Волховстрой (в 1933 г. получил статус города, в 1940 г. переименован в Волхов).

Работа над планом ГОЭЛРО стала началом формирования советской районной научной школы, создателем которой считается член-корреспондент АН СССР Н.Н. Баранский. Вопросы оптимального пространственного размещения производительных сил были раскрыты в работах отечественных исследователей этой школы. Профессор МГУ Н.Н. Колосовский внес существенный вклад в разработку тезауруса научного направления. Профессор Ю.Г. Саушкин занимался развитием методологии экономического районирования, в частности, предложил принципы природно-хозяйственного районирования. В работах профессора А.Т. Хрущева исследованы принципы территориальной организации промышленности, сформулированы теоретические основы формирования промышленных комплексов и промышленных районов. Подходы к совершенствованию формирующихся территориальных экономиче-

ских систем при освоении ресурсов на региональном уровне разработаны в исследованиях профессора М.К. Бандмана. Вопросы урбанизации, формирования пространственных систем городов и повышения роли городов в пространственном развитии страны рассмотрены в работах Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцика, А.П. Обедкова, В.В. Покшиевского, Б.С. Хорева и др.

Современный этап исследований в области пространственной организации экономических систем связан с переходом экономики страны в условия рынка. Представлен работами А.Г. Гранберга, П.Я. Бакланова, Г.В. Дваса, Н.В. Зубаревич, С.В. Кузнецова, Г.Б. Клейнера, Н.М. Межевича, П.А. Минакира, В.М. Полтеровича, С.А. Суспицына, А.И. Татаркина и других авторов. Среди результатов опубликованных работ, с точки зрения настоящего исследования, наибольший интерес представляют представленные их авторами теоретические соображения относительно сути и понятия пространственной организации региональных экономических систем.

В российской исследовательской практике регион как объект исследования часто совпадает с границами территорий субъектов Российской Федерации, либо объединяет территории нескольких субъектов, выступая в качестве пространственной (территориальной) формы организации экономической системы. А сама региональная экономическая система – это обособленная и относительно устойчивая в пространстве и времени часть окружающего мира (рассматриваемого как системосодержащее пространство), характеризующаяся внешней целостностью и внутренним разнообразием. Система рассматривается как экономическая категория, если она в той или иной степени реализует процессы производства, а также распределения, обмена и потребления благ»³¹. Такой подход, хоть и получил широкое распространение, но не избежал справедливой критики. Критика эта, в первую очередь, связана с тем, что механистическое районирование по субъектам федерации игнорирует многие пространственные контексты. Авторы сразу нескольких из крити-

³¹ Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. – № 6. – С. 4–28.

ческих исследований, в том числе академик П.А. Минакир, обосновывают необходимость учета природного, географического, социального и других факторов для проведения районирования, при котором экономическое пространство рассматривается как территориальная проекция экономической системы, а пространственная организация экономики России представляется как сложная система, которая ощущает на себе воздействие нескольких волн трансформационных изменений³². Именно с этими многочисленными за последние десятилетия трансформациями связана уникальность экономического пространства России.

Академик А.Г. Гранберг рассматривал понятия «экономическое пространство», «пространственная структура» и «пространственная организация» экономики как тождественные. При этом автор описывал суть пространственной организации как в большей степени устройство, чем деятельность по упорядочению. Также автор считал, что сочетания элементарных объектов пространства (локалитетов) образует конкретные формы пространственной организации хозяйства³³. Академик А.И. Татаркин высказывал мнение о том, что межнациональная и пространственно-экономическая общность порождает, при согласованных действиях всех ее субъектов, более эффективные формы социально-экономической интеграции и кооперации во всех сферах экономической и общественной жизни³⁴. А пространственную организацию региональных экономических систем автор рассматривал как практический инструмент, «который способен обеспечить не только высокие темпы роста ВВП страны, но и минимизировать возрастающее неравенство регионов по большинству оцениваемых показателей»³⁵.

³² Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию (статья первая) // Регионалистика. 2017. – Т. 4, № 1. – С. 5–14.

³³ Гранберг А.Г. Программа фундаментальных исследований пространственного развития России и роль в ней Северо-Западного региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. – №1(38). – С. 1–6.

³⁴ Татаркин А.И. Модернизационное обновление российского пространства на основе инновационных инициатив // Регион: Экономика и Социология. 2016. – № 1 (89). – С. 6-33.

³⁵ Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. – Т. 12, № 1. – С. 9–27.

В контексте настоящего описания целесообразно упомянуть и о таком важном документе, как Стратегия пространственного развития Российской Федерации. В документе пространственная организация национальной экономики рассматривается как необходимая составляющая пространственного развития³⁶. Главная цель Стратегии – ответить на вопросы, связанные с совершенствованием системы взаимодействия федерального центра с субъектами Российской Федерации в сфере распределения бюджетных трансфертов, согласовать национальные и региональные цели развития и определить наиболее эффективные пути регионального развития. Содержание документа вызвало интерес у представителей научного сообщества, которые дали неоднозначные оценки^{37,38,39,40}. При некоторых концептуальных преимуществах документа основная критика связана с тем, что предложенные в нем сценарии не решают наиболее острые проблемы и нереалистичны для воплощения. В практическом плане пространственная организация рассматривается как инструмент региональной политики, который направлен на достижение ускорения темпов роста экономики.

Таким образом, обобщая представленные подходы, сформулировано следующее определение. Пространственная организация региональной экономической системы (РЭС) – являющаяся результатом деятельности субъектов управления РЭС система находящихся в сложных взаимосвязях территориально локализованных элементов РЭС, институционально объединенных в являющиеся объектами управления подсистемы (отрасли и сферы жизнедеятельности) таким образом, чтобы за счет эмерджентности самой системы и

³⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 31.08.2019) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/.

³⁷ Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии / Е.А. Коломак, В.А. Крюков, Л.В. Мельникова [и др.] // Регион: экономика и социология. 2018. – № 2. – С. 264–287.

³⁸ Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 967–980.

³⁹ Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. – № 1. – С. 135–145.

⁴⁰ Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Шамахов В.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций // Управленческое консультирование. 2019. – №6(126). – С. 10–18.

синергетического эффекта от согласованного управления ее подсистемами обеспечить устойчивое развитие региона. В качестве базовых можно выделить следующие подсистемы РЭС:

- производственная подсистема;
- подсистема третичного сектора;
- подсистема потребления;
- рекреационная подсистема;
- социальная подсистема;
- управленческая подсистема;
- окружающая среда.

Необходимо отметить, что приведенное деление региональной экономической системы носит несколько условный характер, так как некоторые физические объекты могут относиться одновременно к нескольким подсистемам, обеспечивая их функционирование. Так, одни и те же объекты транспортной инфраструктуры могут использоваться и для перевозки грузов в рамках производственной подсистемы, и для обеспечения населения потребительскими товарами в рамках подсистемы третичного сектора и подсистемы потребления, а одни и те же природные объекты, являясь неотъемлемой частью окружающей среды, могут одновременно быть элементами либо производственной, либо рекреационной подсистем. При этом каждая из перечисленных базовых подсистем формируется, развивается и функционирует под воздействием различных факторов, некоторые из которых влияют одновременно на эффективность и устойчивость нескольких подсистем, что предопределяет требование к сбалансированности (в том числе, с пространственной точки зрения) процессов формирования и использования каждого из факторов развития РЭС.

1.2. Факторы формирования пространственной организации экономических систем

1.2.1. Трансформация подходов мировой науки к анализу экономических факторов

Согласно трактовке словаря русского языка, фактор – это движущая сила, причина какого-либо процесса, явления⁴¹. Факторы производства или экономические факторы рассматриваются как ресурсы, при использовании которых возникает возможность получения доходов. Представители классической экономической теории к экономическим факторам относили труд, землю (природные ресурсы) и капитал. С земельных и природных ресурсов владелец получает ренту. Труд как осознанная деятельность индивида оплачивается заработной платой. Капитал (финансовые и материальные ресурсы) формируют доход в виде процентов.

Позже, в процессе формирования маржиналистской теории предпринимательство было выделено в отдельный вид трудовой деятельности, в связи с чем и фактор труда был разделен на два – труд, используемый для всех видов трудовой деятельности, кроме предпринимательства, и труд предпринимателя, связанный с реализацией человеком его предпринимательской способности, которая в связи с этим разделением была выделена в качестве самостоятельного экономического фактора. Обладание этим фактором, свидетельством чего является умение организовывать и управлять производством товаров и услуг, и его практическое использование, вознаграждаются предпринимательским доходом (прибылью).

На следующем этапе развития экономической теории из капитала в качестве самостоятельного экономического фактора была выделена совокупность нематериальных активов, связанных с обладанием специальными знаниями и информацией, позволяющими их обладателям получать специфический доход в форме роялти.

⁴¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 53 000 слов. [4-е изд., стереотип.]. М., 2010. – 768 с.

При этом, несмотря на произошедшие гораздо более масштабные и глубинные сущностные метаморфозы такого экономического фактора, как земля, его место в официальной классификации факторов остается неизменным. На первом этапе, в период позднего феодализма, основным способом использования земельных ресурсов являлось производство сельскохозяйственной продукции, что позволило основоположникам экономической теории ограничиться единственным словом для характеристики этого экономического фактора – земля. Позже, при переходе к капиталистическим отношениям и повышении роли промышленности, резко увеличилось значение земли как источника полезных ископаемых, в первую очередь, энергетического угля, черных и цветных металлов. В связи с этим произошло постепенное расширение предметной области, а вслед за этим и названия фактора – все чаще в научной литературе стал применяться термин природно-ресурсный фактор. Но даже в тех случаях, когда, в силу традиций, применялся термин земля, контекстно вкладываемый в него смысл был – природно-ресурсный фактор (потенциал). На еще более поздних этапах развития человечества произошло осознание особой роли природного фактора не только в целях экономического роста, но и для обеспечения сохранения условий и качества среды обитания и жизнедеятельности человека. Этот этап продолжается и сегодня, сопровождаясь при этом переосмыслением содержания природно-ресурсного фактора формирования и пространственной организации территориальных социально-экономических систем. Именно незавершенностью этого этапа объясняется появление в последние годы множества теоретических работ, обосновывающих выделение из природно-ресурсного фактора отдельных составляющих с приданием им статуса самостоятельных факторов.

Даже краткий анализ диалектики трансформации теории экономических факторов позволяет сделать два взаимосвязанных вывода – об определенной условности текущей классификации факторов и о незавершенности процесса ее формирования. В подтверждение этих выводов в последнее время некоторые ученые обосновывают целесообразность выделения, в дополнение к пе-

речисленным пяти основным факторам, еще один – инновации. Однако многие ученые – и раньше, и сейчас – склонны не увеличивать перечень основных экономических факторов, а предлагают их более развернутые классификации, учитывающие множественность механизмов влияния того или иного фактора на эффективность экономического развития. Некоторые из этих классификаций, имеющие, как было показано выше, право на жизнь и в наибольшей степени отражающие аспекты, влияющие именно на пространственную организацию экономических систем, целесообразно рассмотреть в рамках настоящей работы с позиций, изложенных в предыдущем параграфе теоретических основ.

Эволюция методологических подходов самым тесным образом связана с факторами, которые исследователи рассматривали как ключевые для процессов формирования пространственной организации экономических систем. Так, например, уже Адам Смит и Давид Рикардо в теориях абсолютных и сравнительных преимуществ в качестве основных факторов рассматривают фактор локализации (месторасположения), который решающим образом влияет на транспортные издержки, формируя в свою очередь те самые абсолютные и сравнительные преимущества и экономическую специализацию территорий^{42,43}.

При этом достаточно несложно заметить, что локализация является неотъемлемой характеристикой любого земельного участка, и рентный доход, получаемый владельцем земельного участка за его использование, может существенно меняться в зависимости от расположения конкретного земельного участка. То есть, строго говоря, вопрос о целесообразности выделения локализации в качестве самостоятельного экономического фактора или об учете локализации в составе глобального фактора, имеющего более общее название – земля, не имеет однозначного ответа, и выбор корректного варианта определяется, исходя из предмета и целей конкретного исследования, в

⁴² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. – 443 с.

⁴³ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: Избранное: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1955. – 339 с.

рамках которого предполагается проведение факторного анализа. Именно с точки зрения этого вывода (без отсылок к нему) в ходе представленного исследования был выполнен анализ некоторых наиболее значимых концепций, в рамках которых были описаны факторы, влияющие на процессы экономического развития. При этом вопрос о целесообразности отнесения того или иного фактора к числу основных автором, в силу описанной дуальности возможных подходов, не рассматривался.

Так, Фридрих Ратцель стал одним из первых ученых, обративших внимание на некоторые пространственные закономерности в расселении людей и, соответственно, в размещении производств. В частности, исследователь выявил значения «фактора моря» – во все времена человечество стремилось занять приморские территории, и обусловлено это не только наиболее комфортными условиями жизни, с точки зрения положительного воздействия морского воздуха, возможности получения дополнительного источника питания и транспортными возможностями, но и, в главной степени, геополитическим фактором. То есть, по мнению автора, любому государству, претендующему на звание «мировой державы», необходимо развивать военно-морские силы, для реализации возможности максимальной географической экспансии. Эти идеи описаны в работе с соответствующим названием «Море, источник могущества народов»⁴⁴. Еще один важный с точки зрения пространственной организации вывод касался процессов концентрации населения. По мнению Ф. Ратцеля, чем выше уровень развития нации, тем выше плотность расселения, а менее развитые сообщества преимущественно расселяются разреженно.

В работах Иоганна Генриха фон Тюнена также в качестве значительного для формирования размещения производства рассматривался транспортный фактор. На примере сельскохозяйственного сектора автор обосновывал положение, согласно которому цена на продукт и, соответственно, его конку-

⁴⁴ Ratzel F. Das Meer als Quelle der Völkergrösse – eine politischer- geographische Studie. München, Berlin: Oldenbourg, 1900.

рентоспособность зависят от транспортных издержек⁴⁵. Схожая позиция в отношении важности транспортных издержек представлена в исследованиях Вильгельма Лаунхардта. Для определения точки оптимального размещения производства автор разработал метод локационного треугольника, суть которого – в учете всех возможных транспортных издержек⁴⁶.

Важным этапом в изучении факторов пространственной организации экономики стали работы Альфреда Вебера. В результате классификации факторов и ассоциированных с ними издержек автор выделяет три решающих: транспорт, рабочая сила и агломерация. Причем, согласно автору, транспортные издержки связаны с весом грузов и расстоянием. Второй фактор учитывает издержки на рабочую силу. Агломерационный фактор связан с определением оптимальных взаимодействий транспортного и рабочего факторов и объясняет процессы концентрации производств⁴⁷.

Вальтер Кристаллер, разрабатывая уровни иерархий территориального соподчинения территорий, выделил три фактора: рыночный, транспортный и административный. Таким образом, абстрактная модель идеальной системы расселения учитывала конфигурации рыночных зон и связей между ними, транспортное развитие и необходимость административного контроля⁴⁸.

В теории пространственного экономического равновесия Августа Лёша были определены два основных фактора, которые влияют на территориальное разделение труда. Первый фактор – эффект концентрации производства, который проявляется в сокращении издержек при увеличении объемов производства (эффект масштаба). Второй фактор связан с транспортными издержками по доставке продукции потребителям, которые равномерно распределены в пространстве региона⁴⁹. Отличительной особенностью этих исследований являются идеализированные представления об экономическом

⁴⁵ Thünen J.H. Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. Hamburg, 1826.

⁴⁶ Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage // Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure. 1882. – Vol. 26 (Mar). – P. 106–115.

⁴⁷ Weber A. Über den Standort der Industrien. Tübingen, 1909.

⁴⁸ Christaller W. Central Places in Southern Germany. Englewood Cliffs. N. J., 1967.

⁴⁹ Lösch A. Die räumliche Ordnung der Wirtschaft. Jena, 1944.

пространстве – во многом это связано с необходимостью применения сложного математического инструментария, желание упростить который привело к введению несколько абстрактных моделей.

Американский экономист Уолтер Айзард при разработке своей модели территориальной проекции социально-экономической жизни общества в регионе выделил фактор спроса⁵⁰, который, по его мнению, формируется исходя из параметров численности населения и его миграции. Таким образом, исследователь определил решающую роль демографического фактора.

Подводя некоторый промежуточный итог, можно сказать, что для группы так называемых равновесных теорий пространственной организации экономических систем наиболее часто обоснованными факторами стали транспортный фактор, который тесно связан с географическим фактором – фактором земли, а также фактор рабочей силы, агломерационный, демографический и фактор спроса, которые – какие-то в большей, какие-то в меньшей степени – связаны с фактором труда. С дальнейшим развитием научного знания в области выявления пространственных взаимосвязей этот список дополнялся.

Для теорий кумулятивного роста стало характерным выделение и исследование новых видов факторов, каждый из которых являлся, как уже было сказано, одной из сторон, одним из параметров более глобальных экономических факторов. Например, в рамках модели, обосновывающей неравномерный экономический рост стран и регионов, Гуннар Мюрдаль предлагал больше внимания уделять таким факторам, как социальный и институциональный⁵¹. Роль этих факторов в экономическом развитии в последствии автор описал в своих работах, посвященных проблемам слаборазвитых Азиатских стран⁵². Франсуа Перру, как автор концепции «государственного дирижизма», в вопросах пространственного развития национальных экономиче-

⁵⁰ Isard W. *Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.

⁵¹ Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth, 1957.

⁵² Myrdal G. *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*, 1968.

ских систем выделял административный фактор⁵³. То есть, по мнению автора, работа по формированию полюсов роста должна происходить на государственном уровне. Специалисты новозеландской управляющей компании Richardson H.W. еще в начале 1970-х г. обосновали особое значение агломерационного фактора. В их работах агломерации рассматриваются как главные источники роста экономики и формирования территориальных закономерностей распределения производств. При этом фактор спроса рассматривается как функция от агломерационного эффекта^{54,55}. Однако, как уже было показано ранее, все эти факторы вполне могут рассматриваться и как составляющие, или точнее – как проявления и характеристики фактора труда, так как и развитие агломераций, и формирование совокупного спроса, и другие параметры развития общества есть производные от трансформаций (в том числе, пространственных) присущего конкретной территории фактора труда.

В работах Пьера Потье и Торстена Хегерстранда впервые в качестве экономического фактора были описаны инновации, причем, в том числе и с пространственной точки зрения. Так, в своей работе Торстен Хегерстранд выдвинул гипотезу о четырех стадиях (волнах) распространения нововведений и особенностях этого процесса для центров и периферийных территорий⁵⁶. При этом очевидно, что все инновационные процессы могут быть представлены и описаны в терминологии и операциях трансформации различных составляющих более глобального экономического фактора – капитала.

Для современного этапа развития теоретических подходов к вопросу формирования пространственной организации экономических систем, как уже было сказано, характерна разработка более сложных систем факторного влияния – как с точки зрения увеличения множественности механизмов

⁵³ Perroux F.L. L'Economie du XX siècle. P.U.F., 1961.

⁵⁴ Richardson H.W. Growth Centers, Rural Development and National Urban Policy. A Defence // International Regional Science Review. 1978. – Vol. 3. – P. 133–152.

⁵⁵ Richardson H.W. Regional Growth Theory. London, 1973.

⁵⁶ Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago and London: University of Chicago Press, 1967.

влияния на развитие экономики каждого из основных экономических факторов, так и с точки зрения возникновения все большего числа синергетических эффектов в результате одновременного влияния на экономическое развитие различных комбинаций разных сторон как одного и того же, так и разных основных факторов.

Так, представитель новой экономической географии Пол Кругман объяснял процессы международной торговли и экономическую специализацию регионов с точки зрения существования мобильных и немобильных факторов. Рабочую силу он относил к мобильному фактору, который способен перемещаться в результате конкуренции между территориями. В свою очередь эту конкуренцию он рассматривал как один из факторов, влияющих на перемещение и концентрацию экономических ресурсов в пространстве⁵⁷. Так, например, автор приходит к выводам, согласно которым такой фактор, как труд, может рассматриваться как мобильный в случае наличия характеристики квалифицированности и как немобильный, если речь идет о неквалифицированном труде.

К подобным результатам касательно мобильности трудовых ресурсов пришел и итальянский исследователь Джанмарко Оттавиано⁵⁸. Также исследователи этой экономической школы сделали заключение о том, что для перемещения таких экономических ресурсов, как предприниматели с их компаниями, важным фактором является наличие соответствующей инфраструктуры, которая уже входит составляющей в глобальный фактор капитала. Таким образом, можно говорить, что инфраструктурный фактор формирует пространственную организацию экономики регионов и стран. Инфраструктурная обеспеченность всегда играла исключительную роль в процессах освоения географического и экономического пространства. Однако именно современный этап развития демонстрирует существенное ускорение процессов кон-

⁵⁷ Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. 1991. – Vol. 99, N3. – P.483–499.

⁵⁸ Ottaviano G. Monopolistic Competition, Trade, and Endogenous Spatial Fluctuations // CEPR Discussion Paper. 1996. – N1327.

центрации экономик там, где создается соответствующая инфраструктура в сочетании с оптимальными институциональными условиями и наличием достаточного фактора труда.

Фактор мобильности трудовых ресурсов изучается многими исследователями. В контексте представленного исследования целесообразно упомянуть некоторые наиболее интересные, с точки зрения процессов формирования пространственных экономических структур, результаты. Так, в работе бельгийского экономиста Кэролайн Де Брюйин описано влияние профсоюзных организаций на рынок труда⁵⁹. Профессор Тель-Авивского университета Эльханан Хелпман оценивает жилье как фактор, который способен ограничивать мобильность трудовых ресурсов. Здесь главным критерием становится стоимость недвижимости или его аренды⁶⁰. В своей совместной работе Томоя Мори из университета Киото и Алессандро Туррини из Центра развития экономической политики Еврокомиссии рассмотрели влияние капитала на формирование территорий с наибольшими долями работников с низкой квалификацией и высококвалифицированных работников⁶¹.

Также, кроме традиционных факторов пространственного формирования экономических систем, объектом исследователей на современном этапе все чаще становятся такие нематериальные факторы, как коммуникационный, информационный, культурно-исторический, климатический, экологический и другие. Как уже было неоднократно подчеркнуто, окончательный выбор конфигурации системы факторов (естественно, в рамках классического на сегодняшний день квинтета основных экономических факторов) остается за конкретным исследователем и зависит от целей работы, сформулированной гипотезы и прочих научных обстоятельств.

⁵⁹ De Bruyne K. The Location of Economic Activity: First versus Second Nature Core-Periphery Theories // Tijdschrift voor Economie en Management. 2006. – Vol. LI, – N1. – P. 75–104.

⁶⁰ Helpman E. The Size of Regions. Working Paper № 14-95. The Foerder Institute for Economic Research: [сайт]. URL: <http://econ.tau.ac.il/papers/foerder/14-95.pdf> (accessed 15 March 2013).

⁶¹ Mori T., Turrini A. Skills, Agglomeration, and Segmentation // European Economic Review. 2005. – Vol. 49. P. 201–225.

В рамках настоящей работы интерес представляют наработки исследователей с позиции влияния тех или иных экономических факторов на закономерности пространственной организации территориальных экономических систем, в первую очередь – национального хозяйства России и ее регионов.

1.2.2. Особенности подходов российской школы к факторному анализу формирования и развития пространственной организации экономических систем

Особенности развития региональной науки в России связаны с историческими аспектами и физическими характеристиками объекта (национальной экономики и ее частей). Что касается уникальности российского пространства, то она характеризуется исключительным многообразием, неоднородностью и обширностью. История развития региональных исследований связана с именем Константина Ивановича Арсеньева. Первые попытки экономического районирования, показывающего уровень развития хозяйства в тех или иных регионах России, были осуществлены им в середине XIX в. Были и другие исследования досоветского периода, в которых приводилась исчерпывающая информация описательного характера о ресурсах, природно-климатических условиях, базовая региональная социально-экономическая статистика. Для этого этапа развития региональной науки в России характерно формирование подходов к проблеме исследования с точки зрения применимости их результатов для решения конкретных практических задач.

Еще бóльшую практико-ориентированность отечественная регионалистика приобрела в советский период, когда отечественная школа региональных исследований развивалась практически в полной изоляции от мирового научного сообщества. Несмотря на эту изолированность, на начальном этапе своего формирования советская наука в подходах к выделению факторов пространственной организации национальной экономики была близка к основным направлениям западной экономической мысли. Так, например, при

разработке уже упоминаемого плана ГОЭЛРО учитывались три основных фактора – транспортный, трудовой и агломерационный⁶². Идея осуществленного в этом документе районирования с учетом этих факторов заключалась в достижении успешного комплексного развития за счет специализации и внутрирайонной кооперации. Реализация такого масштабного проекта на огромной слабозаселенной территории СССР сопровождалась многими трудностями. Но план был реализован, экономические показатели были достигнуты и перевыполнены. Эти результаты предопределили во многом сохранившуюся и до сегодняшнего дня пространственную организацию народного хозяйства. А сам факт реализации такого масштабного проекта в столь сложных исходных условиях продемонстрировал решающую роль административного фактора.

В целом, представители советской районной научной школы выделяли достаточно традиционный для того времени круг факторов пространственной организации экономических систем. Так, Н.Н. Колосовский в концепции экономического районирования учитывал такие факторы, как географическое расположение, транспортные условия, обеспеченность природными, энергетическими и трудовыми ресурсами. Сочетание характеристик этих факторов влияло на формирование наиболее экономически выгодных специализаций экономических районов, выявление и развитие которых являлось целью такого подхода. Ю.Г. Саушкин придавал большое значение природно-географическим факторам. Так, в своих работах он сопоставлял различные сетки районирования с очертаниями тектонических районов⁶³. М.К. Бандман выделял, наряду с другими, роль фактора транспортной инфраструктуры и считал, что экономическая безопасность региональных экономических систем обеспечивается формированием транспортных комплексов⁶⁴.

⁶² Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // ЭНСР. 2010. – № 3 (50). – 2010. С. 6–32.

⁶³ Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза // Вестник Моск. ун-та. Серия 5: География. 1980. – № 4. – С. 3–13.

⁶⁴ Проблемные регионы ресурсного типа: программы, проекты и транспортные коридоры / под ред. Бандмана М.К. и Малова В.Ю. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000. – 264 с.

На современном этапе развития подходов к вопросам пространственной организации территориальных экономических систем в условиях рыночной экономики российские исследователи рассматривают более широкий перечень экономических факторов. Академик П.Я. Бакланов выделяет три уровня пространственного развития России: макрорегиональный, уровень крупных экономических районов и мезоструктурный уровень (региональный). На мезоструктурном уровне автор выделяет такие факторы, как природно-ресурсный, социальный, инфраструктурный, производственный и научно-образовательный. При этом автор приходит к выводу, что территориальная организация общества, как наиболее полная система пространственных сочетаний всех социально-экономических компонентов между собой и с территорией, происходит на уровне территориальных социально-экономических систем⁶⁵. С.В. Кузнецов и Р.Б. Ротенберг, анализируя особенности развития макрорегиона Северо-Запад, среди прочих экономических факторов, выделили имеющий особое значение для пространственного развития экономики этого макрорегиона и входящих в его состав субъектов федерации фактор приграничного положения⁶⁶. На примере другого макрорегиона (Дальний Восток) академик П.А. Минакир и О.М. Прокапало обосновывают роль таких взаимосвязанных институциональных факторов, как централизация и автономизация в системе управления процессами экономического развития⁶⁷.

Научный коллектив, включающий в себя члена-корреспондента РАН В.А. Цветкова, К.Х. Зоидова и З.К. Омарову, разработал следующую систему укрупненных факторов, связанных с необходимостью активизации роли государства в процессах регулирования пространственного развития региональных экономик:

⁶⁵ Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Вестник АРГО. 2017. – № 6. – С. 6–11.

⁶⁶ Кузнецов С.В., Ротенберг Р.Б. Факторы пространственного развития макрорегиона Северо-Запад // Экономика. Налоги. Право. 2012. – № 2. – С. 46–51.

⁶⁷ Минакир П.А. Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. – Т. 10, № 6. С. 24–41.

- национальные и социально-политические факторы, которые связаны с обеспечением безопасности, целостности и независимости страны в условиях многонационального государства и дезинтеграции;
- конъюнктурные факторы, под которыми авторы понимают значительную дифференциацию политического климата в регионах;
- социально-экономические факторы, связанные с эффективным пространственным развитием и использованием ресурсов;
- правовые факторы, нацеленные на гармонизацию неоднородного правового поля;
- факторы справедливости и равноправия граждан, обусловленные значительными межрегиональными различиями.⁶⁸

Такая система факторов, по мнению авторов, выглядит универсальной и может применяться на различных этапах развития с определенными корректировками в области доминирования того или иного фактора.

В контексте настоящего исследования необходимо привести результаты большой и значительной работы, которая проводилась под руководством академика А.Г. Гранберга и была направлена на разработку концепции междисциплинарного синтеза в исследованиях пространственного развития экономики России. Результатом стала Программа Фундаментальных Исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». В рамках этой работы были обоснованы факторы пространственного развития, содержательный смысл которых коррелирует с перечнем связанных между собой подпрограмм: внешнеполитические и внешнеэкономические факторы, фактор пространственной трансформации, социально-демографический фактор, фактор модернизации экономического пространства, фактор воздействия природной среды на социально-экономическое пространство, энергетический, транспортный, информационный, научно-инновационный факторы,

⁶⁸ Цветков В.А., Зоидов К.Х., Омарова З.К. Совершенствование механизмов регулирования пространственного развития как важнейший вектор нового качества экономического роста территории // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. – № 4 (34). – С. 11–25.

фактор межрегиональной интеграции, этнополитический фактор и фактор государственно-территориального устройства⁶⁹. Рассмотрим предложенные подходы с точки зрения влияния выделяемых факторов на процессы формирования пространственной организации экономических систем более подробно.

Влияние внешнеполитического и внешнеэкономического факторов проявляется в процессах включения национальной экономики в мировое и евразийское пространство. Фактор пространственной трансформации российского общества связан с региональными критериями идентификации: происхождение и основания образования регионов, социокультурные особенности и инновационный вектор. По этим критериям составляются социокультурные портреты регионов, которые затем применяются для группировки в пространственные кластеры.

Влияние социально-демографического фактора связано с установленными закономерностями негативного влияния социально-экономического неравенства на демографический рост. Причем именно региональная «социальная среда» и «социальная инфраструктура» влияют на значимые демографические показатели и уровень человеческого потенциала. Высокие показатели уровня человеческого потенциала являются необходимым условием для модернизационного прорыва.

В свою очередь, модернизация экономического пространства предполагает формирование нового многоуровневого экономического районирования России с учетом территориальных различий региональных рынков. Природная среда как ресурсный фактор влияет на пространственное социально-экономическое развитие страны очевидным образом. А вот климатические изменения и погодные аномалии действуют не только на региональные экономики, но и на здоровье населения. Важный природный ресурс – пресная вода, и ее нарастающий дефицит также может оказывать влияние на освое-

⁶⁹ Гранберг А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: Экономика и Социология. 2014. – № 2. – С.166.

ние пространства. Топливо-энергетический комплекс для российской экономики в настоящее время является ключевым. На его формирование влияют территориальное распределение производства энергоресурсов и энергопотребления, плотность энергопотребления и возможные пути снижения ее неравномерности, возможности приближения источников энергии к потребителям, потенциал оптимизации развития энергетической инфраструктуры.

Транспортный фактор имеет значение с точки зрения формирования единого экономического пространства. Для достижения этой цели необходимо формирование транспортной системы, включающей адекватную сеть транспортных коридоров и транспортно-логистических узлов. Соответственно исключение территорий из национальной транспортной системы приведет к изъятию их из экономики. Влияние информационного фактора в пространственном аспекте связано с ролью информационно-коммуникационных технологий в процессах формирования организационных структур и сообществ в российских регионах. Так, например, доступность государственных и муниципальных услуг на практике реализуется в плоскости информатизации общества.

Научно-инновационный фактор проявляется в региональных особенностях национальной инновационной системы, которая является сетевой организацией взаимодействующих локальных инновационных подсистем, способных вносить вклад в инновационное развитие конкретных регионов.

Фактор межрегиональной интеграции связан с пространственными аспектами перспектив экономической интеграции и кооперации российских мезо- и макрорегионов.

Этнополитический фактор наиболее остро в российском пространстве проявился на территории Южного макрорегиона. Регион имеет стратегическое значение для сохранения целостности страны и находится в состоянии затяжного этнополитического кризиса. Такие негативные явления, как сепаратизм, коррупция, деформация государственного управления, асимметрия демографических и миграционных процессов и попытки решить эти пробле-

мы исключительно за счет увеличения бюджетного финансирования, привели к серьезной критике со стороны экспертного сообщества в адрес бюджетной политики правительства России. Можно говорить о том, что этнополитический фактор имеет выраженное негативное влияние на механизмы распределения бюджетных трансфертов. Фактор государственно-территориального устройства связан с совершенствованием федеративных отношений, децентрализацией управления и созданием адекватной им системы территориального планирования.

Стоит упомянуть еще одну работу, в которой анализируются факторы пространственного развития территориальной экономической системы на уровне региона и макрорегиона (Ленинградская область и Северо-Западный федеральный округ)⁷⁰. Обосновывая систему факторов, Г.В. Двас наглядно демонстрирует, что в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу значительно изменяется степень влияния различных факторов на процессы развития регионов. Автор связывает эту трансформацию с изменением вклада тех или иных факторов в формирование себестоимости производимых и/или реализуемых в конкретном регионе товаров и услуг:

- геоэкономический фактор (в случае с Ленинградской областью выгодное приграничное и приморское положение);
- фактор расселения трудовых ресурсов;
- социально-экономические факторы, характеризующиеся, например, через такие показатели, как среднедушевые доходы и среднедушевые расходы на социальную сферу, оборот предприятий, объем инвестиций в основной капитал;
- природно-ресурсный фактор;
- инфраструктурный фактор.

⁷⁰ Двас Г.В. Цели, ключевые факторы и механизмы социально-экономического развития региона. СПб, 2013. – 133 с.

В работе приводятся результаты, демонстрирующие, что для регионов и внутри регионов эти потенциалы распределены неравномерно и имеют различную степень влияния. Для установления причинно-следственных связей и взаимозависимостей автор применил экономико-математические модели, коэффициенты корреляции между параметрами которых позволили сделать вывод о наибольшей значимости для этого конкретного региона фактора плотности населения. При этом конфигурация предложенной Г.В. Двасом экономико-математической модели в явном виде содержит указание на то, что для других регионов наибольшую значимость могут иметь другие экономические факторы.

Одной из причин наличия разницы в степени влияния тех или иных факторов на параметры развития разных регионов территорий являются различия в структуре региональных экономик, разные отрасли и виды деятельности в которых в разной степени испытывают зависимость от тех или иных экономических факторов, а точнее – от их сочетания. Исходя из объекта и предмета представленной работы целесообразно рассмотреть это явление на примере схематического анализа влияния различных факторов на пространственную организацию региональных рекреационных систем.

1.2.3. Прикладные аспекты факторного анализа формирования и развития пространственной организации экономических систем (на примере региональных рекреационных систем)

Исследователи аспектов пространственной организации региональных рекреационных систем выделяют наряду с «классическими» экономическими факторами ряд наиболее значимых именно для этой сферы факторов. При этом достаточно часто авторы включают в число наиболее значимых совершенно разные факторы, которые иногда являются действительно системными, но в ряде случаев отражают специфику тех регионов и их рекреационных систем, которые являются объектами изучения конкретными авторами. Так,

профессор Т.И.Герасименко, представляющая Оренбургскую область – один из самых многонациональных регионов России, в качестве значительного для развития рекреационной деятельности выделяет этнографический фактор⁷¹, указывая, что очень часто именно этнографические региональные ресурсы становятся предпосылкой для формирования локальных рекреационных систем. При этом Оренбургская область является одним из немногих регионов России, в которых количество групп жителей, имеющих отличную от русской национальность и долю в общей численности не менее 2 %, составляет 5 и более. То есть этнографические ресурсы Оренбургской области являются предпосылкой для формирования, как минимум, пяти локальных рекреационных систем.

При этом профессор МГУ А.Ю. Александрова, соглашаясь с тем, что материальная и духовная культура народов вызывает интерес, который реализуется в спросе на услуги, связанные с ознакомлением в той или иной форме с этнокультурой, в качестве примера дестинаций, не просто развивающих это направление туризма, но в которых фиксируется явление «сверхтуризма», суть которого проявляется в многократных превышениях пропускной способности рекреационных объектов с соответствующими позитивными и негативными воздействиями, приводит Карелию, где карелы являются, по сути, единственной культуuroобразующей национальностью, кроме русских⁷².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что этнографический фактор является значимым для развития туристско-рекреационной деятельности, реализуемой в рамках рекреационной подсистемы региональной экономической системы, вне зависимости от количества представленных в соответствующем регионе мононациональных групп.

Описанный А.Ю. Александровой пример этнокультурного центра «Карельская деревня Кинерма», который предлагает услуги, основанные на этнографических ресурсах Карелии и самой деревни: гастрономические мас-

⁷¹ Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб., 2005. – 235 с.

⁷² Александрова А.Ю. Сверхтуризм и туризмобия в европейских городах-дестинациях (кейс Барселоны) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. – Т. 12, № 4. – С. 56–68.

тер-классы, экскурсии, посвященная быту карелов музейная экспозиция, стилизованные как традиционные карельские избы гостевые дома, интересен и с другой точки зрения. Общее культурное наследие полиэтнической финно-угорской этноконтактной зоны стало основой для формирования трансграничного района вокруг городов Йоэнсуу и Сортавала, в 110 км от которой расположена Кинерма. На территории этого района созданы трансграничные маршруты, работают совместные автоматизированные системы бронирования и продажи билетов на культурные события, разработан общий маркетинговый план для городов с российской и финской стороны, включающий единый календарь ежегодных культурных событий для территории Северной Карелии (Финляндия) и Республики Карелия (Россия). Такого типа рекреационные системы могут формироваться, выходя за рамки границ регионов или стран, а естественным и важнейшим фактором для этого становится их приграничное положение.

С одной стороны, очевидно, что фактор приграничного положения может хоть как-то влиять на формирование и развитие региональной рекреационной системы в том и только том случае, если соответствующий регион является приграничным. Этот фактор является не всеобщим, а частным. С другой стороны, в случае наличия участвующих в хозяйственной жизни региона участков государственной границы, фактор приграничного положения может оказывать влияние не только на рекреационную, но и на другие подсистемы региональной экономической системы^{73,74,75}, в связи с чем представляется целесообразным исследовать механизмы и параметры влияния этого фактора на различные аспекты развития региональных экономических систем, включая пространственные закономерности такого развития, что и будет сделано более подробно в следующем параграфе.

⁷³ Zaitseva N.A., Kropinova E.G. Problems and prospects of cross-border cooperation in tourism between Russia and Europe // *Baltic Region*. 2016. – Vol. 8 (3). – P. 98–108.

⁷⁴ Степанова С.В. Развитие туризма в приграничье: преимущества или ограничения? (Карельская практика) // *Балтийский регион*. 2019. – Т. 11, № 2. – С. 94–111.

⁷⁵ Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения / А.П. Катровский, Ю.П. Ковалев, Л.Ю. Мажар, С.А. Щербакова // *Балтийский регион*. 2017. – Т. 9, № 1. – С. 113–126.

Некоторые факторы, например, климатический и экологический, приобретают исключительно важное значение именно для развития рекреации. Так, в регионах целесообразно развивать те виды рекреационной деятельности, которые соответствуют климатическим и другим природным ресурсам. Традиционно высокими рекреационными качествами обладают территории с морским климатом. Горный климат предполагает развитие горнолыжных курортов. Но даже на арктических территориях с самым высоким уровнем дискомфорта климата могут развиваться рекреационные системы. Например, в настоящее время реализуется проект разработки дорожной карты развития круизного туризма на территории Арктической зоны Российской Федерации. При этом если климатические условия мы рассматриваем как данность, то экологический фактор – это следствие деятельности человека. Абсолютно очевидно, что рекреационная деятельность, направленная на отдых и восстановление физических сил, интеллектуальное совершенствование, не может быть реализована при несоответствующих экологических параметрах. Таким образом, климатический фактор влияет на специализацию региональной рекреационной системы, а экологический фактор может исключать региональные пространства из этой экономической плоскости.

На региональном уровне экологический фактор может проявляться в таких негативных явлениях, как неэффективное управление обращением промышленных и бытовых отходов, незаконные вырубки лесов, различные виды загрязнений, которые негативно воздействуют на экосистемы, браконьерство. Возникает разбалансировка в системе «природа-население-хозяйство». Экологические катастрофы могут привести как к полному исключению территорий из социально-экономического пространства, так и к невозможности их использования для отдельных сфер жизнедеятельности, например, для включения в рекреационную систему.

Здесь уместно привести один яркий пример риска экологической катастрофы, которая способна полностью обесценить рекреационные ресурсы одного из наиболее важных с этой точки зрения региона России. Авторы «Эко-

логического атласа России» предупреждают о том, что вдоль всего крымского побережья со времен Второй мировой войны затоплены сотни контейнеров с химическими боеприпасами (с ипризитом и люизитом). «Даже одной бочки хватит для экологической катастрофы. Гарантия целостности контейнеров заканчивается, и они могут начать разламываться. Поднять же их со дна технически очень сложно». Очевидно, что это создает угрозу сокращения пространства рекреационной системы не только Крыма, но и других причерноморских регионов.

Кроме потенциальных экологических катастроф, к сожалению, можно привести ряд уже произошедших бедствий. Разливы нефти (усинская катастрофа в 1994 г., катастрофа вблизи Брянска в 2006 г., разлив нефти на Сахалине в 2016 г., признанная чрезвычайной ситуацией федерального масштаба утечка 20 тыс. т. дизельного топлива, произошедшая 29 мая 2020 г. в районе Норильска Кайеркане и другие), лесные пожары в Сибири, техногенные катастрофы на промышленных предприятиях (выброс хлора на предприятии «Химпром» в 2006 г., утечка брома на железнодорожной станции в Челябинске в 2011 г., возгорание азотной кислоты на химзаводе в Красноуральске в 2016 г. и другие) уже привели к формированию зон экологического неблагополучия с соответствующими негативными социально-экономическими последствиями. Таким образом, экологический фактор может ограничивать пространственное развитие экономических систем, но имеет решающее значение именно для региональных рекреационных систем.

Также на возможности эффективного, с экономической точки зрения, расширения рекреационного пространства влияют процессы цифровизации, являющейся одним из проявлений реализации базового экономического фактора – знания (информация). Цифровизация как форма коммуникационного взаимодействия и обмена информацией между производителями и потребителями рекреационных услуг является значимым конкурентным преимуществом конкретных рекреационных региональных систем.

Таким образом, выполненный анализ позволяет сделать вывод о том, что система факторов экономического развития с момента своего зарождения находится в процессе перманентной трансформации, отражающей два находящихся в сложной взаимосвязи явления – укрупнение (расширение) предметной области одних факторов и дезагрегирование других. В качестве примера можно привести такой изначально включенный в триединую систему фактор, как земля. Вместе с тем, приведенные выше примеры новых разработок, предлагающих в рамках уже считающейся классической теории факторов производства дальнейшее дезагрегирование фактора труда с последующим переформатированием его составных частей, свидетельствуют о том, что применительно к каждому конкретному объекту и предмету исследования допустимо применение такого рода методологических приемов.

1.3. Оценка влияния фактора приграничного положения на экономические системы приграничных регионов

1.3.1. Международный опыт учета фактора приграничного положения регионов в системе управления их развитием

Как было установлено в предыдущем параграфе, фактор приграничного положения может оказывать прямое или косвенное влияние на различные подсистемы региональной экономической системы, что является причиной наблюдаемого сегодня роста интереса к приграничной тематике. Подтверждением этого можно считать возникновение исследовательских коллективов и групп по данному направлению, проводимые на регулярной основе конференций, публикации научных изданий (одним из наиболее авторитетных является научный журнал *Journal of Borderland Studies*). Интерес к этой научной проблеме подогревается геополитическими событиями, которые условно можно разделить на два противоположных дискурса. С одной стороны – тренд, направленный на глобализацию, связанную со стиранием границ между государствами и рыночными пространствами. Эти идеи в первую очередь воплотились в реализации такого экономико-политического проекта, как региональная интеграция в рамках Европейского Союза в 1990-х и его дальнейшее расширение. С другой стороны – события, связанные с возникновением и обострением политических конфликтов между странами, возрастающие угрозы терроризма и неконтролируемой миграции, экономические войны и практика санкций. Все это обостряет интерес к проблемам приграничных территорий.

При этом исследования особенностей развития приграничных территорий относятся не только к географическим или экономическим наукам. Они также входят в предметную область политологии, социологии, антропологии, истории, международного права и с недавнего времени – искусствоведения и

даже философии и этики⁷⁶. Одной из особенностей этого научного направления можно считать его междисциплинарность. Другая характерная черта связана с тем, что приграничные территории и процессы, происходящие на них, необходимо изучать с учетом сопредельных территорий, а не обособленно.

«Режим и функции границ в современных условиях – результирующая деятельности не только различных государственных институтов, но и других субъектов принятия решений – крупного бизнеса, этнических движений, региональных и местных властей, отдельных групп населения и др.»⁷⁷. К сожалению, работ, которые были бы посвящены глубокому теоретическому анализу проблематики влияния приграничного положения регионов на процессы их социально-экономического развития, чрезвычайно мало – основное внимание специалистов приковано к изучению прикладных аспектов развития конкретных приграничных регионов. При этом львиная доля всех исследований посвящена изучению ситуации вдоль лишь нескольких границ, традиционно вызывающих высокий уровень общественного внимания. Вместе с тем, анализ этих работ способствует формированию более общих выводов, которые впоследствии могут быть использованы в качестве методологической базы более широких исследований приграничной проблематики или при изучении влияния приграничного положения на социально-экономическое развитие регионов, ранее не являвшихся объектом аналогичных исследований.

Целый пласт работ посвящен проблематике американо-мексиканского приграничья. Исследования по этой тематике появляются регулярно, например, в журнале *Journal of Borderland Studies*, начиная с самых первых выпусков и до настоящего времени. На ранних этапах можно выделить работы, посвященные исследованиям влияния приграничного сотрудничества между странами на развитие жизни сообществ приграничных территорий⁷⁸, страте-

⁷⁶ Колосов В.А. Парадоксы глобализации и усиливающиеся барьерные функции границ в современном мире // Региональные исследования. 2018. – № 3 (61). – С. 9–18.

⁷⁷ Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. – 582 с. + 32 с. ил.

⁷⁸ Oscar J. Martínez. Transnational fronteras: Cross-Border linkages in Mexican Border Society // *Journal of Borderlands Studies*. 1990. – Vol. 5 (1). – P. 79-94.

гиям их развития в период кризиса⁷⁹ и другим аспектам. В отдельную группу можно объединить исследования особенностей ведения бизнеса на сопредельных территориях этого участка границы, таких как использование валюты сопредельного государства⁸⁰, реализация соглашения о свободной торговле на практике (North American Free Trade Agreement)⁸¹, интеграция банковского сектора⁸².

Особый интерес вызывает изучение практики использования инвестиций из США для создания на приграничных территориях Мексики промышленных предприятий сборочно-конвейерного типа. Эта производственная модель учитывала значительную дифференциацию в экономическом развитии Мексики и США. Американские компании повышали собственную конкурентоспособность за счет экономии на оплате труда и других факторах производства, и при этом США как государство в определенной мере снижало остроту проблем, связанных с массовой трудовой миграцией из Мексики⁸³. С другой стороны, Мексика получала новые рабочие места и налоги – такие предприятия создавали до четверти ВВП, обеспечивая 1/5 всей занятости, а также обеспечивали поддержание платежного баланса страны, так как их продукция достигала половины всего мексиканского экспорта. По оценкам специалистов, они обеспечивали для Мексики вклад в ВВП до 25%, в экспорт до 50% и в занятость до 20%.

Так называемые «макиладоры» получили широкое распространение в период с 1960-х и активно развивались до 2000-х, когда период роста популярности этих производств сменился спадом, который был вызван конкуренцией со стороны производств, размещенных в Китае, Южной Корее и Вьет-

⁷⁹ Anderson J, de la Rosa M. Economic survival strategies of poor families on the Mexican Border // *Journal of Borderlands Studies*. 1991. – Vol. 6 (1). – P. 51–68.

⁸⁰ Yoskowitz D.W., Pisani M. J. Penetration of the Mexican peso into U.S. retail operations: An examination of Texas firms along the Mexican border // *Journal of Borderlands Studies*. 2002. – Vol. 17:2. – P. 53–62.

⁸¹ Patrick J.M. A preliminary assessment of NAFTA's impact on the Texas border economy // *Journal of Borderlands Studies*. 1996. – Vol. 11:2. – P. 23–50.

⁸² Brannon J.T., Wilke D. Commercial banking on the U.S.-Mexico Border // *Journal of Borderlands Studies*. 1987. – Vol. 2:1. – P. 17–35.

⁸³ Cobb S.L., Molina D.J., Sokulsky K. The impact of maquiladoras on commuter flows in the Texas-Mexican Border // *Journal of Borderlands Studies*. 1989. – Vol. 4:1. –P. 71–88.

наме. Несмотря на то, что после появления четких проявлений спада приграничные мексиканские территории начали использовать другие возможности для развития: предоставление медицинских услуг и фармакологических товаров⁸⁴ (при этом стоматологический туризм выделился в отдельную отрасль⁸⁵), развитие проектов в области культуры, образования и экологии⁸⁶, проблема миграции обострилась с новой силой.

Урегулировать эту проблему не получается на протяжении многих лет, и она всесторонне изучается⁸⁷⁻⁸⁸⁻⁸⁹⁻⁹⁰⁻⁹¹. Для сдерживания незаконной миграции в 1993 г. США инициировали проект возведения стены по линии делимитации границы. Воплощение этой инициативы продолжается и сегодня, оставаясь в центре интересов многих исследовательских групп.

Подробно исследуется внутреннее и внешнее европейское приграничье. С момента возникновения Европейского Союза все внутренние границы стали территориями развития приграничного сотрудничества, в который вовлечены и внешние границы. Большое внимание вызывают приграничные территории со значительным различием уровня социально-экономического развития. Предполагается, что эти различия становятся основной преградой для успешных приграничных взаимодействий. Традиционно это территории, примыкающие к постсоветским границам и границам, на формирование которых сильное влияние оказывал СССР.

⁸⁴ Oberle A.P., Arreola D.D. Mexican medical border towns: A case study of Algodones, Baja California // *Journal of Borderlands Studies*. 2004. – Vol. – 19:2. – P. 27–44.

⁸⁵ Adams K., Snyder J., Crooks V.A. Narratives of a “Dental Oasis”: Examining Media Portrayals of Dental Tourism in the Border Town of Los Algodones, Mexico // *Journal of Borderlands Studies*. 2019. – Vol. 34:3. – P. 325–341.

⁸⁶ Mendoza J. E., Dupeyron B. Economic Integration, Emerging Fields and Cross-border Governance: The Case of San Diego–Tijuana // *Journal of Borderlands Studies*. 2020. – Vol. 35:1. – P. 55–74.

⁸⁷ Reza E.M., Peake L., Dyck H. Observations on the implementation of the North American agreement on labor cooperation: Emerging issues and initial impacts on united states-Mexico labor relations // *Journal of Borderlands Studies*. 1996. – Vol.11:1. – P. 59–72.

⁸⁸ Marquez R.R., Padilla Y.C. Migration in the life course of women in the border city of Matamoros, Tamualipas: Links to educational, family, and labor trajectories // *Journal of Borderlands Studies*. 2003. – Vol.18:2. – P. 87–104.

⁸⁹ Alegría T. Demand and supply of Mexican cross-border workers // *Journal of Borderlands Studies*. 2002. – Vol.17:1. – P. 37–55.

⁹⁰ Segal U.A. Mexican Migration to the United States: A Focus on Missouri // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2008. – Vol.6:3. – P. 451–462.

⁹¹ Sanderson M.R. Free trade, food-processing, and migration: An analysis of Mexican immigration in the U.S. Great Plains Region // *The Social Science Journal*. 2014. – Vol.51:3. – P. 474–482.

Один из примеров – немецко-польский приграничный регион. Здесь приграничное сотрудничество рассматривалось как средство содействия комплексному развитию и социально-экономической сплоченности в контексте европейской экспансии и интеграции^{92,93}. На начальном этапе слияния различия экономических, политических, социальных и других систем ощущались особенно остро. Однако и после длительного периода, несмотря на принятие совместных стандартов, целей и ценностей, исследователи отмечают существенные препятствия, вызванные различиями между этими приграничными территориями почти во всех сферах, в том числе и в области пространственного планирования развития экономических систем⁹⁴. Другими важными темами для европейских приграничных территорий являются трудовая миграция и ее последствия⁹⁵, вопросы социального доверия и взаимной заинтересованности в трансграничном сотрудничестве⁹⁶, влияние приграничного положения на предприятия малого и среднего бизнеса⁹⁷ и другие.

Выраженная специфика в развитии приграничных территорий формируется на участках границ, где фиксируется ситуация военно-политического конфликта. Яркими примерами таких границ являются граница между Израилем и Государством Палестина и граница между Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея. Такие границы с точки зрения инфраструктуры обеспечиваются фундаментальными объектами: израильский разделительный барьер представляет собой бетонную стену до 8 м высотой, а корейская демилитаризованная зона шириной 4 км, разделившая весь полуостров, состоит из сложных военных сооружений с прилеганием

⁹² Scott J.W., Collins K. Inducing transboundary regionalism in asymmetric situations: The case of the German-Polish Border // *Journal of Borderlands Studies*. 1997. Vol. 12:1-2. P. 97-121.

⁹³ Krätke S. Where East meets West: The German—polish border region in transformation // *European Planning Studies*. 1996. Vol. 4:6. P. 647-669.

⁹⁴ Tölle A. National Planning Systems Between Convergence and Incongruity: Implications for Cross-Border Cooperation from the German—Polish Perspective // *European Planning Studies*. 2013. Vol. 21:4. P. 615-630.

⁹⁵ Chilla T., Heugel A. Cross-border Commuting Dynamics: Patterns and Driving Forces in the Alpine Macro-region // *Journal of Borderlands Studies*. 2019. Vol. 12 (10).

⁹⁶ Durand F., Decoville A. A multidimensional measurement of the integration between European border regions // *Journal of European Integration*. 2020. Vol. 42:2. P. 163-178.

⁹⁷ Makkonen T., Leick B. Locational challenges and opportunities for SMEs in border regions // *European Planning Studies*. 2019. Vol. Dec. P. 1-20.

заминированной территории (со стороны Южной Кореи). Однако даже на таких проблемных приграничных территориях фиксируются периоды приграничных взаимодействий или вовлечения этих пространств в экономические процессы. Например, Южная Корея открыла демилитаризованную зону для туристских посещений. Главным объектом этой территории является Дом свободы, откуда можно в бинокль посмотреть на северокорейскую сторону. Кроме этого, объектами показа с южнокорейской стороны являются тоннели, прорытые северянами для побега из страны. Несмотря на сложные отношения между этими странами, существуют примеры более привычного экономического сотрудничества на приграничных территориях. Однако исследователи отмечают, что на характер экономической интеграции между Северной Кореей и Южной Кореей влияют риски, связанные с северокорейской политикой. В связи с этим, выделяются три основные формы сотрудничества: торговля и инвестиции «на расстоянии вытянутой руки»; торговля на комиссионной основе; сотрудничество в рамках приграничного промышленного региона Кэсон (с момента создания в 2012 г. его работа несколько раз ограничивалась, а с 2016 г. парк временно закрыт правительством Южной Кореи)⁹⁸.

Интерес представляют также результаты еще одного исследования, где рассматриваются усилия по созданию палестинских индустриальных зон, которые могут содействовать мирному процессу посредством реализации потенциала границы как территории контакта израильского и палестинского гражданского общества⁹⁹. В работе анализируется деятельность израильско-палестинских предприятий и выделяется три типа экономических инициатив, ориентированных на приграничный регион: придорожные рынки, индустриальные парки и казино «Оазис» (казино было закрыто в 2016 г. по решению правительства Палестины).

⁹⁸ Haggard S., Noland M. The Microeconomics of North–South Korean Cross-border Integration // *International Economic Journal*. 2012. – Vol. 26 (3). – P. 407–430.

⁹⁹ Arieli T. Israeli-Palestinian border enterprises revisited // *Journal of Borderlands Studies*. 2009. – Vol. 24 (2). – P. 1–14.

Подводя итог этого краткого обзора, демонстрирующего актуальность темы развития приграничных территорий, можно обратиться к работе вице-президента РГО профессора В.А. Колосова, одного из наиболее авторитетных отечественных ученых в данной тематике. Так, Владимир Александрович, рассуждая о контактной и барьерной функциях границы, пишет о том, что возведение пограничных препятствий связано с традиционным пониманием границ как своего рода «линии фронта». Часто людям, принимающим решения, кажется, что максимальный контроль потоков через нее поможет наиболее эффективно предотвращать проникновение вглубь страны нелегальных мигрантов, наркотиков, контрабанды и т. п., и, конечно, низкая экономическая активность и слабая заселенность приграничной территории будет только способствовать осуществлению контроля и охраны границы. При таком подходе возникает желание максимально расширить пограничную зону и ввести предельно ограничивающий любые формы взаимодействий режим.¹⁰⁰ Это приводит к деградации приграничных территорий, утрате выгод экономического, гуманитарного и других видов сотрудничества. При противоположном подходе вдоль государственных границ может формироваться пространство активного взаимодействия экономических подсистем соседних государств. Таких примеров много и в зарубежной, и в отечественной практике, хотя все они свидетельствуют о сохранении некоторых рисков, возрастающих по мере роста интенсивности трансграничных взаимодействий.

¹⁰⁰ Колосов В.А. Современная политическая география и исследования государственных границ // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: материалы Международной научной конференции / под редакцией А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. 2010. С. 56–66.

1.3.2. Правовое регулирование влияния фактора приграничного положения на экономические системы российских регионов

Приграничная тематика имеет для России особенную актуальность. Во-первых, Россия имеет наибольшее количество стран-соседей в мире, а общая протяженность границы превышает 60 тыс км, из которых 64% – это морские границы, 24% – сухопутные, 12% – речные и озерные. Во-вторых, российское приграничье можно охарактеризовать выраженной геополитической, географической и социально-экономической дифференциацией, как самих приграничных территорий, так и приграничных государств, что исключает возможность использования единой модели управления социально-экономическим развитием приграничных регионов. Кроме этого, российские границы трансформировались достаточно сильно, в том числе, с особой интенсивностью в краткосрочной исторической ретроспективе – после развала СССР появились новые границы с новыми «старыми» соседями; присоединение Крыма обострило конфликт с Украиной и повлияло на характер приграничных взаимодействий на этом участке границы; другие беспокойные участки границы России возникли в связи появлением частично признанных государств – Республики Южная Осетия (РЮО) и Абхазии.

Во время советского периода процессы формирования границ между республиками проходили также достаточно интенсивно. Результаты этой деятельности имели драматический характер, в связи с тем, что после распада СССР статус внутренних границ между бывшими союзными республиками, трансформировался в статус внешних границ государств. Нерешенные проблемы обострялись многократно и в советский, и в постсоветский периоды. Например, граница между союзными республиками Казахстан и Узбекистан возникла с момента образования Советского государства и трансформировалась в три этапа, связанные с принятием в 1956, 1963 и 1971 гг. указами Президиума Верховного Совета СССР «О частичном изменении границ между Казахской ССР и Узбекской ССР». Не до конца решенный вопрос с гра-

ницами республик сопровождался самовольным захватом сельскохозяйственных земель. На наиболее густонаселенных участках границы, она проходила по населенным пунктам и даже по дворам, что также способствовало возникновению конфликтных ситуаций. Окончательное формальное урегулирование этих споров произошло уже после распада СССР, но до сих пор на этих участках наблюдаются периоды обострения отношений, что влияет на ситуацию в приграничье в целом. В связи с этими и другими особенностями и под воздействием внешних сил на приграничных территориях формируются особые и очень разнообразные форматы взаимоотношений.

Особенности жизнедеятельности российского приграничья формируются под влиянием нормативных актов, одним из основных среди которых является Закон «О государственной границе Российской Федерации»¹⁰¹. Этот документ дает представление о самом понятии границы. Так в законе государственная граница Российской Федерации – это линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации.

Другим важным аспектом, который регулируется этим законом, является определение пограничной зоны. В соответствии с трактовками закона, пограничная зона устанавливается в пределах территории поселений и населенных территорий, прилегающих к Государственной границе на суше, морскому побережью Российской Федерации, российским берегам пограничных рек, озер и иных водных объектов, и в пределах территорий островов на указанных водных объектах. Важно, что в законе закреплены полномочия органов местного самоуправления поселений, позволяющие исключать из пограничной зоны отдельные территории населенных пунктов поселений и санаториев, домов отдыха, других оздоровительных учреждений, учрежде-

¹⁰¹ О Государственной границе Российской Федерации (с изменениями на 27 декабря 2019 года) // Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/ (дата обращения: 03.02.2020).

ний (объектов) культуры, а также места массового отдыха, активного водопользования, отправления религиозных обрядов и иные места традиционного массового пребывания граждан. Значимо это и с той точки зрения, что в пределах пограничной зоны действует пограничный режим, который ограничивает въезд (проход), временное пребывание и передвижение лиц и транспортных средств, регламентирует хозяйственную, промысловую и иную деятельность, проведение массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий¹⁰².

В связи с этими ограничениями возникает дискуссия, которая связана с шириной пограничной зоны. В последней редакции закона о границе нет четкого указания на ее физическую ширину, но есть оговорка о том, что, например, исходя из характера отношений Российской Федерации с сопредельным государством, на отдельных участках Государственной границы пограничная зона может не устанавливаться вовсе. Таким примером долгое время являлась граница с Белоруссией. Однако в 2016 г. было принято решение об установлении пограничной зоны на российско-белорусском участке государственной границы. В данном случае установление пограничной зоны не предусматривает введение пограничного контроля, что стало реакцией на подписание Президентом Белоруссии указа о безвизовом режиме для граждан 80 государств. Также на отдельных участках границы могут вводиться особые режимы. Например, режим местного приграничного передвижения между Калининградской областью и приграничными территориями Польши, который функционировал в период с 2011 по 2016 гг. Его действие было приостановлено по инициативе Польши. При этом, по оценкам специалистов, значительный экономический ущерб от резкого сокращения экономических взаимодействий ощутили в большей степени приграничные территории Польши, которые являются одними из самых бедных в ЕС¹⁰³.

¹⁰² Об утверждении Правил пограничного режима // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282173/ (дата обращения: 05.02.2020).

¹⁰³ Максимцев И.А., Межевич Н.М. Приграничное сотрудничество в Северо-Западном федеральном округе в условиях нарастающей политической и экономической неопределенности // Российское пограничье: про-

В российской практике пределы пограничных зон определяются приказами ФСБ для каждого приграничного субъекта Российской Федерации индивидуально. Обычно ширина такой зоны варьируется в пределах до 5 км. Как уже говорилось ранее, перемещения людей и ведение хозяйственной деятельности в этой зоне ограничено. Таким образом, пограничный режим ограничивает право свободно передвигаться на территории Российской Федерации, всех (иностранных и российских граждан), кто находится на ней законно¹⁰⁴⁻¹⁰⁵. На практике это обозначает, что для посещения 5-ти километровой полосы гражданину России (который не имеет регистрации в населенном пункте, входящем в погранзону) требуется оформление пропуска в региональных пограничных управлениях ФСБ. Пропуск можно оформить через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» бесплатно. При этом транзит по путям сообщения, каковыми являются любая дорога, пригодная для автомобиля данного класса и любая тропа, пригодная для велосипеда, по мнению самого велосипедиста допускается без пограничного пропуска и в 5-ти километровой полосе. Иностранцы граждане могут въезжать (проходить) в пограничную зону по индивидуальным или групповым пропускам, которые выдаются в таком же порядке, как и гражданам России. Различия существуют в сроках оформления – 15 и 30 дней соответственно для российских и иностранных граждан. Здесь необходимо указать, что кроме пограничной зоны существует перечень территорий, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение (например, территории закрытых административно-территориальных образований,

блемы развития в новых геополитических условиях: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. В.А. Колосова, А.Б. Володина. М. Вып. 2. 2019. – С. 88–95.

¹⁰⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: <http://constitution.kremlin.ru/>

¹⁰⁵ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 05.02.2020).

территории закрытых военных городков и пр.)¹⁰⁶. Часто такие стратегические объекты располагаются на территории приграничных регионов.

Что касается ведения хозяйственной деятельности, то здесь можно выделить несколько регулирующих актов. Согласно статье 18 закона о государственной границе, хозяйственная, промысловая и иная деятельность, проведение массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий в пределах пятикилометровой полосы местности (или до рубежа инженерно-технических сооружений в случаях, если он расположен за пределами пятикилометровой полосы местности) осуществляются на основании разрешения, а в остальной части пограничной зоны – с уведомлением пограничных органов¹⁰⁷. Особая оговорка изложена в статье 19 и касается содержания и выпаса скота у Государственной границы. Такая хозяйственная деятельность может быть запрещена или ограничена в связи со стремлением недопущения переноса заразных болезней. При этом карантинная полоса, ее ширина, порядок ее ограждения, ветеринарный режим на ней устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области агропромышленного комплекса, или по его поручению уполномоченными в области ветеринарии органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Статья 20 регламентирует учет, содержание и использование российских маломерных судов. В документе определено, что используемые в российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации, подлежат обязательному учету и хранению на пристанях, причалах, в других пунктах базирования. Порядок выхода этих судов из пунктов базирования и возвращения происходит с уведомлением пограничных органов. Также может ограничиваться время выхода, пребывания на водных объектах, удаления от пунктов базирования и берегов. В соответствии со статьей 21,

¹⁰⁶ Об утверждении перечня территории, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39083/ (дата обращения: 07.02.2020).

¹⁰⁷ Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации (с изменениями на 27 декабря 2019 года). URL: <https://base.garant.ru/10103372/>

ведение промысловой, исследовательской, изыскательской и иной деятельности в российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации также происходит по предварительному уведомлению и согласованию пограничных органов. При этом необходимо сообщить сведения о местах, времени осуществления промысловой, исследовательской, изыскательской или иной деятельности, количестве участников, об используемых для этой цели промысловых и иных судах и о других средствах.

Здесь также необходимо указать, что существует Приказ ФСБ об определении участков (районов) внутренних вод Российской Федерации, в пределах которых устанавливается пограничный режим¹⁰⁸. К этому документу утверждено два приложения, в которых приводятся перечни участков (районов) внутренних морских вод Российской Федерации и участков (районов) в российской части вод пограничных рек, озер и иных водоемов, в пределах которых не устанавливается пограничный режим.

Еще один важный регулирующий документ – распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 907-р «Об утверждении перечня видов хозяйственной и иной деятельности, которые могут осуществляться в пределах пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации»¹⁰⁹. Пункты пропуска – места, где можно законно пересекать границу государств – подразделяются на автомобильные, железнодорожные, воздушные, морские, речные (озерные) и пешеходные. Деятельность в пределах пунктов пропуска существенно ограничена. Как правило, она представлена перечнем, включающим в себя виды работ, связанных с поддержанием функционирования самих пунктов пропуска (строительные работы, техническое обслуживание и ремонт зданий, уборка и пр.) и оказани-

¹⁰⁸ Об определении участков (районов) внутренних вод Российской Федерации, в пределах которых устанавливается пограничный режим // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70100/ (дата обращения: 07.02.2020).

¹⁰⁹ Перечень видов хозяйственной и иной деятельности, которые могут осуществляться в пределах пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации 24 июня 2008 г. № 907-р. URL: <https://base.garant.ru/784219/>

ем услуг гражданам, пересекающим границу (услуги связи, банковские услуги, услуги по компенсации суммы налога на добавленную стоимость физическим лицам, розничная торговля товарами в помещениях магазинов беспошлинной торговли, деятельность по организации общественного питания, гостиничные услуги). Перечни видов деятельности для разных видов пунктов пропуска различны, в аэропортах он наиболее исчерпывающий.

Еще одна категория ограничений для хозяйствования на приграничных территориях связана с особенностями их правового режима. Земельный кодекс Российской Федерации определяет, что иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать правом собственности на земельные участки, находящиеся на приграничных территориях¹¹⁰. Указом Президента Российской Федерации утвержден перечень этих приграничных территорий, который включает в себя 380 муниципальных образований, районов и округов¹¹¹. Эти ограничения значительно снижают возможности для привлечения иностранных инвестиций и экономического развития.

Но российское приграничье это не только приграничная полоса и пункты пропуска, которые являются только одним и самым узким (в физическом смысле этого слова) его уровнем. Следующий уровень приграничных территорий – это прилегающие к границе муниципальные образования, а самым укрупненным объектом является приграничный регион (субъект Российской Федерации). Все эти уровни испытывают на себе различные эффекты от приграничного положения. В противовес ограничениям, которые связаны с правовым режимом, выступает такое явление как приграничное сотрудничество, которое с институциональной точки зрения также регулируется рядом документов.

¹¹⁰ Земельный кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 07.02.2020).

¹¹¹ Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками // Гарант: информационно-правовое обеспечение: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12181778/> (дата обращения: 07.02.2020).

Важный документ в области развития приграничных территорий – Концепция развития приграничного сотрудничества в Российской Федерации¹¹², которую целесообразно рассмотреть более подробно. Так, например, в Концепции приграничная территория определена как пограничная зона, российская часть вод пограничных рек, озер и иных водоемов, внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации, где установлены пограничный режим, пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также территории административных районов и городов, санаторно-курортных зон, особо охраняемых природных территорий, объектов и других территорий, прилегающих к государственной границе Российской Федерации, пограничной зоне, берегам пограничных рек, озер и иных водоемов, побережью моря или пунктам пропуска. При этом территория, на которой осуществляется приграничное сотрудничество, может определяться в международных договорах Российской Федерации, соглашениях субъектов Российской Федерации с иностранными партнерами, заключаемых в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации.

Примерами таких территорий могут служить территории программ приграничного сотрудничества, целью которых является укрепление сотрудничества между странами-членами Евросоюза и странами-партнерами на его внешних границах. Несмотря на антироссийские санкции, приграничное сотрудничество с Евросоюзом продолжает развиваться. Так в 2014 г. были приняты два важных документа, которые выступили институциональной основой очередного пула программ приграничного сотрудничества для европейской части границы: Положение об общих принципах Европейского инструмента соседства¹¹³ и Положение о правилах реализации программ при-

¹¹² Концепция развития приграничного сотрудничества в Российской Федерации // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30364/ (дата обращения: 11.02.2020)/

¹¹³ Regulation (EU) № 232/2014 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2014 establishing a European Neighbourhood Instrument // Karelia CBC: [сайт]. URL: <https://kareliacbc.fi/sites/default/files/assets/images/dokumentit/232%20-%202014%20ENI%20regulation.pdf>
Дата публикации: 14 августа 2019.

граничного сотрудничества¹¹⁴. С российской стороны был принят Закон «Об основах приграничного сотрудничества»¹¹⁵. Закон регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением приграничного сотрудничества, определяет основные принципы, задачи и направления приграничного сотрудничества, а также полномочия субъектов приграничного сотрудничества Российской Федерации. В документе приграничное сотрудничество рассматривается как часть международных отношений Российской Федерации, международных и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств.

Параллельно с этим усиливается направление евразийской экономической интеграции¹¹⁶. Основные интеграционные объединения, в которых Россия принимает участие – это ШОС (Россия, КНР, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан, Индия, Пакистан), Евразийский экономический союз (Россия, Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия) и БРИКС (Россия, Бразилия, Индия, КНР и ЮАР). Эти организации имеют разные цели, закрепленные в их уставных документах, достижение которых обеспечивается имеющими разную природу инструментами, применение которых на практике влияет на развитие приграничных территорий. Так, например, в рамках Евразийского Союза обеспечен режим свободной торговли, движение услуг, капитала и рабочей силы. По оценкам специалистов, уровень барьерности на участках границ между странами ЕАЭС один из самых низких, а степень во-

¹¹⁴ Commission implementing regulation (EU) No 897/2014 laying down specific provisions for the implementation of cross-border cooperation programmes financed under Regulation (EU) № 232/2014 of the European Parliament and the Council establishing a European Neighbourhood Instrument // Karelia CBC: [сайт]. URL: [https://www.pbu2020.eu/files/uploads/pages_en/Programme%20documents/Implementing%20Regulation%20\(EU\)%20No%20897-2014.pdf](https://www.pbu2020.eu/files/uploads/pages_en/Programme%20documents/Implementing%20Regulation%20(EU)%20No%20897-2014.pdf). Дата публикации: 14 августа 2019.

¹¹⁵ Об основах приграничного сотрудничества : Федеральный закон № 179 от 23 августа 2017 г. // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 11.02.2020)

¹¹⁶ Шлапек Е.А., Степанова С.В. Великий шелковый путь и евразийская интеграция // Мировая экономика и международные отношения. 2018. – Т. 62, № 1. – С. 43–52.

влеченности в приграничные взаимодействия приграничных территорий достаточно высокая¹¹⁷.

ШОС включает в себя не только государства, которые граничат с Российской Федерацией. Организация не является военным блоком или совещательным органом по вопросам безопасности. Однако ее цели связаны с обеспечением стабильности по широкому кругу вопросов, в том числе и в области экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. Такие интенции, конечно, способствуют развитию приграничных территорий.

1.3.3. Механизмы влияния фактора приграничного положения на подсистемы региональных экономических систем

Как было показано выше, действующие нормативные акты различного уровня – от международных до местных – регламентируют многие аспекты влияния основных экономических факторов на развитие приграничных территорий, определенным образом ограничивая возможности перемещения трудового потенциала, приобретения земельных участков, ведения предпринимательской деятельности и вложения капитала, в том числе и в формате коммерческого использования знаний (информации). Вместе с тем, как отметил академик П.Я. Бакланов, если «ранее на приграничных территориях СССР, особенно в пограничных зонах, в течение длительного времени действовали значительные ограничения миграционного притока населения и на ведение отдельных видов хозяйственной деятельности, но в то же время жители этих территорий пользовались некоторыми социально-экономическими преференциями, то в новых условиях факторы географического и геополитического положения приграничных территорий из негативных трансформиро-

¹¹⁷ Атлас Российского пограничья: [сайт] / Лаборатория геополитических исследований ИГ РАН. М., 2014.
URL: <https://tsamsonov.github.io/borderlands/>

вались в положительные. Одновременно в приграничных районах начали проявляться новые предпосылки и проблемы регионального развития»¹¹⁸.

Таким образом, произошедшие за последние годы трансформации режима приграничья привели к формированию новых возможностей для развития экономических систем приграничных регионов при одновременном появлении в некоторых из них ряда новых серьезных ограничений и рисков развития отдельных подсистем РЭС. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть изменение влияния фактора приграничного положения на развитие региональной экономической системы через призму ее составляющих – выделенных в параграфе 1.1 экономических подсистем.

Как уже было замечено, приграничные регионы зачастую являются периферией, отстающей в экономическом плане. На протяжении длительного периода из стратегических соображений **производственные подсистемы** не получали значительного развития вблизи рубежей государства. В настоящее время эта ситуация в России меняется. Так, например, несмотря на то, что разница усредненных показателей доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте приграничных и неприграничных регионов различается в абсолютном выражении уменьшается медленно, в относительном измерении сократилась существенно на фоне увеличения доли такой продукции в ВРП всех регионов (Рисунок 1.)

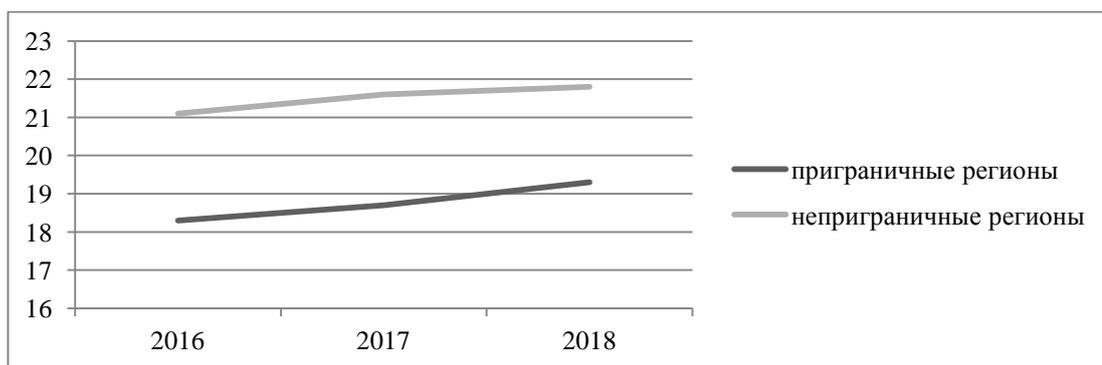

Рисунок 1 Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте (в процентах) за период 2016–2018 гг.¹¹⁹

¹¹⁸ Бакланов П.Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. – № 3 (6). – С.19–24.

¹¹⁹ Эффективность экономики России // Федеральная служба Государственной статистики: [сайт]. – URL: <https://www.gks.ru/folder/11186> (дата обращения: 12.02.2020).

Растет стремление создавать совместные производства, в том числе за счет иностранных инвестиций. Согласно данным доклада Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) объем иностранных инвестиций в российскую экономику в 2019 г. удвоился по сравнению с 2018 г. и составил 33 млрд долларов¹²⁰. Зачастую эти инвестиции привлекаются не в отдельные производства, а в приграничные производственные зоны с особыми режимами функционирования. Здесь можно привести примеры зон приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС) с производственным профилем на границе России с Китаем:

– ЗПЭС Хэйхэ (Благовещенск), профилирующей деятельностью для которой является освоение лесных ресурсов;

– ЗПЭС в Маньчжурии – китайско-российская зона, состоящая из промышленных кластеров, которые специализируются на химической промышленности, деревообработке, строительстве и транспортной логистике;

– ЗПЭС Суйфэньхэ (Пограничный), связанная с производством одежды, деревообработкой и торговлей;

– экспортно-производственная зоной ЗПЭС Хуньчунь (Зарубино).

С точки зрения анализа специализации этих зон, их можно отнести к сырьевому производству, что для российской экономики можно считать симптоматичным явлением. Таким образом, мы можем наблюдать, что в постсоветский период привлекательными для иностранных инвестиций становились экспортно-ориентированные сырьевые приграничные регионы, и в настоящее время структура экономических приграничных взаимодействий не изменилась коренным образом, несмотря на появление на приграничных территориях высокотехнологичных производств с участием иностранных инвестиций, таких как, например, предприятия группы компаний «РКС Group» («Кархакос», «Электрокос», «Электромека», «АЕК»), осуществляющих производство электрооборудования в Карелии.

¹²⁰ Global investment flows flat in 2019, moderate increase expected in 2020. URL: <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2274> (accessed 17 August 2019).

Эта ситуация усугубляется ограничениями, которые связаны с невозможностью иностранных физических и юридических лиц обладать правом собственности на земельные участки, находящиеся на территориях приграничных муниципальных образований.

Это же обстоятельство влияет и на возможности развития в приграничных регионах **подсистемы третичного сектора**, к которому традиционно относят сферу услуг (здравоохранение, транспорт, связь, образование, туризм и другие отрасли). При этом фактор приграничного положения может оказывать позитивное влияние на эту подсистему, так как при наличии соответствующей инфраструктуры приграничные регионы могут получить дополнительный импульс развития за счет привлечения потребителей из соседних стран со значительным снижением транспортных издержек. В частности, применительно к российской практике, приток потребителей услуг из сопредельных государств может способствовать увеличению вклада в объём экспорта оказываемых услуг, что соответствует целям национального проекта «Международная кооперация и экспорт».

Для различных участков границы можно выделить некоторые типичные социально-ориентированные практики, которые влияют на жизнь сообществ приграничных территорий. Например, это потребление медицинских услуг российскими гражданами в приграничных регионах Белоруссии и Китая. Сформировалась ситуация взаимного потребления образовательных услуг. Так до кризиса 2014 г. и изменений в системе образования (в части его доступности для неграждан ЕС) образовательные услуги Финляндии пользовались спросом у российских абитуриентов, значительную часть которых составляли жители Карелии. В противовес этой, потерявшей к настоящему времени актуальность тенденции, учебные заведения Новосибирской и Омской областей пользуются популярностью у студентов из Казахстана. Также на приграничных территориях распространена трудовая миграция. Образование таких трансграничных рынков труда стимулирует и развитие транспортных компаний, страховых услуг и пр.

В свою очередь **подсистема потребления** в условиях приграничного положения может столкнуться с ситуацией обострения конкурентного противостояния между отечественными и зарубежными производителями товаров и услуг. При этом часто можно наблюдать разнонаправленные экономические взаимодействия. Российские приграничные регионы становятся поставщиками сырья, а сопредельные государства поставляют готовую продукцию и услуги в сфере рекреации и туризма. Например, на протяжении длительного периода жители Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Карелия являлись потребителями финляндского рынка услуг в сферах рекреации, туризма и товаров повседневного спроса. Эта ситуация резко изменилась после кризиса 2014 г., что было связано, в первую очередь, с драматическим изменением курса рубля по отношению к евро. После 2014 г., наоборот, в приграничных российских регионах росло потребление товаров повседневного спроса и продуктов питания, покупка топлива за счет граждан Финляндии.

На степень интенсивности развития этой подсистемы критическое влияние оказывает транспортная обеспеченность и оборудование пограничных пунктов пропуска. В одной из работ приводится описание развития и формирования «приграничных поясов открытости» в Китае¹²¹ – этой политики, основой которой является создание хорошо оснащенных пунктов таможенного пропуска на государственной границе. Кроме технической стороны вопроса, в китайском законодательстве предусмотрены значительные преференции для приграничных территорий: «упрощенный порядок лицензирования и квотирования операций приграничной торговли, пониженная ставка подоходного налога для предприятий приграничных территорий, расширенные права местных органов власти в области регистрации компаний, занимающихся торговлей в приграничной полосе, и т. д»¹²². Таким образом на этих участках границы формируются значительные диспропорции как с точки

¹²¹ Михайленко А.Н., Арсентьева И.И. Факторы развития приграничья (на примере приграничных территорий России и Китая) // Россия и современный мир. 2013. – № 1. – С. 90–100.

¹²² Там же.

зрения технического обеспечения приграничных взаимодействий, так и в правовом поле. Такая разница в подходах характерна не только для российско-китайской границы. Но именно здесь из-за инфраструктурной запущенности российских территорий и правовых ограничений развития приграничные регионы России теряют конкурентные преимущества в сфере потребления готовой продукции и услуг.

Часто приграничные территории в силу своей периферийности вынуждены искать пути диверсификации экономики именно в непроизводственных сферах деятельности. Эта же периферийность и пограничные режимы способствовали большей сохранности природных ресурсов, которые на настоящем этапе развития вводятся в экономический оборот с рекреационными целями. Таким образом, **рекреационная подсистема** может получить дополнительные стимулы развития в условиях приграничья. Примером такой территории является Зеленый пояс Фенноскандии, который представляет собой сеть существующих и планируемых охраняемых природных территорий вблизи границ трех стран: Финляндии, России и Норвегии. Именно пограничные режимы этих стран способствовали сохранности природных ресурсов на данной территории. В настоящее время идет процесс развития трехстороннего международного сотрудничества в области расширения сети особо охраняемых природных территорий, которые на зарубежной части пояса уже стали центрами развития рекреационных экономических подсистем. Кроме этого, в рамках Зеленого пояса Фенноскандии существует международный заповедник «Дружба», который включает в себя шесть особо охраняемых природных территорий России и Финляндии и имеет основания считаться ядром формирования перспективного трансграничного района, что будет более детально рассмотрено далее.

Также развитию рекреационной деятельности в приграничных регионах с институциональной точки зрения способствуют международные программы приграничного сотрудничества, такие как «Тасис», «Интеррег», «Коларктик», «Карелия» и другие. Все эти программы неизменно одним из приорите-

тов развития определяют развитие рекреации и туризма и нацелены на формирование институциональных условий, отличных от традиционных российских практик развития рекреации. Программы и проекты приграничного сотрудничества являются комплексом направленных на развитие этого сотрудничества мер участников приграничного сотрудничества на уровне приграничных регионов сопредельных государств. Реализация международных проектов в сфере рекреации и туризма позволяет дополнять существующие инструменты развития и создавать более эффективную рекреационную подсистему, посредством реализации инициатив заинтересованных сторон различного уровня.

Здесь необходимо упомянуть и о негативных влияниях ограничений, которые возникают при развитии рекреационных систем на приграничных территориях. Например, с некоторыми участками границ связаны военно-политические конфликты, которые зачастую сопровождаются переносом границ и соответственно переходом одной территории от одного государства другому или вынужденными переселениями. Такие территории могут быть ресурсом для развития ностальгического туризма. Приведем один пример. По итогам подписания Тартуского мирного договора между РСФСР и Финляндией в 1920 г. часть территорий перешла Финляндии и сохраняла финскую принадлежность вплоть до окончания Советско-финской войны в 1940 г., по итогам которой эти территории опять вошли в состав СССР (стоит отметить, что многие из этих территорий за свою историю несколько раз меняли государственную принадлежность в силу своего приграничного положения). С точки зрения развития рекреационных услуг, такие территории могут привлекать финское население, вынужденно покинувшее свои дома и переселившееся вглубь страны. К таким территориям можно отнести, например, Сортавальский район Республики Карелия и остров Гогланд в Финском заливе, который административно входит в состав Кингисеппского района Ленинградской области. Реализация этого рекреационного потенциала имеет различное практическое воплощение именно в силу правовых ограничений и

разного правового статуса этих территорий. Так Сортавала не входит в пограничную полосу, имеет хорошую транспортную обеспеченность, близко расположен к хорошо оборудованному пограничному пункту пропуска, в результате чего гости из Финляндии составляют устойчивую и значительную группу в потоке рекреантов. Скалистый остров Гогланд труднодоступен и сегодня почти необитаем, хотя до Зимней войны 1939–1940 гг. его финское население превышало 2 тыс. человек. На острове имеется большое количество памятников природы и истории, среди которых два пункта Дуги Струве, входящей в реестр Всемирного наследия ЮНЕСКО, памятный знак, установленный в память о том, что именно с Гогланда А.С. Попов в январе 1900 г. отправил первую в мире деловую телеграмму, дохристианские жертвенные камни и сейды, так называемые «каменные реки», старинные маяки, остатки финских поселений и финское кладбище, но они не стали ресурсом формирования посещаемого рекреационного центра, как у российских, так и иностранных граждан в силу действующих ограничений для посещения этой приграничной территории.

Для **социальной подсистемы** фактор приграничного положения может нести как некоторые угрозы, так и возможности развития. Один из социальных вызовов для приграничных регионов – это миграционный отток населения в другие регионы страны и за рубеж. Значительная часть приграничных регионов теряет молодое трудоспособное население. При этом, с одной стороны, в ряде случаев действующее законодательство препятствует заместительной миграции иностранных граждан, а во многих других случаях, даже если эти потери частично компенсируются за счет трудовых мигрантов, то это замещение не может рассматриваться как равноценное с точки зрения качества трудовых ресурсов. По данным Росстата, за период 2010–2018 гг. позитивный тренд миграционных притоков населения среди приграничных регионов зафиксирован в Тюменской, Новосибирской, Ленинградской, Калининградской, Белгородской областях и Краснодарском крае. Максимальные

значения миграционного оттока характерны для Мурманской и Сахалинской областей, Еврейского автономного округа, Республики Тыва и Забайкальского края¹²³.

С другой стороны, с миграционными потоками на приграничные территории и особенностями их формирования связаны и социальные риски. Например, миграции из сопредельных государств могут быть источником международной напряженности в ряде приграничных регионов Российской Федерации¹²⁴. Например, численность китайских граждан в Пограничном районе Приморского края близка по количественному значению численности россиян. При этом по оценкам экспертов 30% этих мигрантов не имеют среднего образования, а доля безграмотных в 5 раз выше, чем среди постоянного населения¹²⁵. Такая группа населения формирует социально неблагоприятную среду. Усугублению негативных социальных проявлений способствует убежденность этих мигрантов в том, что значительные части территорий Дальнего Востока и Сибири исторически принадлежат Китаю, и это становится источником конфликтов. Также значительные миграционные потоки на приграничные территории России фиксируются из Монголии, Казахстана, Таджикистана и Афганистана. В этой ситуации эксперты видят риски формирования преступной среды из числа незаконных мигрантов и их смыкание с криминальными системами на исторической родине¹²⁶.

Кроме того, на социальную систему приграничных территорий могут негативно влиять этнические конфликты. Советник директора Центра исследования проблем безопасности РАН А.В. Бредихин выделяет целый перечень этнических анклавов нестабильности на юге России, испытывающих нега-

¹²³ Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 09.01.2019).

¹²⁴ Осадчая О.П., Ремизов Д.В. Основные формы организации приграничного сотрудничества: монография. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2013. – 155 с.

¹²⁵ Аносов А.В. Социально-экономическая дифференциация дальневосточных регионов России: [монография] / Ин-т проблем региональной экономики РАН. М., 2010. – 485 с.

¹²⁶ Осадчая О.П., Ремизов Д.В. Основные формы организации приграничного сотрудничества: монография. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2013. – 155 с.

тивное влияние приграничного положения¹²⁷. Так, для Республики Дагестан характерно распространение идеологии радикального ислама и экстремизма в молодежной среде, связанное с его проникновением с приграничного Азербайджана. В Республике Крым формируется негативный тренд напряженности ситуации с крымскими татарами. На юго-востоке Ростовской области формируется этнические анклав турок-месхетинцев. Значительное влияние на эти сообщества имеет Турция, которая рассматривает их как часть Тюркского мира. Для разрешения этих социальных конфликтов требуется серьезная работа на федеральном, региональном и международном уровнях.

На приграничных территориях зачастую наиболее остро проявляется социальное неравенство между приграничными территориями двух стран. При этом социальное неравенство может стать источником опыта, полученного в результате приграничных взаимодействий в том числе и в социальной сфере, а рента, извлекаемая населением из приграничного положения, может служить фактором снижения социальной напряженности¹²⁸. Более высокие стандарты сопредельного государства, с точки зрения возможностей развития социальной подсистемы, в условиях приграничья могут формировать возможности для диффузии социальных практик. В качестве такого примера можно привести результаты российско-финляндского проекта «Социальные услуги по обе стороны границ». В рамках проекта проводилось исследование оценки уровня оказания низкопороговых социальных услуг для потребителей в отдаленных поселениях Республики Карелия. Результаты внедрения финских практик в области оказания социальных услуг («тревожная кнопка», «мобильные бригады», «детский телефон доверия», широко используемые в соседней Финляндии) подтвердили их эффективность и для российских усло-

¹²⁷ Бредихин А.В. Экстремизм на Юге России: внешние вызовы: [монография]. М.: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2019. – 151 с.

¹²⁸ Колосов В.А. Современное российское пограничье: проблемы изучения и некоторые выводы // Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. В.А. Колосова, А.Б. Володина. 2019. – С 7–22.

вий¹²⁹. Специалистами были разработаны рекомендации по созданию модели более эффективного оказания социальных услуг в отдаленных районах на основе реализации проекта.

Окружающая среда и природные ресурсы являются частями экосистем, которые выходят за рамки административных границ. Для сохранения этих ресурсов часто возникает необходимость в согласованном совместном управлении. С одной стороны, необходимо выработать и принять договоренности о дружественном и взаимовыгодном использовании этих ресурсов. С другой – требуется установление единых или гармонизированных природоохранных статусов для таких трансграничных экосистем.

Здесь можно выделить как успешные практики, так и конфликтные экологические ситуации. Наиболее проблемными с точки зрения совместного международного природопользования являются пограничные водоемы и трансграничные реки. Для российского приграничья это, например, реки Раздольная и Аргунь (российско-китайская граница), Малый Узень, Большой Узень, Илек (граница с Казахстаном) и другие. Также на азиатской части границы фиксируются такие экологические конфликты, как браконьерство и незаконные лесозаготовки.

Позитивными примерами развития приграничного сотрудничества в области сохранения окружающей среды можно считать международные трансграничные охраняемые территории (Заповедник «Дружба» в Карелии, заповедник «Даурский» в Забайкальском крае, заповедник «Ханкайский» в Приморском крае и др.), а также совместные международные программы по сохранению и изучению редких видов (даурский журавль, амурский тигр, сайгак и др.).

Механизмы влияния фактора приграничного положения на особенности формирования и деятельности **управленческой подсистемы РЭС** достаточно очевидны. Во-первых, управленческая подсистема приграничного ре-

¹²⁹ Социальные инновации повышения доступности социальных услуг в условиях территориальной дифференциации: опыт эмпирических исследований / под общ. Ред. Т.В. Морозовой, Г.Б. Козыревой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. – 172 с.

гиона, помимо функций, присущих управленческим подсистемам всех иных регионов, должна обеспечивать выполнение функций, связанных с необходимостью организации исполнения всех ограничений, накладываемых приграничным статусом территории, и принятием решений в рамках дополнительно предоставляемых полномочий, например, по установлению параметров осуществления отдельных видов хозяйственной деятельности на отдельных территориях.

Во-вторых, управленческая подсистема РЭС приграничного региона должна формироваться с учетом необходимости преодолевать или сокращать риски негативного влияния фактора приграничного положения на остальные подсистемы РЭС, о которых говорилось ранее, и максимально использовать те дополнительные возможности развития остальных подсистем РЭС, которые появляются вследствие приграничного положения.

Отдельно стоит отметить, что включение в целевой блок системы управления регионом дополнительных задач, обусловленных его приграничным положением, может оказать существенное влияние на различные аспекты формирования управленческой подсистемы, в том числе на ее пространственную организацию. Это связано, например, с расширением номенклатуры информации, необходимой для выработки управленческих решений в рамках выполнения этих дополнительных задач, с организацией их реализации и осуществлением мониторинга, позволяющего производить оценку эффективности деятельности по исполнению дополнительных функций. При этом стоит учитывать, что управленческая подсистема региона может испытывать на себе позитивное влияние фактора его приграничного положения посредством диффузии инноваций, знаний и компетенций, хорошо зарекомендовавших себя в системе управления регионами сопредельного государ-

ства и позволяющих повысить эффективность приграничного взаимодействия и сотрудничества ¹³⁰.

Подводя итог, можно сформулировать некоторые заключения о влиянии фактора приграничного положения на развитие подсистем региональных экономических систем приграничных регионов. Во-первых, это влияние неравномерное и разнонаправленное. В настоящий момент сформировалась выраженная асимметрия импорта и экспорта практически на всех участках границы не в пользу России: российские приграничные территории остаются поставщиками сырья и потребителями товаров и услуг. Одновременно с этим приграничное положение может несколько сгладить проявления периферийности за счет развития приграничного сотрудничества. Даже серьезные политические кризисы не могут полностью разрушить складывавшиеся годами практики приграничных взаимодействий, хотя, безусловно, сильно влияют на перспективы таких взаимодействий, особенно в вопросах инвестиций и совместного планирования. Необходимо искать пути развития, которые позволяют не противопоставлять друг другу задачи обеспечения безопасности и экономического роста. Вместе с этим необходимо учитывать серьезные социальные риски и ряд правовых лимитирующих ситуаций для ведения хозяйственной и другой деятельности на приграничных территориях, что, в свою очередь, влияет на перспективы развития приграничных территорий, в том числе – на пространственную организацию их региональной экономической системы и её подсистем.

Выводы по главе 1:

1. Выполненный автором в контексте применимости для практических целей управления пространственной организацией региональных экономических систем анализ тенденций развития теории экономических систем позво-

¹³⁰ Колосов В.А. Современное российское пограничье: проблемы изучения и некоторые выводы // Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. В.А. Колосова, А.Б. Володина. 2019. – С. 7–22.

лил обосновать следующую трактовку термина *пространственная организация региональной экономической системы (РЭС)* – являющаяся результатом деятельности субъектов управления РЭС система находящихся в сложных взаимосвязях территориально локализованных элементов, институционально объединенных в являющиеся объектами управления подсистемы (отрасли и сферы жизнедеятельности) таким образом, чтобы за счет эмерджентности самой системы и синергетического эффекта от согласованного управления ее подсистемами обеспечить устойчивое развитие региона.

2. С определенной долей условности, проистекающей из дуальности природы многих физических объектов, которые могут относиться одновременно к нескольким подсистемам, обеспечивая их функционирование, в качестве базовых можно выделить следующие подсистемы РЭС:

- производственная подсистема;
- подсистема третичного сектора;
- подсистема потребления;
- рекреационная подсистема;
- социальная подсистема;
- управленческая подсистема;
- окружающая среда.

При этом каждая из перечисленных базовых подсистем формируется, развивается и функционирует под воздействием различных факторов, некоторые из которых влияют одновременно на эффективность и устойчивость нескольких подсистем, что предопределяет требование к сбалансированности (в том числе, с пространственной точки зрения) процессов формирования и использования каждого из факторов развития РЭС.

3. Выполненный автором анализ диалектики развития теории экономических факторов, свидетельствующий о том, что система факторов экономического развития с момента своего зарождения находится в процессе перманентной трансформации, отражающей два находящихся в сложной взаимосвязи явления – укрупнение (расширение) предметной области одних факто-

ров и дезагрегирование других, позволил сделать два взаимосвязанных вывода – об определенной условности текущей классификации факторов и о незавершенности процесса ее формирования. При этом большинство ученых склонны не увеличивать перечень основных экономических факторов (к которым на данный момент относятся труд, земля, капитал, предпринимательские способности и знания), а предлагают их более развернутые классификации, учитывающие множественность механизмов влияния того или иного фактора на эффективность экономического развития, в результате чего для современного этапа развития теоретических подходов к вопросу формирования пространственной организации экономических систем характерна разработка более сложных систем факторного влияния – как с точки зрения увеличения множественности механизмов влияния на развитие экономики каждого из основных экономических факторов, так и с точки зрения возникновения все большего числа синергетических эффектов в результате одновременного влияния на экономическое развитие различных комбинаций разных сторон как одного и того же, так и разных основных факторов. Выбор конкретного варианта дезагрегации каждого из пяти основных экономических факторов и окончательной конфигурации системы факторов зависит от объекта, предмета и цели исследования.

4. В целях исследования закономерностей формирования пространственной организации региональных экономических систем целесообразно в составе одного из основных экономических факторов – фактора земли – выделить фактор приграничного положения территории, который оказывает неравномерное и разнонаправленное влияние на развитие экономических систем приграничных регионов. С одной стороны, действующие нормативные акты различного уровня – от международных до местных – регламентируют многие аспекты влияния основных экономических факторов на развитие приграничных территорий, определенным образом ограничивая возможности перемещения трудового потенциала, приобретения земельных участков, ведения предпринимательской деятельности и вложения капитала, в том чис-

ле и в формате коммерческого использования знаний (информации). С другой стороны, все большее значение приобретает такое явление как приграничное сотрудничество, которое с институциональной точки зрения также регулируется рядом документов, в первую очередь, Концепцией развития приграничного сотрудничества в Российской Федерации.

5. С учетом неравномерности и разнонаправленности влияния фактора приграничного положения регионов на развитие их экономических систем, а также активной трансформации режима приграничья в последние годы, усилия исследователей должны быть направлены на изучение новых возможностей для развития экономических систем приграничных регионов при одновременном появлении в некоторых из них ряда новых серьезных ограничений и рисков развития отдельных подсистем. В контексте настоящей работы особый интерес представляет изучение влияния фактора приграничного положения на развитие региональных рекреационных систем и их пространственной организации.

Глава 2. Пространственно распределенные элементы рекреационной подсистемы региональной экономической системы и субъектно-объектные отношения между ними

2.1. Рекреационная подсистема региональной экономической системы как объект исследования и управления

В настоящей работе рекреационная подсистема рассматривается как один из элементов региональной экономической системы наряду с производственной подсистемой, подсистемой третичного сектора, социальной подсистемой и другими. При этом сама рекреационная подсистема на современном этапе развития экономических отношений имеет достаточно сложную структуру и включает множество имеющих разную природу взаимосвязанных элементов, т. е. также является системой, в которой, соответственно присутствуют управляющая подсистема (модуль) и управляемая подсистема (модуль), включающие, в свою очередь, определенные элементы. Для рассмотрения этой структуры и отношений, которые возникают между ее пространственно распределенными элементами, предварительно необходимо принять базовый понятийный аппарат и учесть основные научные подходы к определению рекреационной подсистемы.

2.1.1. Трансформация сущностных подходов к семантике взаимной связи рекреации и туризма

Задача эта сама по себе является достаточно сложной, так как устоявшегося терминологического аппарата для детерминирования явлений, процессов и отношений в сфере жизнедеятельности человека, для описания которых в бытовом общении и в русскоязычной литературе применяются такие дефиниции как «рекреация», «туризм», «туристская деятельность», «рекреационная система», «рекреационная деятельность» и др. Много десятилетий

назад в СССР были опубликованы первые работы по рекреологии, которые стали научно-методической основой и в последующем получили развитие¹³¹. Значительный вклад в разработку подходов к определению термина рекреация внес президент Российской международной академии туризма профессор И.В. Зорин. В одной из своих совместных с В.М. Кривошеевым практико-ориентированных разработок («Программа рекреационного строительства в СССР») авторы рассмотрели рекреацию как процесс расширенного воспроизводства жизненных сил человека в связи с общей ситуацией кризиса здоровья народонаселения и сокращения средней продолжительности жизни населения в СССР. В более поздних совместных работах И.В. Зорин уточнил, что туризм стал одной из самых эффективных форм рекреации. В работе предлагается рассматривать рекреацию как инструмент разрешения проблем современного общества, связанных с перманентным состоянием стресса, который затем вызывает большую часть хронических заболеваний. При этом И.В. Зорин считает, что рекреация обладает способностью превращать всякий отрезок свободного времени в рекреационное, и всякое место – в рекреационное пространство¹³². Такой подход к рекреации и рекреационной деятельности подчеркивает социальную значимость этих категорий, однако размывает их границы как объект исследования.

Еще один взгляд на суть рекреации высказал профессор Б.Б. Родоман, в одной из своих работ описав рекреацию определенным набором слов, а именно: «восстановление, оздоровление, компенсация, развлечение, встряска, свобода, самоутверждение, развитие»¹³³. При этой несколько эмоциональной оценке, автор выделяет основные функции рекреации: антинегативную (исправляющую недостатки повседневной жизни) и позитивную (обеспечивающую дальнейшее развитие личности), что, впрочем, также не позво-

¹³¹ Теоретические основы рекреационной географии / отв. ред. В.С. Преображенский. М.: Наука, 1975. – 189 с.

¹³² Зорин И.В., Лаковский С.Г. Профессиональная направленность рекреационной сущности экогуманизма // IV Международный форум "Туризм: наука и образование": Сб. материалов междунар. науч. конф.; под ред. В.Ю. Питюкова. М., 2018. – С. 73–80.

¹³³ Родоман Б.Б. Туризм как образ жизни: накопление достижений // География и туризм. 2018. – № 2. – С. 5–8.

ляет уточнить границы и параметры рекреации – ни как объекта исследования, ни как объекта управления.

В зарубежной научной литературе термин «рекреация» возник позже и использовался при описании рекреационных циклов, возникающих в результате нормированного рабочего дня, трудовой недели и практики ежегодных оплачиваемых отпусков¹³⁴. Соответственно, формировались ежедневные, недельные и годовые рекреационные циклы. Для каждого цикла характерно определенное рекреационное поведение и ориентация на присущие ему рекреационные ресурсы. При этом термин рекреация имел двуединое значение – под ним подразумевались деятельность по восстановлению, оздоровлению человека и одновременно – пространство, где осуществляются эти виды деятельности. Такой подход можно с определенной долей условности воспринимать в качестве методологической базы для формирования рекреации в качестве объекта исследования и управления, но при этом необходимо отметить, что он не содержал указаний на конкретные виды деятельности, что исключало строгость и единственность его трактовки на практике.

Естественно, в представленной работе невозможно выполнить обзор всех опубликованных определений рекреации, и автор счел целесообразным ограничиться анализом наиболее характерных и отличающихся по подходам трактовок этого многозначного термина. Однако, переходя к определению сущности туризма, можно сделать заключение о сложности и многогранности и этого понятия. Все множество определений термина можно разделить на две большие группы: определения, которые ориентированы на раскрытие концептуальной основы, и технические дефиниции, направленные на формирование применимого с практической точки зрения понятийного аппарата (для статистических, законодательных и других целей)¹³⁵. Приведем получившие наибольшее распространение определения из обеих групп. К первой группе относятся ставшие классическими дефиниции, сформулированные

¹³⁴ Саранча М.А. Проблемы концептуального определения и соотношения понятий "туризм" и "рекреация" // Вестник Удмуртского университета. Серия: Биология. Науки о Земле. 2009. – № 2. – С. 105–118.

¹³⁵ Burkart A.J., Medlik S. Tourism: Past, Present and Future. Heinemann, 1981.

В. Хунцикером и Н. Лейпером. Так Вальтер Хунцикер считал туризмом те виды взаимодействий, которые фиксируются у путешествующих людей до момента их превращения в постоянно проживающих на данной территории. При этом важным обстоятельством нужно считать, что эти путешественники не должны заниматься никакой оплачиваемой деятельностью¹³⁶. Нил Лейпер уточняет это определение в части ограничения сроков и конкретизации характеристик путешествия. Автор предлагает рассматривать это путешествие как контролируемое и продолжительностью не менее одних суток¹³⁷.

Во второй группе можно выделить определение, сформулированное Всемирной туристской организацией (ВТО), которое рассматривает туризм как индустрию. В этом подходе выделяется роль видов деятельности, которые направлены на производство характерных для туризма продуктов – эти продукты должны удовлетворять одному или обоим из предложенных критериев:

- расходы на продукт должны составлять значительную долю в общих туристских расходах;

- туристские расходы на продукт должны составлять значительную долю предложения продукта в экономике. Этот критерий подразумевает, что предложение продукта, характерного для туризма, перестало бы существовать в значимом количестве в отсутствие туристов¹³⁸.

Такой подход, с одной стороны, предполагает, что для каждой конкретной территории набор туристских продуктов и видов деятельности может быть своим. С другой – это попытка определить вклад туризма в экономику территории для каждого конкретного случая. Однако с технической точки зрения применение такого подхода на практике неминуемо сопровождается многими трудностями, так как инструментом формирования международной статистики для оценки экономической роли туризма в рамках этого

¹³⁶ Hunziker W. Social tourism, its nature and problems, Aliance International de Turisme. Geneva, 1951.

¹³⁷ Leiper N. The framework of tourism: towards a definition of tourism, tourist, and the tourist Industry // Annals of Tourism Research. 1937. – Vol. 6 (4). – P. 390–407.

¹³⁸ International Recommendations for Tourism Statistics // Statistical Papers. Series M., 2008. – N 83, – Rev.1. Madrid, New York.

подхода, по мнению экспертов ВТО, может стать Вспомогательный счет туризма (ВСТ), в основе которого – необходимость скрупулезного сбора большого объема информации, а затем подробного анализа всех аспектов спроса на товары и услуги, которые в экономике могут быть связаны с туризмом. После сбора и обработки информации, отвечающей требованиям, данные сводятся в десять таблиц, представленные в логическом и последовательном порядке. Дополнительная сложность связана с тем, что при таком подходе при построении ВСТ каждая страна или территория должна учитывать индивидуальные особенности, в результате чего ВСТ, разрабатываемые как на национальном уровне, и отражающие показатели, относящиеся к туризму в масштабах всей страны, так и на региональном уровне, оценивая развитие туризма на конкретной территории, могут оказаться несопоставимыми и непригодными для сравнительного анализа, что, в свою очередь, существенно снижает их применимость для построения локальных систем управления.

В этой группе также уместно привести определение Колина Майкла Холла. Автор под туризмом понимает экономическое явление современного общества, которое связано с путешествиями от одной географической точки к другой групп туристов или индивидуальных путешественников, которые в ходе этого путешествия изменяют свое психическое состояние¹³⁹. На первый взгляд, такой формулировкой автор выделяет рекреационный компонент, обеспечивающий изменение психического состояния туриста. Однако это не совсем так, потому что рекреация, трактуемая как восстановление, отдых или оздоровление, может не быть целью путешествия, и, следовательно, не являться причиной изменения психического состояния туриста, по крайней мере, единственно возможной или основной.

С точки зрения развития истории подходов к определению понятия «туризм» в отечественной научной школе можно выделить работу профессоров В.С. Преображенского и В.А. Квартальнова, которые, предваряя появле-

¹³⁹ Hall C.M. Introduction to tourism: Development, dimensions and issues. Sydney: Pearson Education Australia, 1998.

ние таких подходов в документах ВТО, впервые выделили ключевое противоречие туризма, связанное с социальной направленностью, с одной стороны, и с экономическими эффектами, с другой¹⁴⁰.

Еще одно практико-ориентированное определение туризма приводится в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности»¹⁴¹. В документе туризм определяется как временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране или месте временного пребывания.

Попутно, сделав небольшое отступление, следует обратить внимание на следующее обстоятельство – хотя, безусловно, нормативно-правовой акт не является научной публикацией, если исходить из приведенного в нем определения туризма, то можно сделать вывод о том, что его авторы не соотносят с рекреационными целями лечебно-оздоровительную и физкультурно-спортивную деятельность, что лишний раз свидетельствует о неустоявшемся характере термина рекреация.

Таким образом, рассмотрев представленные подходы, можно сделать заключение о том, что на сегодняшний день в научной среде нет устоявшихся определений понятий «рекреация» и «туризм», а также четкого понимания соотношения и связи между ними. При этом несовпадение подходов не всегда обозначает принципиальные противоречия. Зачастую они связаны с научными целями и задачами конкретных работ и междисциплинарностью как самих описываемых явлений, так и посвященных их изучению исследований. Для того чтобы внести большую ясность в соотношение этих понятий с позиций представленной работы, целесообразно уточнить их содержательное

¹⁴⁰ Преображенский В.С., Квартальнов В.А. Основные концепции и модели рекреологии // Теоретические проблемы рекреационной географии. М., 1989. – 14 с.

¹⁴¹ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон № 132-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 20.04.2020).

наполнение в части перечисления видов деятельности и продуктов, присущих туризму и рекреации. Таких устоявшихся перечней также не существует, однако, можно выделить некоторые работы, получившие наибольшее признание и распространение.

Виды рекреационной деятельности формируются как типологизация по функциональному признаку элементарных рекреационных занятий. При этом перечень рекреационных занятий велик, по оценкам экспертов он постоянно увеличивается и достигает нескольких десятков тысяч. В отечественной школе наибольшее распространение получила классификация типов рекреационной деятельности, предложенная И.В. Зориным и В.А. Квартальновым (Таблица 2) по результатам доработки классификации, предложенной ранее профессорами Н.С. Мироненко и И.Т. Твердохлебовыми, в части уточнения сути и декомпозиции лечебного, оздоровительного и познавательного типов рекреационной деятельности¹⁴².

Таблица 2 Типы рекреационной деятельности и примеры элементарных рекреационных занятий

Типы рекреационной деятельности	Примеры элементарных рекреационных занятий
Климатолечение	Инсоляция, воздушные ванны, сон на воздухе, терренкур
Бальнеологические	Внутреннее и наружное применение минеральных вод, грязелечение
Игры подвижные в помещении	Танцы, аттракционы, общая физическая подготовка
Водные процедуры	Купание в бассейне, душ, ванны
Малоподвижные игры	Бильярд, тихие аттракционы
Подвижные занятия на воде	Плавание, гребля, водные лыжи, водный велосипед, парусный спорт, прыжки в воду и т. п.

¹⁴² Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. М., 1981. – 208 с.

Продолжение Таблицы 2

Рыболовство, охота	Рыбная ловля, охота
Пассивные занятия в помещении	Чтение, телевидение, кино, беседы, пассивные игры, лекции, театр, коллекционирование и т. д.
Спортивный туризм	Туризм пешеходный, велосипедный, горный, лыжный
Экскурсионный	Экскурсии пешеходные, автобусные
Спортивные игры и упражнения	Хоккей, футбол, спорт лыжный, конькобежный, волейбол, плавание, спортивные игры
Любительские занятия на открытом воздухе	Садоводство и огородничество, пчеловодство, сбор гербария и т. д.
Прогулки	Прогулки в лесу, сбор грибов, ягод и т. п.

Анализ перечня типов рекреационной деятельности позволяет сделать вывод о том, что некоторые из формирующих его рекреационных занятий могут стать основой для организации и развития того или иного вида туризма, в то время как другие, хотя и могут быть включены в туристские продукты, основой для формирования самостоятельного вида туризма не являются.

Этот вывод в определенной мере противоречит суждениям о соотношении туризма и рекреации, представленным в одной из работ профессора Е.Ю. Колбовского и доцента В.В. Морозовой, которые считают, что рекреация всегда первична, а туризм является производной от нее. Развитие новых видов рекреационной деятельности связано с развитием соответствующего правового сопровождения: «всякое более-менее регулярное использование местности и уж тем более эксплуатация рекреационного занятия как канала реализации туристической деятельности требуют правового обеспечения территориальных притязаний и последующего специально обустройства местности»¹⁴³. Авторы считают, что туризм должен опираться на предварительно развернутые рекреационные возможности, которые в свою очередь долж-

¹⁴³ Морозова В.В., Колбовский Е.Ю. Туризм, рекреация и территориальное планирование в Российской Федерации // Туризм в глубине России: Сборник трудов международного научного семинара. 2010. – С. 46–52.

ны корреспондироваться с рекреационными потребностями граждан. Чтобы убедиться в том, что это не всегда так, проанализируем наиболее распространенные классификации видов туризма по наиболее значимому, с точки зрения настоящего исследования, признаку – по целям путешествия.

Наибольшее распространение в отечественной научной школе получила классификация, предложенная президентом Национальной академии туризма М.Б. Биржаковым, который выделил несколько уровней классификации. По целям туризма автор выделяет лечебно-оздоровительный, рекреационный, познавательный, религиозный, деловой, физкультурно-спортивный¹⁴⁴. Дополнительно к этому уровню автор и его коллеги уже в другой работе предлагают учитывать особенные виды туризма, к которым они отнесли пляжный, городской, горный туризм, альпинизм, спелеологию, парусный, круизный, природный и экологический, гастрономический, этнический и шопинг-туризм¹⁴⁵. Понятно, что деловой туризм или религиозный туризм могут включать такие элементы рекреации, как малоподвижные игры или прогулки, но очевидно, что не эти элементы являются системообразующими при формировании основного туристского продукта.

Аналогичный вывод можно сделать и по результатам анализа рекомендаций ВТО, которая постоянно ведет серьезную работу в области совершенствования классификации видов туризма, которая в настоящий момент по целям поездки подразделяет все виды туризма на две группы: деловые и личные, которая, в свою очередь, подразделяется еще на несколько категорий:

- досуг, отдых и рекреация;
- визиты родственников и друзей;
- образование и обучение;
- оздоровительный и медицинский туризм;
- религиозный и паломнический туризм;

¹⁴⁴ Биржаков М.Б. Введение в туризм. СПб.: ИД «Герда», 2002. – 320 с.

¹⁴⁵Родовые и видовые признаки в системах классификации туризма / М.Б. Биржаков, Ю.С. Путрик, Т.А. Сорвина, Т.М. Глушанок // Туризм и образование: исследования и проекты Материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2018. – С. 96–101.

- шоп-туризм;
- транзитный туризм;
- с другими целями.

Как понятно из приведенной классификации, даже не все виды личного туризма жестко увязаны с реализацией элементов рекреационной деятельности, не говоря уже о деловом туризме.

Кроме того, следует обратить внимание на рекомендации ВТО, в соответствии с которыми выделяется 12 видов туристской деятельности, на основе которых формируются туристские продукты:

- услуги проживания;
- услуги питания;
- услуги железнодорожного пассажирского транспорта;
- услуги автомобильного пассажирского транспорта;
- услуги водного пассажирского транспорта;
- услуги воздушного пассажирского транспорта
- аренда транспорта;
- услуги туристических агентств и служб бронирования;
- спортивно-оздоровительные услуги;
- розничная торговля характерными для региона туристскими товарами;
- организация характерных для региона событийных мероприятий¹⁴⁶.

Достаточно очевидно, что далеко не все перечисленные виды туристской деятельности являются неотъемлемым атрибутом многих типов рекреационной деятельности.

В завершении исследования соотношения терминов рекреация и туризм имеет смысл выполнить семантический экспресс-анализ действующей нормативно-правовой базы.

Основополагающим документом, устанавливающим правовые основы осуществления туристской деятельности, является, как уже было сказано,

¹⁴⁶ International Recommendations for Tourism Statistics // Statistical Papers. Series M., 2008. – N.83, – Rev.1.

Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. №132-ФЗ, в котором слово рекреация не упоминается вообще, а однокоренное с ним слово рекреационный – всего два раза в составе словосочетания «рекреационные цели», используемого среди прочих в качестве описания одной из целей путешествий граждан (туристов), наряду, например, с профессионально-деловыми и иными целями. То есть, закон рассматривает достижение рекреационных целей в качестве одного из направлений туризма.

Слово рекреация или однокоренные с ним слова, помимо упомянутого закона, встречаются в трех федеральных законах:

– в Земельном Кодексе Российской Федерации, статья 98 которого регламентирует использование земель рекреационного назначения, ограничивая его исключительно организацией отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан;

– в Лесном Кодексе Российской Федерации, статья 41 которого предусматривает возможность и регламентирует использование лесов для осуществления рекреационной деятельности также в целях организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности;

– в Федеральном законе «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 г. №116-ФЗ, статья 4 которого предусматривает возможность туристско-рекреационных особых экономических зон.

Нормы указанных статей Земельного и Лесного Кодексов Российской Федерации допускают единственное толкование – организация туризма является одной из целей осуществления рекреационной деятельности.

Наибольший интерес могла бы представлять правовая конструкция, содержащаяся в Федеральном законе «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», статья 10 которого трактует туристско-рекреационную деятельность как деятельность юридических лиц, индивидуальных предпринимателей по строительству, реконструкции, эксплуатации объектов туристской индустрии, объектов, предназначенных для санаторно-курортного лече-

ния, медицинской реабилитации и отдыха граждан, а также туристская деятельность и деятельность по разработке месторождений минеральных вод и других природных лечебных ресурсов, в том числе деятельность по санаторно-курортному лечению и профилактике заболеваний, медицинской реабилитации, организации отдыха граждан, промышленному розливу минеральных вод. Увы, очевидно, что такая трактовка не имеет ничего общего с научным осмыслением категорий туристская, рекреационная, туристско-рекреационная или рекреационно-туристская деятельность. Впрочем, авторы закона и не претендовали на научную строгость определения, корректно указав – оно используется исключительно «для целей настоящего Федерального закона».

Ну и, наконец, последний документ, который может быть использован для анализа правовых основ применения терминов рекреация, туризм и их производных – Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД), утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 г. № 14-ст.

В ОКВЭДе вообще отсутствует какое бы то ни было упоминание рекреационной деятельности и рекреации как таковой. Слова с корнем рекре- дважды встречаются только в описании вида деятельности 91.04.4 «Деятельность природных парков», которое включает сохранение рекреационных ресурсов и поддержание экологического баланса в условиях рекреационного использования территорий природных парков.

Упоминаний туризма в ОКВЭДе достаточно много, но в качестве самостоятельного вида деятельности туризм, туристская деятельность не выделены. Конкретные виды услуг, оказываемых туристам, включены, наряду с аналогичными услугами, оказываемыми другим группам населения, в самые разные виды деятельности, такие как «Деятельность по предоставлению мест для временного проживания», «Деятельность предприятий общественного питания», «Страхование» и другие. Такой подход, в принципе, соответствует изложенному выше подходу ВТО к классификации видов туристской дея-

тельности. И точно так же, как и в классификаторе ВТО, в ОКВЭД выделен один вид деятельности чисто туристской направленности – 79.1 «Деятельность туристических агентств и туроператоров».

Таким образом, можно сделать несколько парадоксальный вывод – хотя «профильный» закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» содержит не только указание на существование самостоятельной туристской деятельности, но и дает ее определение, подзаконный акт – ОКВЭД – не выделяет эту деятельность в качестве отдельного вида; определение рекреационной деятельности в федеральном законодательстве вообще отсутствует и при этом, если одни законы рассматривают достижение рекреационных целей в качестве одного из направлений туризма, то другие исходят из того, что организация туризма является одной из целей осуществления рекреационной деятельности.

Результатом анализа и сопоставления подходов разных групп ученых и нормативных актов к определению и содержательному наполнению понятий «туризм» и «рекреация» стала возможность сделать несколько значимых для настоящей работы выводов:

- рекреационные занятия являются содержательной основой для развития многих видов туризма;
- отдельные рекреационные занятия не являются туризмом;
- некоторые виды туризма (деловой, шоп-туризм и др.) основаны не на рекреационных занятиях;
- потребителями рекреационных услуг являются как резиденты, так и нерезиденты региональной рекреационной подсистемы;
- понятия туризм и рекреация и производные от них не тождественны, они пересекаются и дополняют друг друга в экономическом измерении.

Сделанные выводы требуют уточнения содержания понятия рекреационная система – хотя бы в контексте выполняемого исследования, так как состав, структура, пространственная организация и иные параметры региональной рекреационной системы всецело определяются ее предназначением

и распределением функционала между подсистемами региональной экономической системы.

2.1.2. Трансформация подходов к сущности региональных рекреационных систем

Необходимо отметить, что эволюция термина «рекреационная система» происходила достаточно долго, ученые перманентно дополняли и уточняли это понятие. В 1975 г. была опубликована работа «Теоретические основы рекреационной географии»¹⁴⁷, в которой профессор Института географии АН СССР В.С. Преображенский сформулировал понятие территориальной рекреационной системы – одного из базовых понятий рекреационной географии, новой дисциплины, возникшей как результат ранее осуществленных междисциплинарных исследований рекреационных проблем, оказавшихся в научном поле экономической географии, географии населения, страноведения и других дисциплин данной тематики.

Территориальная рекреационная система рассматривается автором как «социальная географическая система, состоящая из взаимосвязанных подсистем»¹⁴⁸ (Рисунок 2). Подсистема «отдыхающие» оказывает доминирующее влияние на соотношения и функциональные связи между другими подсистемами. При этом автор выделяет роль функций планирования и управления как обязательные условия для устойчивого действия рекреационной системы, наделяя этими функциями подсистему «управляющий орган».

¹⁴⁷ Теоретические основы рекреационной географии. М.: Наука, 1975. – 189 с.

¹⁴⁸ Там же.

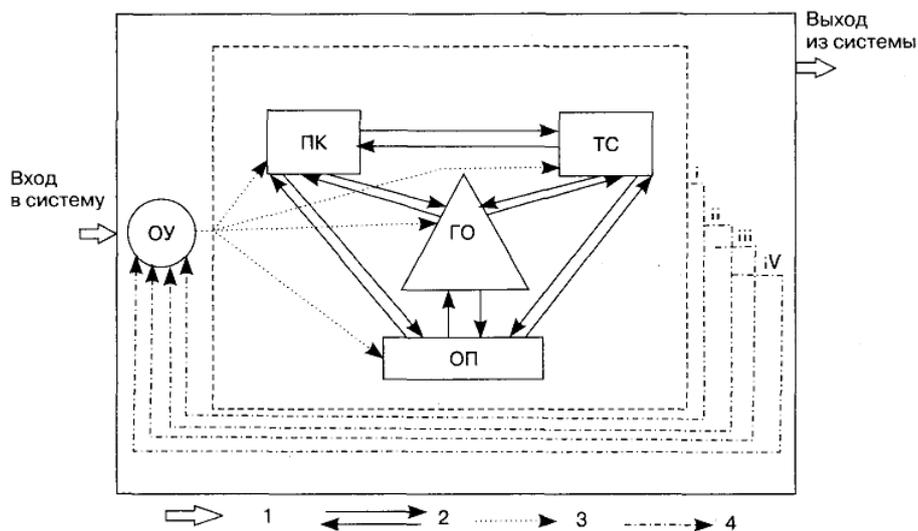

Рисунок 2 Схема рекреационной системы В. С. Преображенского: ГО – группа отдыхающих, ПК – природные и культурные комплексы, ТС – технические сооружения (системы), ОП – группа обслуживающего персонала, ОУ – орган управления; 1 – внешние связи системы, 2 – связи между подсистемами, 3 – команды управления, 4 – информация о состоянии подсистем: I – об удовлетворенности отдыхающих, II – о степени сохранения соответствия природных комплексов требованиям отдыха, III – о степени сохранения полезных свойств и возможностей технических систем, IV – о состоянии обслуживающего персонала¹⁴⁹

В последующем профессор Н.С. Мироненко и И.Т. Твердохлебов¹⁵⁰, приняв понятие В.С. Преображенского как базовое, уточнили его, сделав акцент на значимой роли рекреационной системы в сферах материального и нематериального производств.

Один из основателей Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, специалист в области рекреационной географии профессор Ю.А. Веденин, занимаясь изучением динамики развития рекреационных систем, оставаясь в рамках концепции В.С. Преображенского, разделил рекреационные системы на две группы –объектно-центрированные и субъектно-центрированные. Для первого типа систем характерна ориентация на территории, принимающие потоки посетителей, а вторая группа представляет собой рекреационные системы, сформировавшиеся в местах непосредственного проживания людей.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. М., 1981. – 208 с.

«Наиболее существенные изменения, связанные со сменой парадигмы в период перехода от плановой экономики к рыночным отношениям»¹⁵¹, произошли в группе общественных (гуманитарных) географических дисциплин, к которой и относится рекреационная география, предметом исследования которой выступают рекреационные системы. Профессор Д.В. Николаенко обосновал объективную необходимость расширить научное поле дисциплины. Территориальную рекреационную систему автор предложил рассматривать в контексте социокультурной системы¹⁵². При этом сама социокультурная система наделяется некоторыми отличительными чертами, а именно способностью генерировать сложную структуру собственного пространства и реализовывать устойчивые оригинальные экономические стандарты и формы, не имеющие аналогов за пределами данной системы, и некоторыми другими особенностями. Существенным в формулировке понятия рекреационной системы, предложенной Д.В. Николаенко, можно считать подход, предполагающий представление рекреационной системы как формы организации рекреационной деятельности.

Этот подход характерен и для современного российского исследователя процессов формирования и развития территориальных туристско-рекреационных систем профессора Л.Ю. Мажар¹⁵³, которая в своих работах рассматривает территориальную рекреационную систему как частный случай универсальной рекреационной системы в географической плоскости с топографической привязкой в географическом пространстве, т. е. как систему с конкретными параметрами и координатами. В соответствии с концепцией Л.Ю. Мажар, территориальные туристско-рекреационные системы как вид общественной геосистемы, по своей сути представляют схематичную и упрощенную модель рекреационной деятельности соответствующего сектора социально-экономического геопространства. Автором предложена иерархия

¹⁵¹ Васильева А.В. Туризм как направление диверсификации экономики региона // Экономика и управление номер. 2013. – С. 89–93.

¹⁵² Николаенко Д.В. Рекреационная география: Учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 2001. – 288 с.

¹⁵³ Мажар Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы: монография. Смоленск: Универсум, 2008. – 211 с.

рекреационных систем, предлагающая четыре уровня: мировой, национальный, региональный и локальный. В контексте данного исследования особый интерес вызывает региональный аспект, и в этой связи стоит отметить, что подход Л.Ю. Мажар, пространственно детерминирующий региональную территориальную рекреационную систему границами субъекта Российской Федерации, представляется несколько упрощенным.

Ученые Самарского государственного экономического университета Ю.А. Джаладян и А.С. Кусков, обобщая в 2008 г. накопленную на тот момент отечественную понятийно-теоретическую базу в отношении определения, сущности и содержания территориальной рекреационной системы, выдвинули предположение, что такие системы могут обладать различной степенью сложности организации¹⁵⁴ и привели пример самой простой рекреационной системы, состоящей из минимального количества компонентов, а именно, компоненты «природный комплекс» и компоненты «отдыхающие», которая может быть представлена различными типами потребителей и формирует характер отношений между другими компонентами системы, влияет на ее сложность.

Можно утверждать, что важным моментом в большинстве постсоветских исследований рекреационных систем (в том числе, во всех упомянутых выше) стало смещение акцентов на туристскую составляющую объекта – рекреационная система приобретает антропоцентрическую ориентацию и рекреационная деятельность рассматривается как необходимое условие организации экономической деятельности, конечной целью которой является получение прибыли и других социально-экономических эффектов от реализации товаров и услуг, способных удовлетворить рекреационные потребности человека. Интересно отметить, что для таких исследований характерна терминологическая трансформация территориальной рекреационной системы в территориальную туристско-рекреационную систему.

¹⁵⁴ Кусков А.С., Джаладян Ю.А. Основы туризма. М.: КНОРУС, 2008. – 400 с.

Для современного этапа исследований характерна тенденция расширения понятийного аппарата. Так, профессор Российского государственного университета туризма и сервиса М.А. Саранча и уже упоминавшийся А.С. Кусков, рассматривая эволюцию взглядов на территориальные туристско-рекреационные системы, отметили участвующую практику использования при описании пространственных форм организации рекреационной деятельности таких понятий, как туристский кластер, туристский локалитет, туристская дестинация и т. п.¹⁵⁵ Вместе с тем, сами авторы склонны придерживаться понятия территориальной туристско-рекреационной системы, так как считают, что именно этот термин наиболее ярко отражает экологическую составляющую системы, как одного из важных факторов её пространственной организации. Актуальность исследования экологического аспекта рекреационной системы также была обоснована краснодарским ученым В.Ф. Буйленко. Автор при формулировании понятия «рекреационная система» сфокусировал внимание на том, что в первую очередь это сложная социальная демо-экологосистема¹⁵⁶. То есть в центре системы – демографические и экологические компоненты.

Профессор А.Ю. Александрова предложила использовать термин туристский (межотраслевой) кластер, как наиболее соответствующий современным взглядам на развитие рекреационной деятельности в экономической плоскости. Региональный туристский кластер понимается автором как скопление и взаимодействие организаций, которые, имея общие экономические интересы и единые механизмы координации деятельности и кооперации, разрабатывают, производят, продвигают и реализовывают туристско-рекреационные услуги. Ключевым аспектом в этом подходе, с точки зрения пространственной организации рекреационной подсистемы РЭС, можно считать предположение о том, что повышение экономической эффективности и

¹⁵⁵ Саранча М.А., Кусков А.С. Эволюция подходов к исследованию территориальных туристско-рекреационных систем // Вестник Удмуртского университета. 2011. – № 3. – С. 101–113.

¹⁵⁶ Буйленко В.Ф. Основы профессиональной деятельности в туризме и экотуризме. М.: Феникс, 2008. – 384 с.

результативности деятельности каждого предприятия или организации достигается за счет высокой степени их концентрации и кооперации¹⁵⁷.

Обобщая результаты трех выполненных анализов – трансформации сущностных подходов к семантике взаимной связи рекреации и туризма, нормативно-правовых основ формализации рекреационной деятельности и туристской деятельности в их взаимосвязи и трансформации подходов к сущности региональных рекреационных систем, являющихся подсистемами региональных экономических систем, можно предложить следующее, ориентированное на исследование пространственной организацией региональной рекреационной системы и максимально предметное процессное управление ею, определение: **региональная рекреационная система** – устойчиво развивающаяся совокупность региональных экономических факторов (ресурсов), упорядоченных и взаимодействующих в целях максимально эффективного удовлетворения связанных с достижением рекреационных целей потребностей пребывающих на территории региона людей посредством осуществления ими туристской деятельности.

Предложенная трактовка термина региональная рекреационная система, вытекающая из предшествующего анализа, содержит ряд принципиально важных аспектов:

1. Разработанная формулировка снимает вопрос о первичности рекреации или туризма, так как, в случае применения предложенного определения, предметное поле региональной рекреационной системы становится абсолютно зеркальным – обеспечение рекреационной деятельности, реализуемой в формате туризма, или, что то же самое – обеспечение туристской деятельности, осуществляемой в рекреационных целях. При этом обеспечение иных видов рекреационной деятельности, не связанных с туризмом, или которые не являются системообразующими для формирования туристского продукта, а также иных видов туристской деятельности, для которых рекреационные

¹⁵⁷ Александрова А.Ю. Современные российские модели кластерообразования в туризме // Туризм в глубине России: Сборник трудов IV Всерос. науч. семинара / Пермский государственный национальный исследовательский университет [и др.]. 2016. – С. 11–15.

цели не являются превалирующими, остается целью функционирования и развития другой подсистемы региональной экономической системы, а именно – подсистемы третичного сектора, что полностью подтверждает выдвинутую в параграфе 1.1 гипотезу о возможности выделения региональной рекреационной системы в качестве самостоятельной подсистемы РЭС.

2. Одновременно снимается вопрос о физическом (объектном) и функциональном разграничении двух подсистем РЭС – рекреационной и окружающей среды. Региональная рекреационная подсистема включает, наряду с другими, ресурсы и объекты окружающей среды, непосредственно задействованные в процессе осуществления пребывающими на территории региона людьми туристской деятельности, ориентированной на достижение рекреационных целей.

3. Ссылка на то, что в рамках региональной рекреационной системы формирующие ее региональные экономические факторы (ресурсов) находятся в состоянии упорядоченности и взаимодействуют между собой, является указанием на то, что не только сама региональная рекреационная система, но и отдельные экономические факторы, формирующие ее, функционируют и трансформируются под влиянием управляющего воздействия со стороны субъектов управления, составляющих управляющую подсистему (модуль) региональной рекреационной системы.

4. Указание на устойчивый характер развития региональной рекреационной системы предопределяет превалирование принципов устойчивого развития при формировании целей управления региональной рекреационной системой, выборе методов управления, а также видов и параметров управленческих воздействий.

5. Ссылка на необходимость максимально эффективного удовлетворения потребностей пребывающих на территории региона людей предопределяет обязательность учета всех возникающих и предполагаемых эффектов от функционирования региональной рекреационной системы и оценки их опти-

мальности по критериям экономической, экологической, социальной и иных видов эффективности.

Приведенные комментарии к предложенному автором определению позволяют сделать еще одно достаточно важное, в том числе для настоящей работы замечание терминологического характера – исключительно к предметному полю региональной рекреационной системы, как оно определено выше, корректно применимы термины туристско-рекреационная или рекреационно-туристская деятельность; во всех остальных случаях необходимо сущностное уточнение дефиниций. Далее в работе эти термины, а также производные от них, если не будет сделано специальных оговорок, будут использоваться как равнозначные.

2.1.3. Пространственно распределенные элементы региональной рекреационной системы и субъектно-объектные отношения между ними

Таким образом, обобщив рассмотренные ранее подходы и определившись со смысловым содержанием понятий «рекреация», «туризм» и их соотношением, в настоящей работе мы будем рассматривать рекреационную подсистему как элемент региональной экономической системы и как сложную структуру, включающую в себя управляющий и управляемый модули. Эти модули формируются из определенного набора компонентов, между которыми возникают субъект-объектные отношения.

Любая система или подсистема как множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, создающих определенную целостность, с точки зрения этих взаимосвязей предполагает возникновение субъект-объектных отношений. Здесь важно заметить, что наряду с этими связями могут возникать и субъект-субъектные отношения. Соотношения между этими группами взаимодействий объясняются структурой системы. Однако процесс управления возникает в паре субъект-объект. В связи с этим в данном

разделе настоящей работы рекреационная подсистема рассматривается через призму возникающих в ней субъект-объектных отношений.

Оставаясь в этой логике нам необходимо выделить основные управляющие и управляемые модули и их элементы. Так, управляющий блок формируется исходя из государственной структуры управления развитием рекреационной деятельности как части экономической и социально-культурной жизни страны. С исторической точки зрения, в советский период управление развитием туризма и рекреации обеспечивалось четко выстроенной структурой крупных национальных организаций: Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ, Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС, и Внешнеэкономическое акционерное общество по туризму и инвестициям «Интурист». В условиях гарантированного финансового обеспечения такая управленческая структура обеспечивала высокие показатели объемов рекреационных услуг и социальную направленность. После распада Советского Союза рекреационные подсистемы стали сферой интересов в большей степени частных экономических субъектов. В этот период рекреационная деятельность развивалась стихийно и точно. Объем предоставляемых рекреационных услуг резко снизился. Государственное управление осуществлялось Министерством культуры России, Государственным комитетом спорта России, Министерством спорта России, т. е. федеральными органами исполнительной власти, которые можно условно отнести к социальному блоку Правительства России. Однако с 2000 г. курировать развитие рекреационной деятельности начало Министерство экономического развития Российской Федерации.

В 2004 г. указом¹⁵⁸ Президента России было создано Федеральное агентство по туризму (Ростуризм), которое за свою историю несколько раз меняло подведомственность и до недавнего времени входило в структуру Министерства экономического развития Российской Федерации. С лета 2020

¹⁵⁸ О Федеральном агентстве по туризму и Федеральном агентстве по физической культуре и спорту: Указ Президента Российской Федерации от 18.11.2004 г. № 1453 // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50350/ (дата обращения: 12.12.2020).

г., в соответствии с указом Президента России, руководство деятельностью Ростуризма осуществляет Правительство Российской Федерации. К основным функциям Ростуризма отнесены:

- реализация государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере туризма и туристской деятельности;
- координация деятельности по реализации приоритетных направлений государственного регулирования туристской деятельности в Российской Федерации;
- осуществление государственного надзора за деятельностью туроператоров и объединение туроператоров в сфере выездного туризма¹⁵⁹.

Можно сделать заключение, что отечественная рекреационная система примеряла на себя в том или ином виде все наиболее распространенные в мире модели управления: от модели, где государство признает рекреационную деятельность приоритетной и ведет серьезную системную работу по её развитию (Египет, Турция, Таиланд), до модели, предполагающей отсутствие централизованного административного органа управления и государственного вмешательства (США). И остановилась на так называемой европейской модели, которая занимает промежуточную позицию и характеризуется формированием занимающегося маркетингом, статистикой и разработкой программ развития рекреационной деятельности и законов отраслевого департамента при многоотраслевом органе управления более высокого уровня.

При этом российская модель управления продолжает находиться в процессе трансформации и на сегодняшний день включает следующие элементы, осуществляющие управление региональными рекреационными системами на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. К федеральному уровню относятся Правительство Российской Федерации (в том числе, департамент культуры, спорта, туризма и национальной политики Правительства Российской Федерации) и Министерство экономического раз-

¹⁵⁹ О совершенствовании государственного управления в сфере туризма и туристской деятельности: Указ Президента Российской Федерации от 05 июня 2020 № 372 // Гарант.ру: информационно-правовой портал: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74128823/> (дата обращения: 10.06.2020).

вития Российской Федерации. На этом уровне можно выделить такие субъекты управления, как Ростуризм и Департамент инвестиционной политики и развития предпринимательства Минэкономразвития России, который курирует реализацию федеральных программ поддержки малого и среднего предпринимательства. При этом в самой структуре Ростуризма необходимо выделить роль Управления внутреннего туризма и государственных целевых программ, к функциям которого относится обеспечение реализации государственной политики в сфере рекреации и туризма, в том числе, посредством разработки и реализации государственных программ развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации. Также в структуре Ростуризма в настоящий момент функционируют две подведомственные организации: «Национальный маркетинговый центр по туризму» и «Национальная корпорация развития туризма». В отдельную группу субъектов управления на федеральном уровне можно выделить такие координационные и совещательные органы, как межведомственные рабочие группы, которые занимаются решением наиболее острых вопросов развития рекреации и координационные советы.

На региональном уровне функции государственного управления развития рекреационных подсистем закреплены за профильными управлениями, департаментами и отделами, являющимися самостоятельными органами исполнительной власти или структурными подразделениями при министерствах (комитетах), как правило, отвечающими за экономическое развитие региона. К основным функциям региональных исполнительных властей относятся:

- определение основных задач и приоритетных направлений развития на региональном уровне;
- разработка, утверждение и реализация документов стратегического планирования регионального уровня;
- создание благоприятных условий для развития туристской индустрии, в частности, через развитие мер государственной поддержки;

- организация и проведение мероприятий в сфере туризма на региональном и межмуниципальном уровне;
- участие в информационном обеспечении.

На муниципальном уровне субъектом управления развитием рекреационной системы выступают местные органы власти. Содержательно функции органов исполнительной власти на муниципальном уровне соответствуют региональному уровню. Таким образом, органы местного самоуправления регулируют аналогичные вопросы, но в пределах своих полномочий.

На федеральном, региональном, и муниципальном уровне возникают профессиональные ассоциации, общественные советы и другие формализованные структуры, которые представляют уровень саморегулирования. Эти организации можно отнести к структуре управления условно. Функция этих организаций состоит скорее в том, содействовать реализации и защите прав как поставщиков услуг, так и их потребителей, представлять их интересы на уровне органов власти.

Между элементами структуры управления возникают как субъект-объектные (федеральные, региональные и муниципальные органы исполнительной власти), так и субъект-субъектные отношения (например, между общественными советами и профильными ассоциациями).

Нужно понимать, что к этой группе можно отнести широкий перечень органов государственной власти, полномочия которых относятся к отдельным вопросам, которые связаны с развитием и функционированием рекреационных подсистем. Приведем примеры в таблице (Таблица 3).

Таблица 3 Перечень органов государственной власти, обладающих полномочиями с области развития и функционирования региональных рекреационных подсистем

Наименование органа государственной власти	Примеры полномочий в области развития и функционирования региональных рекреационных подсистем
Министерство здравоохранения	– осуществляет создание и утверждение

Продолжение Таблицы 3

Российской Федерации	положения о курортах федерального значения – курирует работу лечебно-оздоровительных местностей, курортов, санаторно-курортных организаций
Министерство иностранных дел Российской Федерации	– обеспечивает безопасность граждан Российской Федерации за рубежом, – координирует международную деятельность в целом
Федеральная миграционная служба	– осуществляет оформление и выдачу иностранным гражданам документов для въезда в Российскую Федерацию
Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации	– разрабатывает положения об ООПТ (государственных природных заповедниках, национальных парках, государственных природных заказниках, памятниках природы и др.) – курирует работу ООПТ федерального значения – рассматривает вопросы о переводе находящихся в собственности Российской Федерации земель водного фонда и земель особо охраняемых территорий и объектов (земель ООПТ) и земель других участков в земли другой категории
Федеральное агентство водных ресурсов	– курирует охрану водоемов, – устанавливает порядок использования водных
Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека	– контролирует обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, – обеспечивает защиту прав потребителей и в области потребительского рынка – осуществляет надзор за соблюдением законов и нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере защиты прав потребителей
Федеральная служба по надзору в сфере природопользования	– осуществляет государственную экологическую экспертизу
Министерство транспорта Российской Федерации	– разрабатывает государственную политику и нормативно-правовое регулирование в сфере всех видов гражданского транспорта

Объектами управления структуры управления выступают сразу две группы объектов: элементы региональной рекреационной инфраструктуры и рекреационные ресурсы. В модуле рекреационная инфраструктура выделяется несколько групп организаций:

- средства размещения;
- предприятия питания;
- все виды транспорта и транспортной инфраструктуры;
- туристские компании;
- службы бронирования;
- службы аренды автомобилей;
- предприятия питания.

Для каждой группы характерно разделение на отдельные подгруппы. Например, в соответствии с национальным стандартом Российской Федерации¹⁶⁰, средства размещения разделяются на коллективные и индивидуальные. Коллективные средства размещения, в свою очередь, представлены тремя группами: гостиницы, специализированные и иные средства размещения. А уже группа специализированные средства включает в себя, например, санаторно-курортные, транспортные, туристские и другие виды. Эта классификация направлена на обеспечение требований к категориям средств размещения, ориентированных на гостей с различными рекреационными потребностями. Для других групп также характерно дробление. Например, транспортная инфраструктура представлена всеми распространенными видами пассажирского транспорта. Для развития отдельных рекреационных подсистем могут достаточно широко использоваться достаточно экзотические виды транспорта: велорикши во Вьетнаме и Индии, ставшие символом Венеции гондолы и др.

¹⁶⁰ ГОСТ Р 51185-2014. Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования = Tourist services. Means of accommodation. General requirements: национальный стандарт Российской Федерации. М.: Стандартинформ, 2015.

Выделенные структуры управления оказывают на них воздействие в рамках своих полномочий и компетенций. При этом внутри этого модуля возникают горизонтальные субъект-субъектные отношения. Создавая цепочки добавленной стоимости в сфере рекреационной деятельности, ее субъекты вступают друг с другом в тесные партнерские взаимодействия, при этом современные подходы к организации рекреационной деятельности предполагают, что, несмотря на естественную конкурентную борьбу между этими элементами, в целом региональная рекреационная подсистема становится более конкурентоспособной при формировании максимально развитой сети поставщиков услуг. Такая сетевая организация требует роста и в количественном, и в качественном плане. Связано это с двумя аспектами. Первый – значительная степень уязвимости всей системы, при низких стандартах работы даже одного из представителей этого модуля. Например, потребитель получает услугу питания низкого качества или даже опасную для здоровья. Это приводит к тому, что весь рекреационный опыт путешествия окрашивается негативно. Второй аспект связан с современными требованиями потребителя к высокой степени вариативности при планировании рекреационной деятельности. Это подразумевает, что чем больше альтернатив предоставлено потребителю, тем больше шансов на потребительское решение в пользу данной рекреационной подсистемы.

Именно по этой причине рекреационной подсистеме также необходим широкий спектр рекреационных ресурсов, наличие которого, однако, не гарантирует её успешное развитие. Такое состояние является предпосылкой и реализуется только при эффективном управлении. К рекреационным ресурсам традиционно относят:

- природно-антропогенные ресурсы, представленные охотничьими угодьями, особо охраняемыми природными территориями;
- природные ресурсы, условия и явления, включающие в себя водные ресурсы, ландшафт, такие объекты, как водопады и растительный покров;

– антропогенные ресурсы – стадионы, аквапарки, музеи, банно-саунные комплексы и пр.;

– социально-исторические ресурсы, представленные памятниками, культурными объектами и историческими местностями.

Рекреационные ресурсы испытывают на себе влияние со стороны двух групп субъектов: структуры управления и компонентов рекреационной инфраструктуры. Характер этого влияния различный (Рисунок 3).

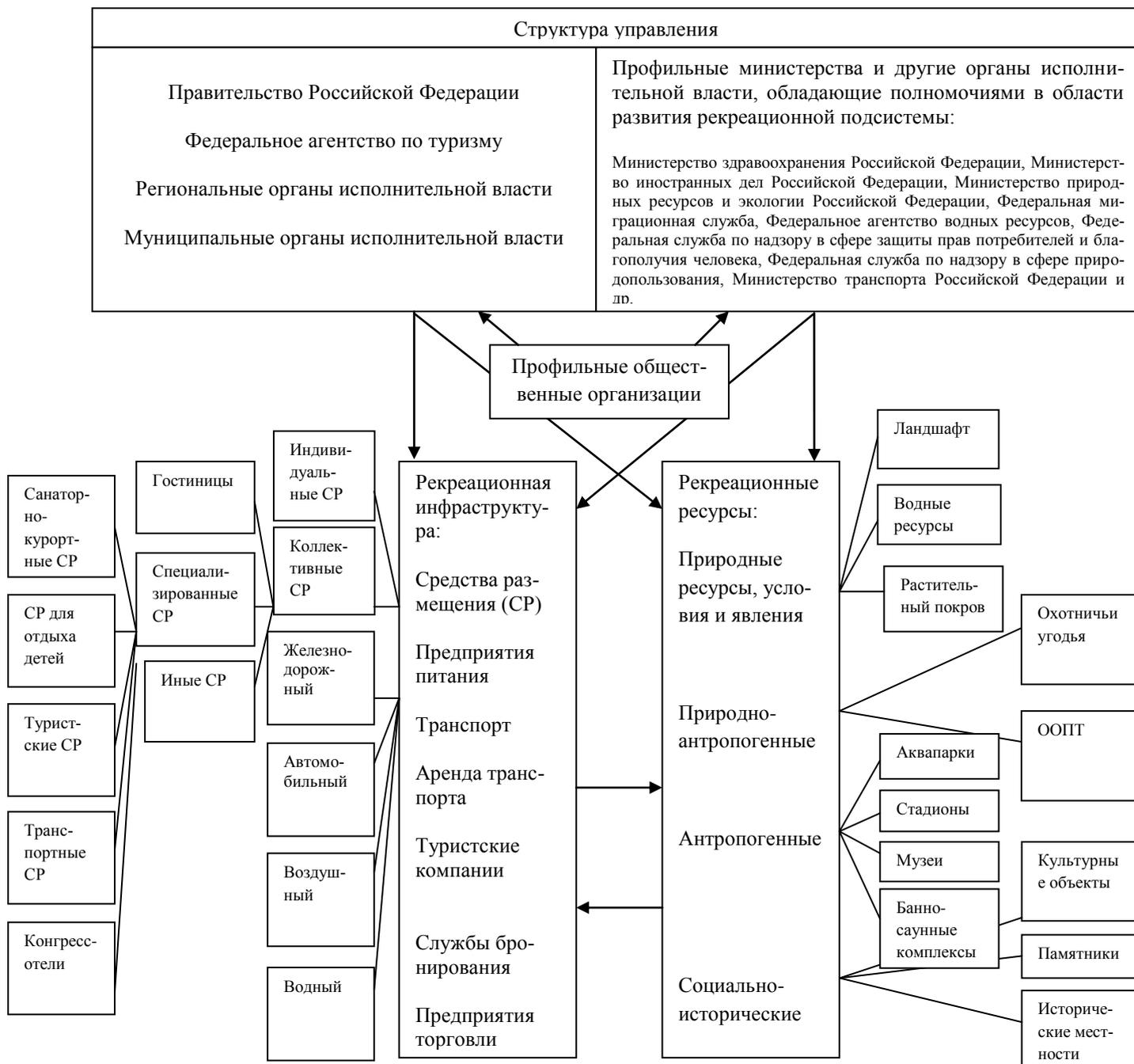

Рисунок 3 Схема региональной рекреационной подсистемы и субъект-объектные отношения между ее элементами

В общем плане структуры управления воздействуют на объекты группы рекреационные ресурсы посредством формирования институциональной среды. В этой среде развиваются взаимоотношения между объектами группы и субъектами рекреационной инфраструктуры. Субъект-объектные отношения между этими модулями и их элементами формируют региональную рекреационную систему. Результаты функционирования этой системы направлены на потребителей и их рекреационные потребности, при этом расширение перечня компонентов рекреационной инфраструктуры и рекреационных ресурсов, их кооперация и высокая степень концентрации способствует усилению конкурентных преимуществ самой подсистемы.

2.2. Основные факторы, влияющие на функционирование и трансформацию региональных рекреационных систем

Развитие региональных экономических систем связано с экономической структурой, степенью ее сложности и пространственной сопряженностью с территорией. При этом целостность экономической системы приобретает за счет формирующихся связей, как между элементами самой системы, так и внешних взаимодействий. Сами экономические подсистемы обладают некоторыми специфическими чертами, которые обуславливаются экономическим профилем. В свою очередь этот профиль определяет наиболее значимые факторы влияния. Кроме этого, характер внутренних и внешних взаимодействий определяет модель развития рекреационной деятельности.

В соответствии с предложенной автором трактовкой, региональная рекреационная система – устойчиво развивающаяся совокупность региональных экономических факторов (ресурсов), упорядоченных и взаимодействующих в целях максимально эффективного удовлетворения связанных с достижением рекреационных целей потребностей пребывающих на территории региона людей посредством осуществления ими туристической деятельности. Таким образом, в целях выявления особенностей формирования региональной рекреационной системы необходимо установить наиболее значимые механизмы влияния специфических экономических факторов, выделенных в параграфе 1.2 на развитие этой системы.

В рамках настоящей работы рассмотрим особенности развития рекреационной деятельности, которая предполагает, наряду с иными, положительные эффекты в региональной занятости и в инфраструктурном плане. Как уже говорилось ранее, развитие региональной рекреационной системы возможно только при наличии необходимых ресурсов, но это далеко не единственное условие. Для достижения ожидаемых позитивных результатов важно выбрать подходящую модель развития.

Ниже представлены результаты исследования, ранее опубликованные автором. Интерес к моделям развития рекреационной деятельности обусловлен стремлением изучить процессы формирования и взаимосвязи между явлениями и добиться устойчивого экономического роста, связанного так же и с реализацией социальных задач развития территории. Изучение зарубежной и отечественной практик показывает, что значительная часть планов в области рекреационной деятельности не реализуются успешно. Еще в 80-е годы XX в. было высказано предположение, что это происходит из-за недостаточной интеграции в экономическую систему в сочетании с неспособностью адаптации планов к изменяющимся условиям¹⁶¹. В этот период исследователями были предприняты многочисленные попытки переориентировать концепции развития рекреационных систем, найти новые подходы. В результате возник целый пласт научных разработок, предлагающих различные варианты моделей рекреационной системы. Условно все эти работы можно разделить на две категории: теоретические модели и модели управления и планирования процессов развития¹⁶².

К теоретическим моделям, описывающим всю систему или подсистему, относятся дескриптивные модели, модели, демонстрирующие взаимосвязи между компонентами, модели прогнозирования. Здесь можно выделить основные группы: комплексные модели, пространственные модели, бихевиористские модели, модели воздействий (экономических, социально-культурных, экологических). К моделям управления и планирования процессов развития рекреационных систем были отнесены предписывающие, модели, основанные на традиционных способах планирования, модели, сфокусированные на решении какой-то конкретной проблемы и так называемые концептуальные модели. С точки зрения вышеизложенных аспектов классифицированы следующие группы: модели развития проектов, модели управления и маркетин-

¹⁶¹ Baud-Bovy M. New concept in planning for tourism and recreation // *Tourism management*. 1982. – Vol. 3, N 4. P. 308–313.

¹⁶² Getz D. Models in tourism planning: towards integration of theory and practice // *Tourism Management*. 1986. Vol. 7 (1). – P. 21–32.

га, модели планирования концептуальной системы и модели прогнозирования.

В контексте настоящего исследования наибольший интерес представляют пространственные модели развития. Попытки решения вопросов пространственной организации, методических и прикладных аспектов размещения элементов региональных рекреационных систем реализовались в моделях этой группы.

Одна из первых пространственных моделей была получена как результат приложения теории центрального места к рекреационной системе. Введя несколько идеализированных допущений об изотропной поверхности, т. е. однородности территории, равномерности размещения на ней ресурсов, одинаковой плотности и покупательной способности населения, а также равноценности транспортных условий, Вальтер Кристаллер выдвинул предположение о существовании упорядочивающей закономерности расположения товаров и услуг, представил иерархию центральных мест различного порядка в соответствии с предоставляемыми услугами и производящимися товарами. Исследуя вопросы пространственного развития, автор связал размещение экономической деятельности, определенное главным образом спросом, с существованием периферийных и изолированных физико-географических мест и ощущениями путешественников, совершающих поездки¹⁶³.

Исследуя причины изменения потоков путешественников, Стенли Плог предложил модель, разделяющую всех посетителей на основные группы в соответствии с их психографическими характеристиками. Результатом стало выделение трех основных групп посетителей. При этом автор предположил, что тип посетителей рекреационного центра меняется с ее развитием во времени. Таким образом, данная модель выявляет закономерности и связи меж-

¹⁶³ Christaller W. Some considerations of tourism location in Europe: the peripheral regions-underdeveloped countries-recreation areas // *Regional Science*. 1964. – Vol. 12 (1). – P. 95–105.

ду развитием рекреационного центра с особенностями рекреационного поведения ее посетителей в пространстве¹⁶⁴.

Значительный вклад в исследование аспектов пространственной организации рекреационной системы внес канадский географ Жан Лундгрэн. Исследовав взаимосвязи между такими показателями, как степень притяжения путешественников, уровень развития рекреационной инфраструктуры, географическое положение и другие показатели, ученый предложил модель рекреационного пространства, на основе центр-периферийного подхода, как продолжение исследований «центрального места» Вальтера Кристаллера¹⁶⁵. В рамках модели предлагается иерархия рекреационных систем, на вершине которой крупные мегаполисы как территории, привлекающие значительные потоки посетителей и генерирующие их. Такой крупный город выступает в качестве центрального места для периферийных территорий второго и последующего порядков, которые зависят от него. Численность населения в городских периферийных территориях второго порядка значительно ниже. При этом количество посетителей превышает выездные потоки. На низшей ступени иерархии находятся периферийные территории, специализирующиеся на формах рекреационной деятельности, основанных на рекреационных занятиях, ориентированных на природные рекреационные ресурсы. Автор подчеркивает факт значительной зависимости самых периферийных территорий от регионов-поставщиков потоков посетителей.

Пространственные особенности формирования региональных рекреационных систем стали объектом исследований Жана Миосека. Исследователь предложил диффузионную модель развития рекреационного пространства. В рамках модели представлена структура эволюции территории во времени и пространстве, с выделением основных этапов развития. Процессы развития рекреационной деятельности изменяют интенсивность от так называемой ну-

¹⁶⁴ Plog S.C. Why destinations areas rise and fall in popularity Cornell // Hotel and Restaurant Association Quarterly. 1973. – Vol. 13. – P. 6–13.

¹⁶⁵ Lundgren J.O.J. The tourist frontier of Nouveau Quebec: Functions and regional linkages // The Tourist Review. 1982. – Vol. 37, N 2. – P. 10–16.

левой фазы, с отсутствием развития, до фазы чрезмерного развития, которое приводит к превышению рекреационных нагрузок, истощению ресурсов, таким образом, выделяются как позитивные, так и негативные социально-экономические эффекты.

Модель жизненного цикла туристско-рекреационной территории Ричарда Батлера¹⁶⁶, теоретической основой которой стала общая концепция жизненного цикла продукта, получила признание и последующее развитие как теоретический концепт. Автор модели представил развитие территории в динамике через шесть основных стадий ее эволюции, проанализировав и охарактеризовав каждый этап развития. Смена этих последовательных этапов, происходящая во времени и пространстве, составляет жизненный цикл рекреационной системы в контексте рыночных отношений, при этом продолжительность каждого этапа и всего цикла различны, а сами территории зависят от конкретных условий.

В рамках настоящего исследования также были рассмотрены наиболее существенные изменения в подходах к изучению рекреационной деятельности в отечественной практике, которые были связаны со сменой парадигмы в период перехода от плановой экономики к рыночным отношениям. Российские исследователи предложили теоретические модели развития региональных рекреационных систем, опираясь на зарубежный опыт и адаптировав его к экономическим условиям.

Уже упоминавшийся исследовательский коллектив, возглавляемый президентом Российской международной академии туризма профессором И.В. Зориным, предложил четыре основные модели развития рекреационных центров. Модель А предполагает осевое развитие культурных сил внутри зоны, основанное на предположении, что основной упор делается на состояние окружающей среды и культурно-историческое наследие региона. В рамках данной модели значительное внимание должно уделяться развитию инфра-

¹⁶⁶ Butler R.W. The concept of the tourist area life-cycle of evolution: implications for management of resources // Canadian Geographer. 1980. – Vol. 24 (1). – P. 5–12.

структурной сети, используемой как рекреантами, так и местным населением. Модель Б является вариантом развития модели А, но с более интенсивным развитием инфраструктуры и строительством дополнительных объектов, представляющих интерес для посетителей. Эта модель, как и предыдущая, предполагает гармоничное сочетание антропогенных и природных рекреационных ресурсов, на основе реализации долгосрочных проектов, требующих серьезного финансового обеспечения и тщательного планирования развития территории. Модель В предполагает развитие новых зон рекреационной привлекательности на основе создаваемых искусственных ресурсов, проектируемых в противовес естественным районам привлечения рекреантов. В числе основных целей создания таких зон более эффективное распределение потока посетителей. Модель Г применяется при развитии сельских территорий, где основными объектами привлечения посетителей являются природные рекреационные ресурсы и местная географическая экзотика, сглаживающие дефицит иных интересных для туристов объектов и недостаточность развития рекреационной инфраструктуры¹⁶⁷. Примечательно, что на процессы возникновения и развития рекреационных центров со столь разными моделями функционирования и на параметры этих процессов оказывают влияние совершенно разные экономические факторы¹⁶⁸.

Таким образом, развитие подходов к региональной рекреационной системе связано с эволюцией экономических процессов на региональном уровне, усложнением структуры взаимодействий различных экономических факторов. Управление развитием рекреационной системой – это многогранный процесс регуляции отношений между человеком и окружающей средой, сопряженный с положительными и негативными эффектами. Развитие рекреационной деятельности как драйвера регионального роста может сдерживать-

¹⁶⁷ Зорин И.В., Каверина Т.П., Квартальнов В.А. Туризм как вид деятельности. М.: Финансы и статистика, 2002. – 228 с.

¹⁶⁸ Васильева А.В. Туризм как направление диверсификации экономики региона // РНЖ «Экономика и управление». 2013. – С. 89–93.

ся некоторыми барьерами, из которых в качестве основных возглавляемая профессором Г.А. Карповой группа исследователей выделяет следующие:

– высокий уровень туристских формальностей, сложность с получением визовых документов для посещения страны в целом, так и отдельных регионов, низкий уровень информированности иностранных туристов о существующей практике выдачи электронных виз;

– недостаточный уровень развития инфраструктуры в сфере рекреации и туризма, необходимость обновления основных фондов в индустрии, низкий уровень транспортной доступности российских дестинаций;

– неудовлетворительные качество и результаты практики по продвижению национальных туристских брендов и брендингу территорий;

– нехватка положительной информации о России и отсутствие ее рекламы на заграничном рынке;

– относительно невысокий уровень освоения базовых компетенций при реализации основных образовательных программ среднего профессионального и высшего образования, низкий уровень обеспечения взаимодействия с потенциальными работодателями сферы рекреации и туризма^{169 170}.

Кроме того, с позиции настоящего исследования стоит отметить, что развитие рекреационной деятельности в регионе может сдерживаться неоднородностью региональной экономической среды, что также необходимо учитывать при планировании пространственного развития региональной рекреационной системы. Диверсификация экономики региона за счет развития сферы услуг и рекреационной деятельности может стать инструментом сглаживания пространственной неравномерности развития внутри региона. Процессы управления развитием региональных рекреационных систем как на федеральном, так и на региональном уровнях реализуются в рамках сложившихся моделей, отвечающих параметрам пространственной дифференциации

¹⁶⁹ Карпова Г.А. Стратегические направления формирования и развития туристско-рекреационных зон в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. – № 4 (118). – С. 85–89.

¹⁷⁰ Карпова Г.А., Кучумов А.В. Перспективы развития туризма в России в условиях кризиса // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. – № 3. – С. 136–141.

регионального развития и трансформирующихся под влиянием различных специфических экономических факторов, особое значение ряда из которых именно для рекреационных систем было установлено в параграфе 1.2.

В настоящей работе для разработки практико-ориентированного научного инструментария в области управления развитием рекреации на региональном уровне применялся подход, базирующийся на выделении факторов, учитывающих комплексные представления о региональной рекреационной системе. Для решения этой задачи исследования автор провел факторный анализ, в качестве объекта которого была выбрана совокупность субъектов Российской Федерации, имеющих сухопутные на материке (в том числе речные и озерные) и морские границы с другими государствами, являющимися для них сопредельными. Такой выбор объясняется, с одной стороны, необходимостью формирования максимально однородного по исследуемой характеристике объекта исследования, что, в случае, когда такой контрольной характеристикой, в соответствии с целью и задачами диссертационного исследования, является влияние фактора приграничного положения, можно обеспечить, только исключив из рассмотрения регионы, не являющиеся приграничными. С другой стороны, с учетом того, что приграничными являются 45 из 85 российских регионов, можно утверждать, что сформированная из них выборка является репрезентативной, и результаты ее обследования могут использоваться для построения и более многофакторных моделей.

В качестве информационной основой была использована база данных, включающая в себя средние значения 14 характеризующих социально-экономическое положение приграничных регионов переменных за 2010–2018 гг. (Приложение 1, Таблица 4), а методической основой – метод главных компонент с применением косоугольного вращения фактора, в результате применения которого были определены пять значимых факторов формирования пространственной организации рекреационной системы региона, взаимосвязанные переменные и факторные нагрузки на эти переменные, представленные в Таблице 4.

Таблица 4 Факторы формирования пространственной организации рекреационной системы региона

Факторы	Переменные	Нагрузка
F1. Фактор спроса на услуги рекреационной подсистемы	V3. Доля объема платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения в ВРП	,842
	V5. Численность иностранных граждан, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения (на 100 000 чел. (жителей региона))	,774
	V6. Численность российских граждан, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения (на 100 000 чел. (жителей региона))	,898
	V14. Число зарегистрированных преступлений (на 100 000 чел.)	,681
F2. Фактор развития соответствующей климатическим условиям инфраструктуры рекреационной системы	V2. Количество средств размещения на 1 тыс. км ² (шт.)	,911
	V15. Число туристских фирм на 1 тыс. км ² (шт.)	,834
	V9. Степень дискомфорта климата	,564
F3. Фактор экологической безопасности	V7. Среднегодовая загрузка в коллективных средствах размещения в %	,581
	V10. Индекс напряженности экологической ситуации	-,753
	V12. Интегральный рейтинг региона	,672
F4. Фактор инвестиций в развитие инфраструктуры рекреационной подсистемы	V8. Доля инвестиции в развитие коллективных средств размещения в общем объеме инвестиций в регионе	,862
	V13. Плотность особо охраняемых природных территорий	,594
F5. Фактор приграничного положения	V11. Уровень плотности международных пунктов пропуска	,883
	V4. Доля объема платных туристских услуг в ВРП	,505

Принципиально важным результатом проведенного исследования является то, что удалось выявить не только факторы, существенно влияющие на процессы формирования и эффективность пространственной организации

рекреационной системы региона, но и характеристики социально-экономического положения, определяющие значение и степень влияния каждого фактора, что делает их пригодными для использования в качестве целевых и контрольных показателей при разработке программ развития региональных рекреационных систем и обеспечении контроля за точностью и эффективностью их реализации. Ниже приведены краткие результаты выполненного исследования, представленные именно с этих – управленческих – подходов.

Первый фактор – **фактор спроса на услуги рекреационной системы**. Он тесно связан с показателями численности иностранных и российских граждан, зарегистрированных в гостиницах и аналогичных объектах размещения, и объемами платных услуг, под которыми, применительно к рекреационным системам, понимают полный перечень как прямых, так и сопутствующих услуг, связанных с обеспечением процессов отдыха оказываемыми такими услугами организациями, совокупность которых образуют региональную отрасль экономики и является, как было установлено в параграфе 2.1, многокомпонентным элементом управляемой подсистемой (модулем) региональной рекреационной системы. Также при формировании этого фактора значительный вес получила переменная, демонстрирующая уровень безопасности в регионе, выражающийся через число зарегистрированных преступлений.

С точки зрения методологической чистоты, стоит отметить, что на этапе формирования системы переменных с целью их последующей обработки методом главных компонент с применением косоугольного вращения фактора, был выполнен корреляционный анализ, в результате которого было установлено, что наибольшее значение имеют показатели, характеризующие именно гостиничную отрасль, а иные показатели, характеризующие другие услуги рекреационной системы, находятся с ними в сильной связи и зависят от них, и, следовательно, должны быть исключены из дальнейшего анализа.

Второй фактор – **фактор развития соответствующей климатическим условиям инфраструктуры рекреационной системы** – отражает со-

вокупность переменных, характеризующих концентрацию таких элементов рекреационной подсистемы, как гостиничные предприятия и туристские компании, а также климатический параметр. Весовые коэффициенты компонентов этого фактора четко демонстрируют, что климат обуславливает пространственную организацию региональных рекреационных систем, и его необходимо учитывать при организации всех видов рекреационной деятельности.

При составе третьего фактора – **фактора экологической безопасности** – высокую отрицательную нагрузку получила переменная напряженности экологической ситуации. Напряженность экологической ситуации в регионе связана с антропогенными воздействиями на природные рекреационные ресурсы. Отрицательное значение факторной нагрузки здесь обозначает сильную обратную связь данного признака с выделенным фактором, что связано со смыслом самой переменной.

Анализ компонентов четвертого фактора – **фактора инвестиций в инфраструктуру рекреационной системы** – показывает значение рекреационного потенциала, в данном случае природных ресурсов особо охраняемых природных территорий как составляющей инвестиционной привлекательности. Можно сделать заключение, что регионы, обладающие высоким ресурсным потенциалом в области развития рекреационной деятельности, ориентированной на природные ресурсы, вызывают наибольший инвестиционный интерес.

Фактор приграничного положения сформировался как совокупность, где наибольшие весовые коэффициенты получили переменные, характеризующие уровень плотности действующих международных пунктов пропуска, и показатель, связанный с долей объема платных туристских услуг в валовом региональном продукте. Таким образом, обосновывается роль приграничного положения (включая пограничную инфраструктуру), в том числе в процессах трансграничного районообразования, основанного на рекреационной деятельности, с соответствующим вкладом в региональную экономику. Более

подробно этот аспект будет исследован в последующих разделах диссертации.

Подводя промежуточный итог, можно говорить о том, что факторный анализ является достаточно эффективным методом мониторинга процесса развития региональной рекреационной системы, который позволяет в последующем использовать результаты мониторинга для выработки управленческих решений в управляющем модуле самой региональной рекреационной системы. Идентификация и уточнение содержания факторов, влияющих на процесс формирования региональной рекреационной системы, позволит уточнить направления развития рекреационной деятельности для групп исследуемых регионов с различным потенциалом в рамках сложившихся моделей развития рекреационной системы. Результаты исследования могут быть использованы как практический инструмент для разработки рекомендаций в области региональной политики, направленной на развитие рекреационной системы с учетом факторов, выделенных для каждой группы регионов и определенных инвестиционных приоритетов.

2.3. Роль и место ООПТ как специфического элемента региональной рекреационной системы

Особым и значимым видом природно-антропогенных рекреационных ресурсов являются особо охраняемые природные территории (ООПТ). Несмотря на некоторые ограничения, специалисты считают, что ООПТ, как территории с особым природоохранным статусом, являются наиболее подходящими для развития соответствующих видов рекреационной деятельности. Связано это с тем, что на этих площадках формируются особые условия управления природопользованием и окружающей средой, в том числе предусматриваются финансовые и организационные ресурсы для создания рекреационной инфраструктуры.

Согласно Федеральному закону от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», особо охраняемыми природными территориями признаются «участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны»¹⁷¹. Особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния. Этот закон стал важнейшим институциональным фактором создания условий для охраны природных ресурсов. В соответствии с этим законом все ООПТ делятся на:

- государственные природные заповедники, в том числе биосферные заповедники;
- национальные парки;
- природные парки;

¹⁷¹ Об особо охраняемых природных территориях : Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 10.09.2019).

- государственные природные заказники;
- памятники природы;
- дендрологические парки и ботанические сады.

На территориях ООПТ различного уровня действуют определенные связанные с их целями и задачами ограничения, некоторые из которых являются препятствием или помехой для осуществления рекреационной деятельности. Но даже в заповедниках, которые являются самой строгой формой ООПТ, возможно развивать отдельные виды рекреационной деятельности. Задачи, особенности режима в части возможности посещения и осуществления рекреационной деятельности ООПТ в соответствии с их природоохранным статусом приведены в Таблице 5.

Таблица 5 Задачи и особенности режима ООПТ

ООПТ	Задачи и особенности режима ООПТ
Государственные природные заповедники	<p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – осуществление охраны природных территорий в целях сохранения биологического разнообразия и поддержания в естественном состоянии охраняемых природных комплексов и объектов; – организация и проведение научных исследований; – осуществление государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды); – экологическое просвещение и развитие познавательного туризма; – содействие в подготовке научных кадров и специалистов в области охраны окружающей среды. <p>Особенности режима:</p> <ul style="list-style-type: none"> – могут выделяться участки, на которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы; – пребывание физических лиц, не являющихся работниками федеральных государственных бюджетных учреждений, осуществляющих управление государственными природными заповедниками, должностными лицами федерального органа исполнительной власти, в ведении которого находятся государственные природные заповедники, допускается только при наличии разрешения; – за посещение физическими лицами заповедниками взимается плата.

Продолжение Таблицы 5

<p>Национальные парки</p>	<p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – сохранение природных комплексов, уникальных и эталонных природных участков и объектов; – сохранение историко-культурных объектов; – экологическое просвещение населения; – создание условий для регулируемого туризма и отдыха; – осуществление научной (научно-исследовательской) деятельности в области охраны окружающей среды в целях разработки мероприятий по сохранению и развитию природного потенциала и рекреационного потенциала Российской Федерации; – осуществление государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды); – восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов. <p>Особенности режима:</p> <ul style="list-style-type: none"> – выделяются рекреационные зоны, которые предназначены для обеспечения и осуществления рекреационной деятельности, развития физической культуры и спорта, а также размещения объектов туристской индустрии, музеев и информационных центров; – выделяются зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, которая предназначена для сохранения указанных объектов и в границах которой допускается осуществление необходимой для их сохранения деятельности, а также рекреационной деятельности; – пребывание физических лиц на территории национального парка допускается только при наличии разрешения; – за посещение физическими лицами территорий национальных парков (за исключением участков, расположенных в границах населенных пунктов) в целях туризма и отдыха федеральными государственными бюджетными учреждениями, осуществляющими управление национальными парками, взимается плата.
<p>Природные парки</p>	<p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – природные парки являются особо охраняемыми природными территориями регионального значения, в границах которых выделяются зоны, имеющие экологи-

Продолжение Таблицы 5

	<p>ческое, культурное или рекреационное назначение, и соответственно этому устанавливаются запреты и ограничения экономической и иной деятельности.</p> <p>Особенности режима:</p> <ul style="list-style-type: none"> – на территориях природных парков могут быть выделены природоохранные, рекреационные, агрохозяйственные и иные функциональные зоны, включая зоны охраны историко-культурных комплексов и объектов; – конкретные особенности, зонирование и режим каждого природного парка определяются положением об этом природном парке, утверждаемым органами государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области охраны окружающей среды и соответствующими органами местного самоуправления.
<p>Государственные природные заказники</p>	<p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – государственными природными заказниками являются территории (акватории), имеющие особое значение для сохранения или восстановления природных комплексов или их компонентов и поддержания экологического баланса; – задачи и особенности режима особой охраны конкретного государственного природного заказника регионального значения определяются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, принявшими решение о создании этого государственного природного заказника. <p>Особенности режима:</p> <ul style="list-style-type: none"> – объявление территории государственным природным заказником допускается как с изъятием, так и без изъятия у пользователей, владельцев и собственников земельных участков; – собственники, владельцы и пользователи земельных участков, которые расположены в границах государственных природных заказников, обязаны соблюдать установленный в государственных природных заказниках режим особой охраны и несут за его нарушение административную, уголовную и иную установленную законом ответственность.

Продолжение Таблицы 5

<p>Памятники природы</p>	<p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – памятники природы - уникальные, невозполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношениях природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения. <p>Особенности режима:</p> <ul style="list-style-type: none"> – на территориях, на которых находятся памятники природы, и в границах их охранных зон запрещается всякая деятельность, влекущая за собой нарушение сохранности памятников природы; – собственники, владельцы и пользователи земельных участков, на которых находятся памятники природы, принимают на себя обязательства по обеспечению режима особой охраны памятников природы.
<p>Дендрологические парки и ботанические сады</p>	<p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – задачи, функциональное зонирование и особенности режима особой охраны территории каждого дендрологического парка или ботанического сада определяются положением об этом дендрологическом парке или ботаническом саде. <p>Особенности режима:</p> <ul style="list-style-type: none"> – на территориях дендрологических парков и ботанических садов запрещается всякая деятельность, не связанная с выполнением их задач и влекущая за собой нарушение сохранности флористических объектов; – территории дендрологических парков и ботанических садов могут быть разделены на различные функциональные зоны, в том числе: <ul style="list-style-type: none"> • экспозиционную, посещение которой разрешается в порядке, определенном соответствующими органами и учреждениями, осуществляющими управление дендрологическими парками или ботаническими садами; • научно-экспериментальную, доступ в которую имеют только научные сотрудники дендрологических парков или ботанических садов, а также специалисты других научно-исследовательских учреждений; • административную.

В параграфе 2.1 были описаны элементы региональной рекреационной системы, один из которых представлен рекреационными ресурсами, которые являются основой для развития рекреационной деятельности. В свою очередь ООПТ относятся к природно-антропогенным рекреационным ресурсам и вступают в сложившуюся систему субъект-объектных отношений. Так федеральные и региональные ООПТ выступают в качестве объектов управления федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти. Кроме этого, администрации ООПТ как поставщики рекреационных услуг развивают отношения с элементами рекреационной инфраструктуры, например, с такими, как туристские компании, службы бронирования, предприятия питания и торговли. При этом степень интеграции ООПТ в процессы экономического развития территорий зависит от природоохранного статуса и модели взаимодействия с элементами региональной рекреационной системы.

Не теряя общности рассуждений, рассмотрение роли и места ООПТ в развитии региональной рекреационной системы можно произвести на примере конкретного субъекта Российской Федерации при условии, что он отвечает признаку модельности, т. е. в нем заметны проявления влияния всех описанных в главе 1 факторов формирования пространственной организации экономических систем на базовые подсистемы, в том числе на рекреационную подсистему. Исходя из целей представленной работы, в качестве такого модельного региона может быть выбрана Республика Карелия – с учетом того, что в этом регионе фактор приграничного положения значительное влияние оказывает именно на характер развития рекреационной деятельности в силу следующих обстоятельств:

– экономико-географическое положение региона отличается близостью к крупным российским субъектам (Москва и Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области) и зарубежным странам-соседям (Финляндия) с высоким потенциалом потребительского рынка, в частности его сектора, ориентированного на природные рекреационные услуги;

– практика соседней Финляндии, которая обладает схожими природно-климатическими характеристиками, демонстрирует высокий устойчивый спрос (более чем в 3,5 раза по сравнению с Республикой Карелия) на реализуемые на территории ООПТ услуги, что может быть, с одной стороны, источником перераспределения спроса, с другой – подтверждением актуальности этого направления регионального развития;

– на территории региона сформировалась сеть ООПТ различного уровня, которые показывают как успешные примеры развития рекреационной деятельности, так и неэффективные модели, которые, вместе с тем, обладают значительным потенциалом (Таблица 6);

– на территории региона существует особая форма ООПТ международный заповедник «Дружба», который может выступать в качестве основы формирования трансграничного района с рекреационной специализацией.

Таблица 6 Динамика посещений некоторых ООПТ в Республике Карелия

ООПТ	Заповедник «Кижы»	Заповедник «Кивач»	Национальный парк «Водлозерский»	Национальный парк «Паанаярви»
Динамика потока посетителей (2010-2018 гг.)	↑32%	↑ 87%	↑ в 3,9 раза	↑ 53%
Доля в совокупном числе посетителей рекреационных объектов в Республике Карелия, 2010г.	40%	18%	< 1%	1%
Доля в совокупном числе посетителей рекреационных объектов в Республике Карелия, 2018г.	25%	16%	1%	1%

При этом особенности социально-экономических состояния Карелии вносят свои коррективы в тенденции развития региональной рекреационной

системы. В качестве основной из таких особенностей следует упомянуть высокую концентрацию в регионе монопрофильных поселений с одним из двух видов деятельности – добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства¹⁷². В Карелии 11 моногородов, входящих в перечень Минэкономразвития России, в том числе в 6 из 16 муниципальных районов административные центры – моногорода. Решение проблемы диверсификации может быть связано с развитием рекреации как альтернативного вида использования природных и культурных ресурсов территории, которые здесь выступают в качестве факторов производства. Однако, по данным Карелиястата, с 2005 по 2019 гг. численность населения республики сократилась более, чем на 10 процентов¹⁷³, и, таким образом, количество потенциальных рекреантов из числа местных жителей уменьшилось в такой же пропорции.

В этих условиях именно приграничное положение создает определенные дополнительные возможности и стимулы для развития региональной рекреационной системы и, в первую очередь, за счет экспорта рекреационных услуг странам-соседям, то есть путём привлечения рекреантов из этих сопредельных стран. Во-вторых, дополнительные возможности развития рекреационных услуг создаются за счет расширения доступного рекреационного потенциала именно тех природных объектов, которые долгое время были изъяты из природопользования в связи с пограничными режимами. В настоящее время, несмотря на то, что 9 из 16 муниципальных образований Карелии Указом Президента Российской Федерации от 9 января 2011 года №26 включены в перечень приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, возможности посещения находящихся в этих муниципальных образованиях рекреационных объектов возросли. Более того, сегодня такие объекты могут выступать как

¹⁷² Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 09.01.2019).

¹⁷³ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://krl.gks.ru/storage/mediabank/72261\(1\).pdf](https://krl.gks.ru/storage/mediabank/72261(1).pdf) (Дата обращения: -09.01.2019).

основа развития трансграничных районов с рекреационной специализацией, что может сгладить негативные эффекты периферийного положения таких регионов как Карелия. Например, таким образом сформировался Зеленый пояс Фенноскандии, который представляет собой сеть приграничных ООПТ вдоль границы России, Финляндии и Норвегии.

Другой важной особенностью развития региональной рекреационной системы Карелии является ее весомый и постоянно растущий вклад в социально-экономическое развитие региона в целом. Так, в 2018 г. в отрасли было занято более 3 тыс. человек, причем бóльшая часть из них – в наименее развитых муниципальных образованиях с наибольшим уровнем безработицы. Для сравнения, занятость в других сферах деятельности в Карелии в 2018 г. составляла: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство в целом – 11 тыс. занятых, добыча полезных ископаемых – 7 тыс. занятых, обрабатывающие производства в целом – 29 тыс. занятых, строительство – 20 тыс. занятых. При этом, как уже было отмечено, отрасль демонстрирует устойчивый рост, развивая потенциал создания новых рабочих мест: общий объем рекреационных услуг в 2014 г. составил 1349,2 млн рублей, в 2015 г. – 1440,4 млн рублей, в 2016 г. – 1515,2 млн рублей, в 2017 г. – 2493,2 млн рублей (с учетом включения с 2017 г. в этот показатель услуг санаторно-курортного комплекса), в 2018 г. – 2515,5 млн рублей; доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг за 2018 г. (3027,7 млн рублей без НДС, акцизов и аналогичных платежей) на 18,4 % превысили аналогичный показатель за 2017 г.

Совместный анализ двух описанных особенностей условий и тенденций развития региональной рекреационной системы Карелии позволяет сделать вывод о том, что для Республики Карелия фактор приграничного положения становится едва ли не ключевой стороной (проявлением) одного из базовых экономических факторов – фактора земли, с точки зрения степени влияния на пространственную организацию региональной рекреационной системы и, следовательно, всей региональной экономической системы. Под-

тверждением вывода о повышенной роли фактора приграничного положения как системообразующего для региональной рекреационной системы также стала выполненная в работе оценка влияния рекреационной системы на процессы трансграничного районообразования для участка границы между Республикой Карелия и Финляндией. Приграничные муниципальные образования по обе стороны границы были охарактеризованы по ряду показателей (в том числе связанных с рекреационной деятельностью).

В систему оценки были включены такие показатели, как потоки посетителей (Таблица 7), доля численности гостей из России в средствах размещения по муниципальным образованиям Финляндии, плотность населения, количественные показатели, относящиеся к элементам рекреационной инфраструктуры (количество средств размещения и мест в них, количество предприятий питания, количество туристских компаний, наличие международных пунктов пропуска, годовой поток посетителей).

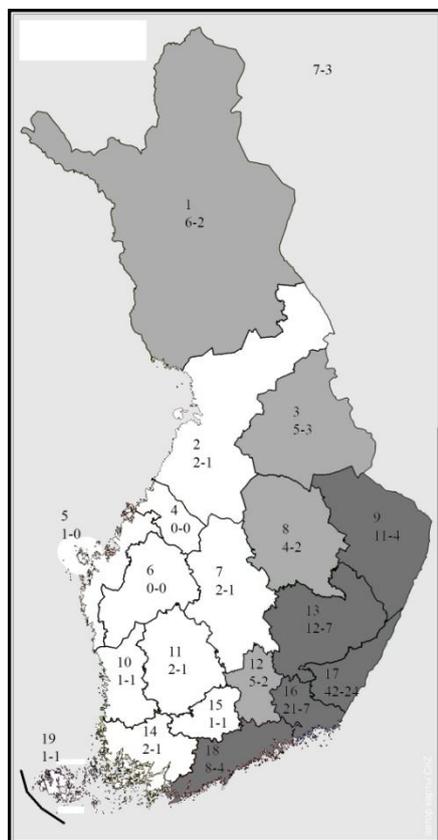
Таблица 7 Данные о количестве пересечений границы из России в Финляндию и из Финляндии в Россию по таможенным постам МАПП Вяртсиля ст. Вярстиля, МАПП Люття, МАПП Суоперя за период с 2010 по 2018 гг.¹⁷⁴.

Количество пересечений границы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Тыс. физ. лиц	1522,8 7	1823,3 1	2101, 85	2220	2178,5 3	2091,5 4	1983,4 1	1719,4 9	1633,0 9

Одним из результатов этой части исследования стало построение пространственной модели динамики доли численности посетителей из России по средствам размещения в муниципалитетах Республики Финляндия за 2012–2018 гг., т. е. за период, характеризующийся зафиксированным ставшим следствием кризиса 2014 г. сокращением доли посетителей из России. Полученная модель позволила достаточно жестко увязать различия параметров

¹⁷⁴ Данные предоставлены Карельской Таможней по запросу, подготовленного автором от имени Института экономики КарНЦ РАН

процесса снижения этой доли в различных муниципалитетах с влиянием границы и со степенью их вовлеченности в приграничные взаимодействия, в первую очередь, в сфере рекреационных услуг, с определенной степенью условности, выраженной через долю российских посетителей в приграничных муниципалитетах (Рисунок 4).

1. Лапландия
2. Северная Остроботния
3. Кайнуу
4. Центральная Остроботния
5. Остроботния
6. Южная Остроботния
7. Центральная Финляндия
8. Северное Саво
9. Северная Карелия
10. Сатакунта
11. Пирканмаа
12. Пяйят-Хяме
13. Южное Саво
14. Варсинайс-Суоми
15. Канта-Хяме
16. Кюменлааксо
17. Южная Карелия
18. Уусима
19. Аландские острова

Рисунок 4 Доля численности гостей из России в средствах размещения в муниципальных образованиях Финляндии, в % от общего числа гостей в 2012 г. и 2018 г.

При этом сравнительный анализ связанных с развитием туристско-рекреационной деятельности характеристик приграничных муниципальных образований в Карелии и в Финляндии (Таблица 8) показывает, что объемы потребления рекреационных услуг в Финляндии значительно превосходят аналогичные показатели по Карелии (за исключением, в определенной степени, Сортавальского района), и при этом граждане России составляют большую часть въездного потока в приграничные районы Финляндии, в то время как иностранные граждане составляют не более 15 процентов от

въездного потока в Карелию (из них 95 процентов приходится на Финляндию). Как уже было сказано ранее, оба этих обстоятельства могут рассматриваться как ресурс развития региональной рекреационной системы Республики Карелия, а построенная автором модель может получить оценки параметров возможного развития за счет привлечения новых рекреантов.

Таблица 8 Характеристики приграничных муниципальных образований в Республике Карелия и в Республике Финляндия

	Плотность населения	Количество средств размещения/количество мест	Количество предприятий питания	Количество туристских компаний ¹⁷⁵	Доля занятых в сфере рекреации	Наличие международных пунктов пропуска	Годовой поток рекреантов (туристов) ¹⁷⁶
Республика Карелия							
Лахденпохский район	6	17/462	8	0	Нет данных	-	10 000
Сортавальский район	15	42/2189+ 12 сезонных детских лагерей	24	4	Нет данных	+	200 000
Суоярвский район	1	5/140	4	0	Нет данных	-	4 000
Муезерский район	0,5	9/74 1 детский лагерь	7	0	Нет данных	-	Нет данных
Костомукшский г.о.	7	17/591	18	1	Нет данных	+	15 000
Калевальский район	0,5	5/188	8	1	Нет данных	-	2 000
Лоухский район	0,5	17/456	12	2	Нет данных	+	20 000

¹⁷⁵ Карелия: Туристский портал: [сайт]. Петрозаводск. URL: <http://www.ticrk.ru/> (дата обращения: 28.02.2019).

¹⁷⁶ Данные туристских паспортов районов

Продолжение Таблицы 8

Финляндия

Северная Карелия	9	51/1497	129	Нет данных	5% ¹⁷⁷	+	270 000 ¹⁷⁸
Кайнуу	3	40/2233	28	Нет данных	5,2%	+	313 000
Северная Остроботния	11	105/4938	250	Нет данных	4,6%	+	923 000

В этом контексте необходимым условием становится инфраструктурная обеспеченность, в том числе и транспортная. В целях оценки транспортно-расселенческой освоенности для приграничной полосы шириной 100 км по обе стороны границы на обследуемом участке автором в рамках разработанной модели был рассчитан коэффициент Гольца, отражающий концентрацию транспортно-расселенческих структур применительно к сетям автомобильных дорог¹⁷⁹ (Таблица 9). Результаты этой оценки демонстрируют, что для карельской приграничной полосы этот показатель значительно ниже – более, чем в полтора раза.

Таблица 9 Уровень транспортно-расселенческой освоенности приграничной территории

	Республика Карелия	Республика Финляндия
Длина транспортных путей (L)	826,6 км	2266,1 км
Площадь территории (S)	79 800 км ²	79 800 км ²
Число населенных пунктов (П)	15 (Лахденпохья, Сортавала, Питкяранта, Ляскеля, Вяртсиля, Соуперя, Найстенъярви, Поросозеро, Суккозеро, Муезерский, Ледозеро, Костомукша, Калевала, Пяозерский, Кестеньга)	47 (Парикалла, Каартиланкоски, Пункахарью, Савонлинна, Ихаманиеми, Хейнониеме, Китее, Липери, Пюхяселькя, Маннерваара, Иломантси, Йоэнсуу, Контиолахти, Кивилахти, Наарва, Коли, Контиоваара, Инари, Лиекса, Юга, Виеки, Нурмес,

¹⁷⁷ VisitFinland.com: официальный туристический сайт. URL: <https://www.visitfinland.com/ru/> (дата обращения: 24.03.2019).

¹⁷⁸ Статистическая служба Республики Финляндия: [сайт]. – URL: https://www.stat.fi/index_en.html (дата обращения: 11.04.2019).

¹⁷⁹ Бакланов П.Я., Новиков А.Н., Новикова М.С. Влияние трансграничности на территориальные структуры Приморского края России и сопредельных территорий // Ученые записки Казанского университета. Серия: естественные науки. 2018. – Т. 160. – С. 162–177.

Продолжение Таблицы 9

		Румо, Лаакаярви, Рийхиваара, Катерма, Кухмо, Каллиойки, Кууму, Кархуваара, Йоккюля, Суомуссалми, Айттоваара, Пуоланка, Суолиярви, Илиняльянка, Пийспаярви, Лехтоваара, Теэриранта, Муртоваара, Тайвалкоски, Кярпянкюля, Куусамо, Пальякка, Перя-Посио, Моуруярви)
Коэффициент Гольца (d) $d = L / \sqrt{S\Pi}$	0,75	1,17

Вместе с тем, очевидно, что инфраструктурная обеспеченность является необходимым, но не достаточным условием эффективного развития взаимодействия сопредельных приграничных регионов. Нельзя не согласиться с мнением академика П.Я. Бакланова о том, что «важнейшим условием эффективного устойчивого развития международной трансграничной территории являются стабильные добрососедские отношения между государствами, их стремление к развитию экономических связей, взаимовыгодному использованию всех составляющих дополнительного потенциала соседних приграничных территорий и акваторий»¹⁸⁰. На данный момент на рассматриваемой территории можно выделить два трансграничных района с рекреационной специализацией: развитый трансграничный район вокруг городов Йозенсуу и Сортавалой, сформировавшийся на основе полиэтнической финно-угорской этноконтактной зоны, и перспективный трансграничный рекреационный район на базе международной российско-финляндской особо охраняемой природной территории – заповедника «Дружба».

С институциональной точки зрения оба эти района относятся к территории образованного в 2000 г. Правительством Республики Карелия, с одной стороны, и тремя коммунами Финляндии (Кайнуу, Северная Карелия и Северная Похьянмаа) с другой стороны, Еврорегиона «Карелия», рассматри-

¹⁸⁰ Бакланов П.Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. – № 3 (61). – С. 19–24.

ваемого в качестве стратегического и политического ресурса для развития трансграничного сотрудничества, в первую очередь, по развитию экономики, охране природы, сохранению и развитию культуры. В 2014 г. Исполком Еврорегиона «Карелия» одобрил стратегический документ «Основные направления деятельности Еврорегиона „Карелия“ до 2020 г.», в котором на основе анализа текущей ситуации были намечены основные направления и методы сотрудничества на период до 2020 г., а также обращено особое внимание на совместно реализуемые проекты. Сотрудничество на территории Еврорегиона «Карелия» наиболее успешно развивается при реализации программ приграничного сотрудничества ЕС.

В основе формирования вернакулярного **трансграничного района Йоэнсуу–Сортавала** лежит общий культурный ландшафт и этнокультурное единство примыкающих к этим приграничным городам территорий, для которых характерна практика активных межэтнических взаимодействий.

Значительный вклад в развитие процессов трансграничного районообразования вносят реализуемые проекты программ приграничного сотрудничества. В рамках этой проектной деятельности на разных этапах реализации получили развитие такие практические формы трансграничной рекреационной деятельности, как:

- разработка ряда трансграничных маршрутов, среди которых трансграничный туристский маршрут «Голубая дорога» Петрозаводск – Медвежьегорск – Пудож – Оутокумпу – Куопио, трансграничный туристский маршрут «Дорога горных промыслов» Петрозаводск – Оутокумпу, трансграничный туристский гастрономический маршрут «Изысканный вкус Карелии» Петрозаводск – Олонец – Сортавала – Тохмаярви – Йоэнсуу и др.;

- создание общего сервиса бронирования средств размещения Wildacha;

- разработка и внедрение автоматизированной системы бронирования и продажи билетов на культурные события;

– разработка общего маркетингового плана для городов Петрозаводск и Йоэнсуу, включающего единый календарь ежегодных туристских событий территорий Северной Карелии и Республики Карелия;

– разработка единой гастрономической карты и мобильного приложения;

– актуализация информации о рекреационных услугах и ресурсах.

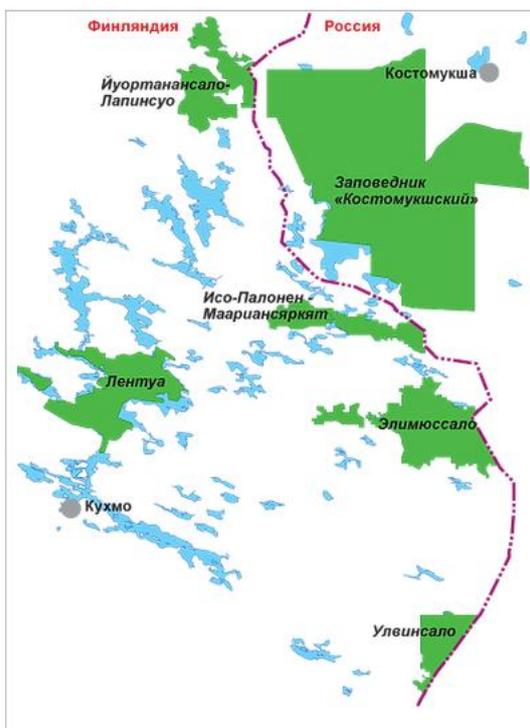
Таким образом, реализация международных проектов в сфере развития рекреации и туризма позволяет дополнять существующие государственные инструменты развития и создавать более эффективную рекреационную систему посредством реализации инициатив заинтересованных сторон различного уровня.

Второй рассматриваемый перспективный **трансграничный район** основан **на базе российско-финляндской особо охраняемой природной территории заповедника «Дружба»**. Переход через границу в 50-х годах из Советского Союза в местечке Элимюссало в Финляндии лесного северного оленя (*Rangifer tarandus fennicus*), исчезнувшего там на многие десятилетия, стал поводом задуматься о необходимости вести совместную трансграничную природоохранную деятельность. Заповедник «Дружба» (Рисунок 5), включающий шесть особо охраняемых природных территорий в России и Финляндии, был основан в 1990 г. на основе соглашения¹⁸¹, подписанного в 1989 г.. В нём были определены цели деятельности заповедника «Дружба» и обозначены основные вопросы, касающиеся его создания и функционирования.

Деятельность международного заповедника «Дружба» ведется на основании этого соглашения и ежегодно заключаемых договоров о сотрудничестве. При этом российская сторона в структуре заповедника представлена только одной ООПТ (заповедник «Костомукшский»). Договор о сотрудничестве включает следующие сферы деятельности:

¹⁸¹ Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Финляндской республики о заповеднике «Дружба» соглашение совет министров СССР 26 октября 1989 г. (Хельсинки, 26 октября 1989 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901863> (дата обращения: 1.12.2019).

- экологическое просвещение;
- издательскую деятельность;
- развитие экологических маршрутов;
- расширение международной деятельности заповедника «Дружба» в рамках Зеленого пояса Фенноскандии;
- развитие сотрудничества, обмен сотрудниками и специалистами.

с российской стороны – заповедник «Костомукшский» – 490 кв. км,

с финской стороны – пять охраняемых природных территорий:

- территория охраны болот Йюортанансало-Лапинсуо – 38 кв. км,
- охраняемая территория Исо-Палонен и Маариансярвят – 36 кв. км,
- охраняемая территория Лентуа – 51 кв. км,
- охраняемая территория Элимюссало – 71 кв. км,
- заповедник «Улвинсало» – 25 кв. км

Рисунок 5 Карта-схема трансграничного международного заповедника «Дружба»

Отличительной особенностью рассматриваемых в работе трансграничных районов можно считать позитивный характер сложившихся здесь взаимодействий. Традиционно трансграничные районы вызывают озабоченность в связи с тем, что могут являться пространствами политической и иной (например, экологической, как на границе с Китаем) напряженности. В данном случае, трансграничные районы стали площадками для настоящего и будущего международного сотрудничества в экономической, культурной, природоохранной и других областях.

В свою очередь, эффективное природопользование предполагает гармонизацию экономических эффектов от хозяйственной деятельности с уси-

лиями по сохранению природно-ресурсного потенциала территорий. Ниже представлены результаты исследования, ранее опубликованные автором. Практическая задача расчета рекреационной емкости территории, которая определяется свойствами объектов, позволит вычислить безопасное для природоохранной территории количество потребителей рекреационных услуг. Расчет рекреационной емкости природных объектов помогает управлять использованием ресурсов и определять потребности в инфраструктурном развитии системы. Показатели рекреационной емкости отражают количественно выраженную способность объекта обеспечить психо-физиологический комфорт человека во время отдыха, связанный с широким спектром видов рекреационных занятий (экскурсиями, развлечениями, рыбной ловлей, сбором грибов и ягод) и минимизацией экологического ущерба для территории.

Подходы к определению рекреационной емкости определяются свойствами самих объектов. Значительную группу отечественных исследований объединяет идея учета демографической емкости территории как показателя оптимальной численности посетителей^{182,183}. Так, профессор В.М. Разумовский рассматривает рекреационную емкость как ограничивающий использование рекреационного потенциала фактор, учитывая при этом экономические и экологические показатели^{184,185}. Известны различные другие подходы к нормированию пропускной способности различных видов рекреационных ресурсов¹⁸⁶. Например, несмотря на более чем 30-тилетний срок давности, специалистами до сих пор используется инструментарий, предложенный утвержденной в 1987 г. Государственным комитетом СССР по лесному хозяйству «Временной методикой определения рекреационных нагрузок на при-

¹⁸² Рянский Ф.Н. К разработке концепции сбалансированного эколого-экономического развития региона // Региональные проблемы. 1995. – № 1–2. – С. 67–71.

¹⁸³ Петрова Е.Г. Демографическая емкость территории субъектов РФ при экологически устойчивом типе природопользования // Вестник МГУ. 1997. – № 5. – С. 32–33.

¹⁸⁴ Разумовский В. М. Природопользование. СПб., 2003. 291 с.

¹⁸⁵ Экология и природопользование: Учебное пособие / Министерство образования и науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; под ред. В.М. Разумовского. СПб., 2011. 167 с.

¹⁸⁶ Боголюбова С.А. Эколого-экономическая оценка рекреационных ресурсов: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2009.

родные комплексы при организации туризма, экскурсий, массового повседневного отдыха и временные нормы этих нагрузок»¹⁸⁷.

При этом стоит отметить, что в отечественной практике имеется альтернативный взгляд на проблему определения емкости или пропускной способности территории, который не связан с количественными оценками. В рамках этого подхода осуществляются попытки обеспечить процесс соблюдения предельно допустимого воздействия на рекреационный объект за счет формирования системы адекватных управленческих задач рекреационного менеджмента. Этот подход достаточно близок к превалирующему взгляду зарубежных специалистов на эту проблематику. Так, группа исследователей говорит о том, что в Китае наблюдаются такие проблемы в области природоохранной деятельности, как неадекватная система управления ООПТ различного ранга, в том числе отсутствие полного их перечня, несоответствие количественного и пространственного распространения сети ООПТ целям сохранения биоразнообразия, конфликты между региональными и национальными целями развития экологического туризма на ООПТ, основой для которых часто становится именно превышение рекреационных нагрузок. В работе приводится пример национального парка «Цзючжайгоу», где в результате активного развития рекреационной деятельности сократилась популяция панд, ради сохранения которой национальный парк и создавался. Вместе с тем численность панд на других прилегающих территориях (без природоохранного режима) возросла, что стало основанием для вывода о необходимости институционального определения подходов к определению рекреационной емкости объектов сети ООПТ¹⁸⁸.

Несколько более конкретный характер имеет исследование испанских специалистов, в работе которых представлена методика оценки потоков посетителей ООПТ и нормирования этих потоков. Основой этой методики ста-

¹⁸⁷ Временная методика определения рекреационных нагрузок на природные комплексы при организации туризма, экскурсий, массового повседневного отдыха и временные нормы нагрузок. М., 1987.

¹⁸⁸ Transforming Protected Area Management in China / Weihua Xu, Stuart L.Pimm, Ao Du [et al.] // Trends in Ecology & Evolution. 2019. – Vol. 7. – P 1–4.

ли результаты факторного анализа, в рамках которого рассматривались 18 показателей, классифицированных по трем измерениям: информация, инфраструктура и услуги, предоставляемые в ООПТ. По мнению авторов, разработанный инструментарий, несмотря на использование наряду с измеряемыми физическими показателями, результатов обработки качественных оценок экспертов, поможет в совершенствовании рекреационной деятельности ООПТ¹⁸⁹.

Близкий подход, но ориентированный на использование современных технологических возможностей анализа больших массивов данных для геотегов, вошедших позже в обзорную работу по проблематике применения big data технологий для оптимизации развития рекреационного туризма в ООПТ¹⁹⁰, был использован международной группой специалистов при осуществлении исследования, представляющего наибольший интерес с точки зрения настоящей диссертационной работы, так как объектом исследования стала входящая в описанный ранее Зеленый пояс Фенноскандии (ЗПФ) приграничная ООПТ – заповедник «Костомукшский», а одним из предметов исследования – факторы, влияющие на пространственную организацию этого элемента региональной рекреационной системы Карелии¹⁹¹. Исследование помогло выявить пространственные закономерности посещения пилотной территории за десятилетний период, по результатам которых были откорректированы нормативы рекреационных нагрузок на отдельные природные объекты и пилотную территорию в целом.

Основанный в 1983 г. заповедник «Костомукшский» является единственной российской ООПТ в структуре международного трансграничного российско-финляндского заповедника «Дружба», куда он вошел в 1991 г. вместе с финским природным парком «Кухмо». Первоначально «Дружбу»

¹⁸⁹ A co-designed method to guide decision-making in protected area visitor centres / R.A. Moreno-Llorcaa, V.J. García-Moralesb, J.F. Lloréns-Montesb [et al.] // Journal of Environmental Management. 2019. – Vol. 233. – P. 586–594.

¹⁹⁰ Quantifying nature-based tourism in protected areas in developing countries by using social big data / Y. Kim, C. Kim, D.K. Lee, H. Lee, R.T. Andrada // Tourism Management. 2019. – Vol. 72. – P. 249–256.

¹⁹¹ К определению границ Зеленого пояса Фенноскандии / А.М. Крышень, А.Ф. Титов, Р. Хейкиля [и др.] // Труды КарНЦ РАН. 2013. – № 2. – С. 92–96.

рассматривали как совокупность не связанных между собой ООПТ разного статуса, но на современном этапе подходы к территории ЗПФ и управлению ее развитием меняются. Так, представление о том, что ЗПФ – это сеть не связанных между собой ООПТ, сменилось идеей, что данную территорию следует рассматривать как единое эколого-экономическое пространство, что позволяет полнее и эффективнее использовать ее природные ресурсы и рекреационный потенциал для устойчивого развития. На основе предложенного расчета разработаны рекомендации по совершенствованию и дальнейшему развитию рекреационной деятельности на территории заповедника.

На территории заповедника «Костомукшский» действуют самые строгие ограничения, соответствующие режиму охраны природы¹⁹², а, кроме того, эти ограничения усиливаются ограничениями, вытекающими из действующего пограничного режима. Несмотря на это, в заповеднике ведется активная природоохранная, научно-исследовательская, эколого-просветительская деятельность и развиваются рекреационные услуги.

Общая площадь заповедника «Костомукшский» составляет 47,5 тыс. га, из них 36,5 тыс. га (77%) занимает сухопутная часть (в том числе, под лесами – 30,7 тыс. га, болотами – 5,5 тыс. га, лугами, дорогами и прочим – 0,4 тыс. га), и 10,9 тыс. га (23% территории заповедника) – водоемы. Исходя из нормативных показателей, установленных Лесным кодексом Российской Федерации, единовременная емкость сосновых и хвойных лесов (а в заповеднике доминируют леса с преобладанием сосны – 83,7% и ели –16,0%), составляет 0,5–2 человека на гектар. С точки зрения психофизического комфорта, необходимого для получения рекреационного эффекта, этот показатель не должен превышать 0,5–1 человека на гектар. Таким образом, потенциальная единовременная рекреационная емкость заповедника – 24–48 тыс. человек. Результатом исследования функционального зонирования территории заповедника стало выделение трех экскурсионных зон площадью 550,3 га (что составляет

¹⁹² Законы. Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 10.09.2019).

1,16% от общей территории) с единовременной рекреационной емкостью – 275–550 человек (Рисунок 6).

Рисунок 6 Функциональное зонирование территории заповедника «Костомукшский»¹⁹³

Используя эти результаты международного исследования, автор, совместно с доцентом В.С. Плотниковой выполнила оценку эффективности использования рекреационного потенциала рассматриваемой ООПТ. Зная единовременную рекреационную емкость и среднюю продолжительность посещения, была определена годовая рекреационная емкость по формуле (1).

$$P_{\text{гд}} = P_{\text{дн}} \times T, \text{ где} \quad (1)$$

$P_{\text{дн}}$ – рекреационная емкость территории за один рабочий день,

T – учетный период (равен среднему числу рабочих дней в году – 248 дней (среднее значение за период с 2009 по 2018 гг.),

Рекреационная емкость территории за один рабочий день определяется по формуле (2).

$$P_{\text{дн}} = \frac{t_y}{t_m} \times P_{\text{ед}}, \text{ где} \quad (2)$$

t_y – время учетного периода (8 ч.),

¹⁹³ Отчет по оценке и инвентаризации природных и рекреационных ресурсов пилотной ООПТ «Государственный природный заповедник Костомукшский» // Интеллектуальное управление природными ресурсами Зелёного пояса Финноскандии: [сайт]. URL: <http://intellgreenbelt.krc.karelia.ru/section.php?id=25>. – Дата публикации: 3 декабря 2014.

t_m – средняя продолжительность маршрута (4,5 ч.),

$P_{ед}$ – нормативное значение единовременной рекреационной емкости, определяемое исходя из площади.

В результате выполненных расчетов были определены рекреационная емкость ООПТ (экскурсионных зон) за один рабочий день (467–935 чел.) и за один год (115 816–232 815 чел.). Реальная посещаемость оказались несоизмеримо ниже – в 2017 г., например, по экологическим тропам заповедника прошли всего 620 туристов¹⁹⁴, т. е. потенциальная рекреационная емкость была использована на 0,4%, что указывает на недостаточную эффективность развития рекреационной деятельности в заповеднике на настоящем этапе, в том числе, на несовершенство нормативных параметров экологических маршрутов и низкую степень обеспеченности самих экскурсионных зон экологическими маршрутами с разными параметрами.

Для того чтобы убедиться в этом, можно использовать следующие расчеты – общая протяженность разработанных и организованных маршрутов в экскурсионных зонах – 22,5 км («Тропа коробейников» – 2 км, «Поход на Мунаки» – 6 км, «По рунопевческим местам и старым поселениям озера Каменного» – 12 км, «Поход на Царь-порог» – 2,5 км), и, с учетом того, что в рекреационных целях используется полоса шириной 1 м, используемая в рекреационных целях расчетная площадь составляет 22 500 м², или 2,25 га. Таким образом, дневная рекреационная емкость, рассчитанная исходя из параметров существующих маршрутов, составит 2–4 человека, а годовая – 550–990 человек, что вполне коррелирует с данными о реальном посещении ООПТ рекреантами¹⁹⁵.

Полученные результаты позволяют сделать очень важный вывод, имеющий всеобщее значение: при организации рекреационной деятельности,

¹⁹⁴ Заповедные тропы: [сайт]. URL:

https://docs.wixstatic.com/ugd/39faab_4b4a0cd364e148ddbd95b9041d26394e.pdf (дата обращения: 02.12.2019).

¹⁹⁵ Васильева А.В., Плотникова В.С. Рекреационная емкость как организационно-экономический инструмент развития экологического туризма на особо охраняемой природной территории // Экономические отношения. 2019. – Т. 9, № 3. – С. 2191–2202.

разрешенной в ООПТ соответствующего типа, необходимо исходить как из рекреационной емкости всей ООПТ, так и рекреационной ёмкости каждого из существующих или проектируемых туристско-рекреационных маршрутов. Нельзя допускать планирование финансово-хозяйственной деятельности администрации ООПТ с параметрами, достижение которых невозможно без превышения предельно допустимых показателей рекреационной емкости ООПТ, рассчитанной, исходя из рекреационной емкости ее маршрутной сети.

Второй вывод имеет прикладное значение для развития региональной рекреационной системы Карелии¹⁹⁶ – сегодняшняя посещаемость ООПТ, как элементов рекреационной системы, соответствует их актуальной рекреационной емкости, определенной как совокупность рекреационной емкости их маршрутных сетей, и, в случае наличия цели увеличения роли и места региональной рекреационной системы Карелии в социально-экономическом развитии региона, необходимо решать двуединую задачу – с одной стороны, развивать экскурсионные зоны в ООПТ и маршрутную сеть в них, повышая их совокупную рекреационную емкость, а, с другой стороны, увеличивать численность привлекаемых рекреантов. При этом, по оценкам экспертов Агентства стратегических инициатив, несмотря на то, что около 40% граждан России проживают в непосредственной близости от ООПТ, по статистике только один из 12 человек посетил ООПТ за последние 3 года. Исходя из недостаточной на сегодняшний день востребованности российскими гражданами рекреационных услуг, предоставляемых в ООПТ, приграничное положение многих карельских ООПТ может стать серьезным подспорьем для привлечения дополнительных рекреантов из числа жителей Финляндии, где спрос на такие услуги значительно выше.

В этой связи необходимо отметить, что в Карелии реализуется развитая система мер поддержки развития региональной рекреационной системы как в

¹⁹⁶ Впрочем, с учетом того, что потенциал ООПТ для развития рекреационной деятельности оценивается как значительный не только для Карелии, но и для других российских регионов (в настоящее время общая площадь ООПТ различных типов в России составляет 11,4% площади страны), в том числе, для приграничных, последний вывод может иметь и более широкое значение.

формате крупных проектов, так и для малого и среднего бизнеса. Так, при федеральной поддержке был реализован пилотный проект по созданию туристско-рекреационного кластера «Южная Карелия», представляющего собой сеть из пяти взаимосвязанных центров предпринимательской активности на территориях четырех муниципальных районов Республики Карелия, создано 49 объектов рекреационной и 4 объекта обеспечивающей инфраструктуры. С начала осуществления проекта, за период 2016–2018 гг. из бюджета было выделено более 370 млн рублей. Принципиально важно обеспечить наиболее рациональное использование выделяемых средств таким образом, чтобы получить максимальный синергетический эффект от их вложения в развитие региональной рекреационной системы.

Таким образом, подводя итог этой части выполненного исследования, можно сделать вывод о том, что ООПТ являются специфическими элементами региональной рекреационной системы, обладающими следующими особенностями:

1. ООПТ, в отличие от других элементов региональной рекреационной системы, являются системообразующими элементами другой подсистемы региональной экономической системы – окружающей среды, в связи с чем основное нормативное регулирование и принятие основных управленческих решений осуществляется в рамках именно этой подсистемы. В рамках региональной рекреационной системы РЭС происходит формирование предложений и информации для принятия таких решений, а также организация их реализации в соответствующей части.

2. В отличие от других элементов региональной рекреационной системы, возможность использования ООПТ ограничена нормативами и регламентами, устанавливаемыми индивидуально для каждой ООПТ, исходя из типа ООПТ, ее рекреационной емкости и других характеристик, определяющих ее природоохранную ценность и назначение.

3. ООПТ, в отличие от других элементов региональной рекреационной системы, являются объектами живой природы, в связи с чем, наряду с норма-

тивным управлением, при осуществлении использования и развития ООПТ должны применяться подходы процессного управления, в соответствии с которыми все задачи и все функции управления рассматриваются не отдельно друг от друга, а исключительно с позиции эффективности единого процесса управления по достижению единой цели по обеспечению устойчивого развития региона в целом и его рекреационной системы в частности. В том числе для обеспечения устойчивости развития целесообразно применять предложенный автором методический подход к оценке рекреационной емкости ООПТ, рассчитываемой, исходя из рекреационной емкости ее маршрутной сети, а не из общей площади территории ООПТ, а также использовать такой инструмент процессного подхода, как гармонизация процессов развития экскурсионных зоны в ООПТ и маршрутных сетей в них расширения целевых групп и общей численности привлекаемых в ООПТ рекреантов.

2.4. Методические основы формирования пространственной организации региональной рекреационной системы

Ранее в пункте 2.1.3 было приведено описание состава управляющей подсистемы региональной рекреационной системы и тех функций, за исполнение которых отвечает каждый из субъектов управления, входящих в эту подсистему. При этом выполненный в параграфах 2.2 и 2.3 анализ механизмов влияния основных факторов на функционирование и трансформацию региональных рекреационных систем и их ключевых элементов продемонстрировал, что на практике такое функционирование и трансформации происходят под воздействием нескольких одновременно действующих факторов, на параметры влияния каждого из которых оказывают, в свою очередь, управляющее воздействие разные субъекты управления. Соответственно, в целях обеспечения максимальной эффективности функционирования всего управляющего модуля необходимо гармонизировать деятельность всех субъектов управления, что можно сделать, алгоритмизировав процессы управления. Особое значение такая алгоритмизация имеет для процесса формирования и трансформации пространственной организации региональной рекреационной системы, так как, с одной стороны, именно в этом процессе задействовано максимальное количество субъектов управления, а, с другой стороны, именно пространственные аспекты организации региональной рекреационной системы оказывают являются наиболее чувствительными при осуществлении взаимодействия этой системы с другими подсистемами региональной экономической системы.

Предваряя обсуждение предлагаемой методики, базирующейся на четырехэтапном алгоритме процесса управления пространственной организацией региональной рекреационной системы, необходимо отметить, что, безусловно, вычленение именно этого процесса из общей подсистемы управления развитием региональной рекреационной системы не является методологически абсолютно корректным, так как, например, результаты оценки эф-

фективности или неэффективности размещения конкретного объекта с конкретными характеристиками на конкретной территории могут существенным образом зависеть от общеэкономических аспектов, принятие решения по которым напрямую не связано с вопросами пространственной организации, хотя и входит в компетенцию управляющего модуля региональной рекреационной системы – например, по вопросам налогообложения предприятий и организаций туристско-рекреационного сектора, установления ставок арендной платы при аренде земельных участков, лесных участков, другого имущества, используемого в туристско-рекреационной деятельности и т.п.

Однако методическую корректность можно соблюсти, если в алгоритме процесса управления пространственной организацией региональной рекреационной системы учесть в качестве внешних переменных, влияющих на вырабатываемые управленческие решения, те параметры, решения по которым принимаются в рамках других управленческих процессов, реализуемых в рамках деятельности управляющего модуля, в том числе, субъектами управления, не участвующими в выработке управленческих решений ни по одному из аспектов пространственной организацией региональной рекреационной системы.

С учетом сделанной оговорки, в остальном схема алгоритма процесса управления пространственной организацией региональной рекреационной системы максимально близка к классической схеме, включающей идентификацию объекта управления, его текущего состояния и проблем развития, постановку целей и задач управления, выработку механизмов и мер, нацеленных на решение этих задач, организацию реализации этих мер и механизмов и последующий мониторинг, необходимый для оценки эффективности всего процесса управления.

Вместе с тем, выявленные ранее особенности пространственной организации региональной рекреационной системы как объекта управления и специфика некоторых ее элементов позволили автору конкретизировать со-

держание отдельных операций в рамках каждого из этапов описанного алгоритма.

На **первом этапе** проводится идентификация объекта управления через оценку текущего состояния и определение проблем развития. Предложенная автором комплексная оценка региональной рекреационной системы состоит из четырех содержательных блоков. Проработка этих блоков позволит осуществить полный охват всех возможных характеристик. Первый блок подразумевает *инвентаризацию рекреационных ресурсов*, которая предполагает оценку выделенных ранее, в параграфе 2.1, групп рекреационных ресурсов региональной рекреационной системы, включающих в себя ландшафт, водные ресурсы, растительный покров (природные ресурсы, условия и явления), охотничьи угодья и ООПТ (природно-антропогенные), аквапарки, стадионы, музеи и другие антропогенные ресурсы, культурные объекты, памятники и исторические местности (социально-исторические ресурсы). При этом важным критерием включения объектов в состав рекреационной системы является экономическая доступность этих элементов, предполагающая как их физическую доступность, лимитируемую недостаточностью необходимой инфраструктуры или предельной рекреационной емкостью, так и экономическую целесообразность вовлечения их в оборот в рамках туристско-рекреационной деятельности.

Второй содержательный блок включает оценку деятельности субъектов, представляющих *рекреационную инфраструктуру*. Эта оценка проводится на основе результатов полного учета туристских компаний и средств размещения, в контексте их пространственной организации в рамках региона, с последующей оценкой соответствия фактического коэффициента использования этих объектов и их емкости. Как уже было выявлено ранее, пространственное распределение других элементов рекреационной инфраструктуры (транспортных организаций, предприятий питания, служб бронирования и аренды транспорта и других) чаще всего является производной от распределения средств размещения, однако для оценки состояния региональной рек-

реакционной системы необходимо убедиться в том, что эта закономерность в достаточной мере реализуется на практике. Инвентаризация инфраструктурных элементов помогает выявить потребности рекреантов и оптимизировать рекреационные нагрузки. Особое внимание при этом необходимо уделить приграничным территориям, на которых действуют определенные ограничения, результатом чего могут стать исключение значительных площадей из рекреационной и хозяйственной деятельности, а также возникновение недостаточной обеспеченности соответствующих территорий полным комплексом рекреационной инфраструктуры. Для оценки влияния рекреационной системы на социально-экономическое развитие различных территорий в пределах региона, в рамках этого блока также имеет смысл уточнить вклад ее инфраструктурных объектов в формирование занятости местного населения и платежей в бюджетную систему.

Третий блок предполагает проведение анализа *показателей рекреационной деятельности* в регионе. Описанные ранее в настоящей главе выполненные автором исследования позволяет выделить в качестве наиболее значимых, в своей совокупности наиболее адекватно отражающих эффективность функционирования региональной рекреационной системы, следующие составляющие анализа:

- распределение оборота по рекреационным видам деятельности;
- анализ и оценка динамики потоков посетителей;
- определение баланса потоков рекреантов;
- мониторинг развития рекреационной деятельности по основным показателям.

Такой подход позволит увидеть реальные результаты и степень вовлеченности как элементов рекреационных ресурсов, так и рекреационной инфраструктуры в экономические процессы, протекающие в региональной рекреационной системе.

На основе результатов реализации первых трех блоков возникает возможность завершить первый этап управления формированием простран-

венной организации региональной рекреационной системы ее *комплексной оценкой*. Этот блок, помимо прочего, должен выявить диспропорции, в том числе, и пространственные развития региональной рекреационной системы, недостаточно эффективные функциональные и пространственные связи и зависимости.

Для проведения мероприятий **второго этапа** необходимо учитывать результаты первого. Этот этап связан с постановкой целей и задач развития региональной рекреационной системы, выявлением наиболее перспективных направлений развития. Естественно, что процесс выработки целей и задач, ориентированных на преодоление проблем и диспропорций развития региональной рекреационной системы, выявленных на первом этапе, сопряжен с оценкой факторов, способных повлиять на это развитие, и параметров этого влияния.

Исходя из классических подходов к определению экономических факторов и учитывая цели и задачи настоящей работы, такие факторы, как *труд, знания и предпринимательская способность* учитываются при выполнении предусмотренного на этом этапе анализа без дополнительного разукрупнения, а факторы *земля и капитал* – в дезагрегированном виде с выделением в качестве имеющих особое значение именно для развития региональных рекреационных систем, как это было обосновано в главе 1, из первого – природно-ресурсного фактора, экологического фактора, климатического фактора и фактора приграничного положения, а из второго – финансового капитала и инфраструктурного фактора.

Сформированные с учетом влияния выявленных факторов, характеризующихся определенными параметрами, и имеющих ограничения нормативного и/или процессного характера, цели развития региональной рекреационной системы, в свою очередь, дополняются задачами целевого характера. Общая ориентация на возрастающий экономический эффект региональной экономической системы может быть связана с решением задачи увеличения рыночного ассортимента рекреационных услуг. Это приводит к утверждению

в качестве задачи следующего уровня обеспечение необходимого доступа к рекреационным объектам. Внутри рекреационной системы формируются определенные функциональные связи. Кроме внутренних, выделяются и внешние контакты с другими региональными экономическими системами. В приведенном примере рекреационная инфраструктура может рассматриваться как инструмент управления потоками потребителей рекреационных услуг и соответственно антропогенными нагрузками на элементы рекреационных ресурсов.

Совместный анализ присущих большинству региональных рекреационных систем (и таких их специфических системообразующих элементов, как, например, ООПТ) основных проблем, обуславливающих недостаточную эффективность их функционирования, и базовых субъект-объектных отношений в региональной рекреационной системы приводит к выводу о целесообразности группирования в рамках процессного управления задач развития региональных рекреационных систем в следующие направления инновационного развития:

- создание новых продуктов (в том числе трансграничных);
- освоение новых рынков рекреационных услуг;
- внедрение новых организационно-управленческих технологий и технологических решений;
- применение новых финансовых инструментов развития.

Выделение основных ориентированных на достижение поставленных целей направлений инновационного развития региональной рекреационной системы призвано обеспечить максимально эффективную выработку механизмов и мер, нацеленных на решение выбранных задач, оставаясь в рамках процессного управления, что и составляет суть **третьего завершающего подготовительного этапа** проектирования. На этом этапе прорабатываются четыре содержательных блока.

Во-первых, необходимо оценить институциональную среду пространственной организации рекреационной деятельности в регионе и, в случае не-

обходимости, изучить возможность ее корректировки в целях снятия *препятствий или ограничений* трансформации пространственной организации региональной рекреационной системы. С учетом того, что в состав региональной рекреационной системы могут входить объекты, в том числе ООПТ различного уровня, может потребоваться принятие решений о корректировке актуального правового поля, также являющегося многоуровневым. На федеральном уровне это поле формируют федеральные законы и изданные в их развитие правовые акты Президента России, Правительства России, иных федеральных органов государственной власти, в том числе – отраслевые схемы территориального планирования Российской Федерации (например, федеральные схемы развития транспорта¹⁹⁷ или энергетической отрасли¹⁹⁸). Региональный и муниципальный уровень представлены обычно документами территориального планирования (схемы размещения объектов инфраструктуры, схемы территориального планирования, схемы поселений), а также региональными целевыми программами развития и муниципальными планами мероприятий по развитию рекреационной деятельности. Кроме того, в отдельных субъектах Российской Федерации и муниципалитетах приняты нормативные акты, регламентирующие возможность и условия заключения соглашений соответственно о государственно-частном или о муниципально-частном партнерстве. С учетом этой многоуровневости системы управления, дополнительно усложняемой многосубъектностью каждого из уровней, на этом шаге, помимо выработки конкретных предложений по внесению изменений в нормативно-правовую базу, необходимо выявить предусмотренные законодательством варианты возможных субъектов соответствующих законодательных или распорядительных инициатив и осуществить выбор оптимального варианта.

¹⁹⁷ Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения (с изменениями на 20 июня 2020 года) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143986/ (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁹⁸ Схема территориального планирования Российской Федерации в области энергетики // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420369441> (дата обращения: 25.06. 2020).

В рамках двух следующих блоков должны быть определены конкретные *параметры развития рекреационной деятельности* и осуществлен выбор необходимых для их достижения *механизмов и конкретных мер*, которые должны найти отражение в документах стратегического планирования и градостроительных документах. При этом необходимо обеспечить учет тех ограничений, в отношении которых по результатам предыдущего шага будет сделан вывод о невозможности их снятия или корректировки путем внесения изменений в действующее законодательство.

Этот шаг предполагает анализ действующих стратегий развития пространственного и социально-экономического развития, отдельные отраслевые документы стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Возникает необходимость проверки взаимной согласованности целей, задач, мероприятий и индикаторов и выявления пробелов, противоречий и дублирования. Результаты анализа этих документов позволят сформировать корректный перечень мер и механизмов для решения задач пространственного развития региональной рекреационной системы, которые были определены на предыдущем этапе. Эти задачи связаны с преодолением наиболее значимых барьеров развития рекреационной деятельности, к которым автор, по результатам опроса субъектов рынка туристско-рекреационной деятельности относит:

- барьеры со стороны государства;
- кадровые проблемы;
- недостаточная доступность финансовых ресурсов;
- малоэффективная оценка спроса;
- инфраструктурные проблемы;
- информационное продвижение;
- отсутствие инвестиционных площадок, обеспеченных необходимой инженерной и транспортной инфраструктурой.

На основе всех описанных шагов и с учетом их результатов в рамках последнего блока третьего этапа производится непосредственно *разработка*

пространственной схемы развития региональной рекреационной системы, неотъемлемой частью которой является утверждаемая в её составе пояснительная записка, отражающая результаты выполненного на принципах процессного управления исследования, включающего:

- учет рекреационной емкости и потенциала инфраструктуры;
- разработку подходов проектного планирования и финансирования;
- определение и корректировку направлений пространственной организации;
- обоснование упорядоченных по срокам, параметрам и задействованным ресурсам механизмов и мер, предлагаемых для решения комплекса задач, необходимых для достижения целей трансформации пространственной организации региональной рекреационной системы;
- комплексную оценку возможностей практического внедрения разработанной схемы;
- встраивание в региональные программы и соответствие приоритетам инвестиционной политики в регионе;
- обеспечение информационной и маркетинговой поддержки проектов, реализуемых в сфере рекреационной деятельности.

Утверждение пространственной схемы развития региональной рекреационной системы (схемы пространственной организации региональной рекреационной системы) может происходить в формате самостоятельного документа или в составе программного документа, охватывающего и другие аспекты развития региональной рекреационной системы, такие, например, как упоминавшиеся ранее меры государственной поддержки в форме льготного налогообложения предприятий и организаций туристско-рекреационного сектора, установления пониженных ставок арендной платы при аренде земельных участков, лесных участков, другого имущества, используемого в туристско-рекреационной деятельности и т. п.

Независимо от способа авторизации пространственной схемы развития региональной рекреационной системы, ее утверждение завершает являю-

щуюся предметом рассмотрения настоящего параграфа стадию проектирования региональной рекреационной системы, и с этого момента процесс управления пространственной организацией региональной рекреационной системы переходит в имплементационную стадию, на которой должна быть организована реализация этой схемы и предусмотренных ею мер и механизмов, а также последующий мониторинг, необходимый для оценки эффективности всего процесса управления. Безусловно, с учетом наличия в региональной рекреационной системе специфических элементов и иных отличительных черт, например, особой роли, которую играют отдельные экономические факторы, в том числе фактор приграничного положения, имплементационная стадия реализации её пространственной организации также имеет отличия от классической схемы управления, которые станут предметом самостоятельного исследования, полноценное проведение которого запланировано автором на будущее с учетом особенностей влияния фактора приграничного положения на развитие рекреационных систем регионов, относящимся к разным группам, сформированным по результатам типологизации, выполненной автором по методике, изложенной в следующей главе.

Выводы по главе 2:

Можно сформулировать следующие основные **итоги выполненных в главе 2 исследований:**

1. Результатом анализа и сопоставления подходов разных групп ученых к определению и содержательному наполнению понятий «туризм» и «рекреация» стала возможность сделать несколько значимых для настоящей работы выводов:

- рекреационные занятия являются содержательной основой для развития многих видов туризма;
- отдельные рекреационные занятия не являются туризмом;

– некоторые виды туризма (деловой, шоп-туризм и др.) основаны не на рекреационных занятиях;

– потребителями рекреационных услуг являются как резиденты, так и нерезиденты региональной рекреационной подсистемы;

– понятия туризм и рекреация и производные от них не тождественны, они пересекаются и дополняют друг друга в экономическом измерении.

2. Хотя «профильный» Закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» содержит не только указание на существование самостоятельной туристской деятельности, но и дает ее определение, подзаконный акт – ОКВЭД – не выделяет эту деятельность в качестве отдельного вида; определение рекреационной деятельности в федеральном законодательстве вообще отсутствует и при этом, если одни законы рассматривают достижение рекреационных целей в качестве одного из направлений туризма, то другие исходят из того, что организация туризма является одной из целей осуществления рекреационной деятельности.

3. Обобщая результаты трех выполненных анализов – трансформации сущностных подходов к семантике взаимной связи рекреации и туризма, нормативно-правовых основ формализации рекреационной деятельности и туристской деятельности в их взаимосвязи и трансформации подходов к сущности региональных рекреационных систем, являющихся подсистемами региональных экономических систем, автор обосновал следующее, ориентированное на исследование пространственной организацией региональной рекреационной системы и максимально предметное процессное управление ею, определение: **региональная рекреационная система** – устойчиво развивающаяся совокупность региональных экономических факторов (ресурсов), упорядоченных и взаимодействующих в целях максимально эффективного удовлетворения связанных с достижением рекреационных целей потребностей пребывающих на территории региона людей посредством осуществления ими туристской деятельности.

Предложенная трактовка термина региональная рекреационная система содержит ряд принципиально важных аспектов:

– разработанная формулировка снимает вопрос о первичности рекреации или туризма, так как, в случае применения предложенного определения, предметное поле региональной рекреационной системы становится абсолютно зеркальным – обеспечение рекреационной деятельности, реализуемой в формате туризма, или, что то же самое – обеспечение туристской деятельности, осуществляемой в рекреационных целях. При этом обеспечение иных видов рекреационной деятельности, не связанных с туризмом, или которые не являются системообразующими для формирования туристского продукта, а также иных видов туристской деятельности, для которых рекреационные цели не являются превалирующими, остается целью функционирования и развития другой подсистемы региональной экономической системы, а именно – подсистемы третичного сектора, что полностью подтверждает выдвинутую в главе 1 гипотезу о возможности выделения региональной рекреационной системы в качестве самостоятельной подсистемы РЭС;

– одновременно снимается вопрос о физическом (объектном) и функциональном разграничении двух подсистем РЭС – рекреационной и окружающей среды. Региональная рекреационная подсистема включает, наряду с другими, ресурсы и объекты окружающей среды, непосредственно задействованные в процессе осуществления пребывающими на территории региона людьми туристской деятельности, ориентированной на достижение рекреационных целей;

– ссылка на то, что в рамках региональной рекреационной системы формирующие ее региональные экономические факторы (ресурсов) находятся в состоянии упорядоченности и взаимодействуют между собой, является указанием на то, что не только сама региональная рекреационная система, но и отдельные экономические факторы, формирующие ее, функционируют и трансформируются под влиянием управляющего воздействия со стороны

субъектов управления, составляющих управляющую подсистему (модуль) региональной рекреационной системы.

– указание на устойчивый характер развития региональной рекреационной системы предопределяет превалирование принципов устойчивого развития при формировании целей управления региональной рекреационной системой, выборе методов управления, а также видов и параметров управленческих воздействий.

4. Региональная рекреационная система – сложная структура, включающая в себя управляющий и управляемый модули. Эти модули формируются из определенного набора компонентов, между которыми возникают субъект-объектные отношения. При этом между элементами структуры управления возникают как субъект-объектные (федеральные, региональные и муниципальные органы исполнительной власти), так и субъект-субъектные отношения (например, между общественными советами и профильными ассоциациями).

Объектами управления структуры управления выступают сразу две группы объектов: элементы региональной рекреационной инфраструктуры и рекреационные ресурсы. При этом рекреационные ресурсы испытывают на себе влияние со стороны двух групп субъектов: структуры управления и компонентов рекреационной инфраструктуры.

5. ООПТ являются специфическими элементами региональной рекреационной системы, обладающими следующими особенностями:

– ООПТ, в отличие от других элементов региональной рекреационной системы, являются системообразующими элементами другой подсистемы региональной экономической системы – окружающей среды, в связи с чем основное нормативное регулирование и принятие основных управленческих решений осуществляется в рамках именно этой подсистемы. В рамках региональной рекреационной системы РЭС происходит формирование предложений и информации для принятия таких решений, а также организация их реализации в соответствующей части;

– в отличие от других элементов региональной рекреационной системы, возможность использования ООПТ ограничена нормативами и регламентами, устанавливаемыми индивидуально для каждой ООПТ, исходя из типа ООПТ, ее рекреационной емкости и других характеристик, определяющих ее природоохранную ценность и назначение;

– ООПТ, в отличие от других элементов региональной рекреационной системы, являются объектами живой природы, в связи с чем, наряду с нормативным управлением, при осуществлении использования и развития ООПТ должны применяться подходы процессного управления, в соответствии с которыми все задачи и все функции управления рассматриваются не отдельно друг от друга, а исключительно с позиции эффективности единого процесса управления по достижению единой цели по обеспечению устойчивого развития региона в целом и его рекреационной системы в частности.

6. Для обеспечения устойчивости развития целесообразно применять предложенный автором методический подход к оценке рекреационной емкости ООПТ, рассчитываемой, исходя из рекреационной емкости ее маршрутной сети, а не из общей площади территории ООПТ, а также использовать такой инструмент процессного подхода, как гармонизация процессов развития экскурсионных зоны в ООПТ и маршрутных сетей в них расширения целевых групп и общей численности привлекаемых в ООПТ рекреантов.

7. При этом, исходя из недостаточной на сегодняшний день востребованности российскими гражданами рекреационных услуг, предоставляемых в ООПТ, приграничное положение многих расположенных в приграничных регионах ООПТ может стать серьезным подспорьем для привлечения дополнительных рекреантов из числа жителей сопредельных государств – в случае, если в этих государствах спрос на рекреационные услуги выше.

8. Разработку практико-ориентированного научного инструментария в области управления развитием рекреации на региональном уровне целесообразно выполнять на основе результатов базирующейся на совместной обработке учитывающих комплексные представления о региональной рекреаци-

онной системе факторов, в рамках предложенного автором факторного анализа, в качестве объекта которого была выбрана совокупность субъектов Российской Федерации, имеющих сухопутные на материке (в том числе речные и озерные) и морские границы с другими государствами.

Исходя из классических подходов к определению экономических факторов и учитывая цели и задачи настоящей работы, такие факторы, как *труд*, *знания* и *предпринимательская способность* целесообразно рассматривать при выполнении предусмотренного анализа без разукрупнения, а факторы *земля* и *капитал* – в дезагрегированном виде с выделением в качестве имеющих особое значение именно для развития региональных рекреационных систем: из первого – природно-ресурсного фактора, экологического фактора, климатического фактора и фактора приграничного положения, а из второго – финансового капитала и инфраструктурного фактора.

9. В целях обеспечения максимальной эффективности функционирования всего управляющего модуля необходимо гармонизировать деятельность всех субъектов управления, что можно сделать, алгоритмизировав процессы управления. Особое значение такая алгоритмизация имеет для процесса формирования и трансформации пространственной организации региональной рекреационной системы, так как, с одной стороны, именно в этом процессе задействовано максимальное количество субъектов управления, а, с другой стороны, именно пространственные аспекты организации региональной рекреационной системы оказываются наиболее чувствительными при осуществлении взаимодействия этой системы с другими подсистемами региональной экономической системы.

10. Автором разработана методология, включающая базирующуюся на четырехэтапном алгоритме процесса управления пространственной организацией региональной рекреационной системы методику и механизм, позволяющий учитывать в качестве внешних переменных, влияющих на вырабатываемые управленческие решения, те параметры, решения по которым принимаются в рамках других управленческих процессов, реализуемых в рамках

деятельности управляющего модуля, в том числе, субъектами управления, не участвующими в выработке управленческих решений ни по одному из аспектов пространственной организацией региональной рекреационной системы – например, по вопросам налогообложения предприятий и организаций туристско-рекреационного сектора, установления ставок арендной платы при аренде земельных участков, лесных участков, другого имущества, используемого в туристско-рекреационной деятельности, и другим общеэкономическим аспектам, принятие решения по которым напрямую не связано с вопросами пространственной организации, но может оказать существенное влияние на эффективность или неэффективность размещения конкретного объекта с конкретными характеристиками на конкретной территории, т. е. на пространственную организацию всей системы.

11. Реализация разработанной схемы алгоритма процесса управления пространственной организацией региональной рекреационной системы, в остальном максимально близкая к классической схеме, включающей идентификацию объекта управления, его текущего состояния и проблем развития, постановку целей и задач управления, выработку механизмов и мер, нацеленных на решение этих задач, организацию реализации этих мер и механизмов и последующий мониторинг, необходимый для оценки эффективности всего процесса управления, требует конкретизации содержания отдельных операций в рамках каждого из этапов с учетом выявленных ранее особенностей пространственной организации региональной рекреационной системы как объекта управления и специфики некоторых ее элементов, в том числе исходя из особенностей влияния фактора приграничного положения на развитие рекреационных систем.

Глава 3. Разработка экономико-организационного инструментария формирования пространственной организации рекреационной системы приграничных регионов

3.1. Методические основы типологизации регионов по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему

Как было показано в параграфе 1.3, фактор приграничного положения оказывает на региональную экономическую систему и ее подсистемы многокомпонентное влияние, параметры которого могут существенно различаться для регионов, характеризующихся существенными отличиями и особенностями как структуры РЭС, так и состава основных экономических факторов. Многообразие механизмов такого влияния, помноженное на размах межрегиональной дифференциации, кратно увеличивается для региональных рекреационных систем, для которых характерно наличие специфических элементов, таких как, например, ООПТ, и иных отличительных черт. В этих условиях разработка практико-ориентированного инструментария, позволяющего систематизировать и научно осмыслить наиболее значимые аспекты влияния фактора приграничного положения на региональные рекреационные системы, невозможна без выполнения типологизации, учитывающей комплексные представления о регионе.

Типологизация – это одна из форм научного познания, где исследуемые объекты объединяются в группы по каким-либо существенным признакам. Типология регионов может проводиться по разным критериям и основываться на разных показателях, совокупность и способ использования которых должны соответствовать цели типологизации, вытекающей из задач конкретного выполнения исследования. Кроме того, если предполагается использовать результаты типологизации для построения проблемно-ориентированных систем управления региональными экономическими системами, нельзя не согласиться с мнением возглавляемого профессором ИПРЭ РАН С.В. Кузне-

цовым коллектива петербургских ученых, предлагающих уделять внимание не только ранжированию и упорядочению регионов, но и их классификации по характеру типичных проблем и структуризации рейтинговой шкалы на основе «проблемного принципа региональной группировки»¹⁹⁹. При этом, для страны со столь значительными параметрами межрегиональных дифференциаций, которые имеют место в России, особенно значимым является замечание о том, что «типология не должна идти вслед за макроэкономическим взглядом, в соответствии с которым выделяются лидеры (например, регионы – производители большей доли ВВП) и регионы, отстающие от лидеров и практически невидимые в макроэкономическом измерении»²⁰⁰.

Базирующаяся на изложенных подходах типологизация регионов по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему должна исходить из особенностей описанных в предыдущих главах механизмов этого влияния и учитывать накопленный опыт исследований по трем направлениям – по выработке методолого-методических основ типологизации регионов, по типологизации приграничных регионов и по типологизации рекреационных систем. В этом контексте наибольшего внимания заслуживают некоторые научные результаты в области типологизации и исследования неравенства регионов, в первую очередь, российских, опубликованные отечественными специалистами и учитывающие, в той или иной степени, аспекты, связанные с приграничным положением регионов или состояние их рекреационной системы, выполненный автором анализ которых приведен ниже.

В советский период *типологизация регионов* была проведена в рамках разработки районной «сетки» субъектов СССР (Центральный, Центрально-Черноземный, Северный и пр.). При ее составлении был принят географический подход, результаты типологии были направлены на практические цели

¹⁹⁹ Кузнецов С.В., Растова Ю.И., Растов М.А. Рейтинг как мера оценки качества жизни в российских регионах // Экономика региона. 2017. – Т. 13, вып. 1. – С. 137–146.

²⁰⁰ Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона: [монография] / Ю.В. Савельев, О.В. Толстогузов [и др.]; Институт экономики КарНЦ РАН. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. – 490 с.

административных структур страны. Эта типология долгие годы оставалась неизменной, однако, после распада страны усилился исследовательский интерес к типологиям, ориентированным на решение в первую очередь прикладных управленческих задач в новых условиях перехода на рыночные отношения.

В одной из таких наиболее ранних и исчерпывающих для современного периода развития России работ была осуществлена типологизация регионов по трем группам показателей, характеризующим экономический потенциал региона, уровень жизни населения и инвестиционную деятельность в субъекте. Авторы выполнили расчеты и основанную на их результатах многомерную классификацию по указанным выше трем экономическим характеристикам, которые позволили им выделить семь типов регионов Российской Федерации с однородными (либо близкими) значениями показателей, характеризующих экономическую ситуацию и экономическую деятельность в регионе: производственники-потребители, нефтяники-потребители, бедные потребители, богатые инвесторы, бедные инвесторы, шатающиеся, депрессивные. С практической точки зрения стоит привести выводы, которые касаются вопросов межбюджетных отношений и федеральных трансфертов: «Результаты типологизации субъектов Российской Федерации показывают, что наибольшее внимание при анализе межбюджетных отношений между федеральным центром и регионами должно быть уделено двум типам регионов – *бедные потребители* и *депрессивные*. Очевидно, что именно эти два типа субъектов Российской Федерации как по текущему положению, так и по своему потенциалу нуждаются в наибольшей поддержке из федерального бюджета и в перераспределении средств в их пользу. Это позволяет сделать важные выводы для анализа модели распределения финансовой помощи, системы межбюджетных отношений в целом и фискальных стимулов, возникающих в такой системе. Так, можно предположить, например, что для малообеспеченных регионов финансовая помощь выделяется по видоизмененным правилам или

по принципиально другим критериям, эту группу регионов необходимо рассматривать отдельно и анализировать специальным образом».²⁰¹

Необходимо отметить, что идеологической основой для большинства исследований периода рубежа веков являлся ставший уже классическим в зарубежной специальной литературе в области классификаций территорий и городов подход, в наиболее полном и обобщенном виде изложенный профессором университета немецкого Ольденбурга Мартином Хайденрайхом. В работе, посвященной исследованию изменения структуры европейских городов и регионов, по итогам выполненного кластерного анализа автор выделил восемь региональных типов: столичный, полупериферийный и периферийный регионы, специализирующиеся на сфере услуг, центральные, полупериферийные, периферийные и деиндустриализованные промышленные районы и сельскохозяйственные регионы. Также автор сформулировал две основные гипотезы: делокализация более простых, трудоемких видов деятельности в направлении периферии и реструктуризация, которая связана со структурными изменениями в основных промышленных областях, с сохранением маргинального статуса на периферии. Автор пришел к выводу о том, что обе эти гипотезы не могут быть полностью подтверждены результатами исследования, в результате чего можно сделать заключение о том, что признаки конвергенции между ядром и периферическими областями незначительные²⁰².

Стоит упомянуть, что в своих исследованиях М. Хайденрайх опирался на результаты, полученные по ходу проведенного за четверть века до этого профессором китайского происхождения Бен-Цзе Лю (Университет Канзас-Сити) исследования, посвященного комплексной типологии американских городов, в рамках которого автор применил сложную систему обработки статистических данных, по результатам чего была предложена система параметров, условно разделённых на тематические блоки: экономический, политиче-

²⁰¹ Типология российских регионов / Б. Бутс, С. Дробышевский, О. Кочеткова [и др.]. М.: Институт экономики переходного периода, 2002. – 157 с.

²⁰² Heidenreich M. The changing system of European cities and regions // European Planning Studies. 1998. – Vol. 6(3). – P. 315–332.

ский, экологический, социальный, образовательный и здравоохранение. Главной целью исследования было дать количественную оценку качества жизни в городах по более чем 12 переменным, относящимся к этим блокам. На основе анализа были выделены основные группы, выполнен описательный анализ эмпирических результатов, и сделаны важные выводы и определены соответствующие последствия для региональной политики. В работе обосновывается важность выделения факторов, определяющих и влияющих на общее благосостояние, среди которых одним из наиболее важных оказался фактор периферийности. Результаты типологии рассматриваются как практический механизм, с помощью которого можно определять лучшее из худшего для управления бюджетной региональной политикой ²⁰³.

И до сегодняшнего дня наиболее обширную группу составляют посвященные региональным исследованиям исследования на основе применения инструментов многомерного статистического анализа, ставшего в свое время первым из используемых для типологизации методов. В частности, в одной из последних работ, использующих многомерный статистический анализ, для оценки уровня человеческого потенциала в регионах России и определения взаимосвязей с глобальными целями развития на период до 2030 г. был проведен межрегиональный анализ. Авторы разработали систему из 16 показателей по 85 регионам России, описывающих восемь целей, и на основе этих данных провели корреляционный анализ. Результаты позволили сформулировать стратегии развития программы устойчивого развития для отдельных регионов ²⁰⁴.

В другой современной практико-ориентированной работе, связанной с типологизацией регионов, авторы выявили обусловленность высокого уровня дифференциации регионального развития различиями уровней финансовой самостоятельности регионов и пришли к выводу о необходимости выделения

²⁰³ Ben-Chieh L. Quality of life indicators in US metropolitan areas, 1970: a statistical assessment. N.Y.: The praeger publishers, 1976.

²⁰⁴ Абрамян С.И., Рюмина Е.В., Федотов А.А. Оценка влияния глобальных целей в области устойчивого развития на человеческий потенциал // Экономика и математические методы. 2019. – № 55 (4). – С. 57–67.

типов регионов, для которых предусмотрены разные механизмы и параметры стратегирования. Для достижения этой цели использовались кластерный анализ, метод главных компонент и анализ панельных данных. В частности, была разработана система из 18 показателей финансовой самостоятельности регионов, которые были использованы для кластерного анализа, по результатам которого удалось выявить три группы регионов: регионы-лидеры, регионы-средняки, регионы-аутсайдеры. Эти результаты типологизации могут применяться органами власти и управления регионов для формирования региональных и отраслевых стратегий развития ²⁰⁵.

Несколько в стороне от этой генеральной линии лежат исследования, в которых задействованы не только верифицированные статистические данные, но и их сложные производные, комбинируемые с данными, полученными иными методом, например, с экспертными оценками или результатами обработки экономико-математических моделей. Так, ряд работ профессора ЦЭМИ РАН С.А. Айвазяна и его коллег связан с разработкой подходов к формированию необходимых для характеристики региональной дифференциации индикаторов основных направлений социально-экономического развития в пространстве. Авторы предложили систему из пяти компонентов: масштаба экономики, оценки технической эффективности, оценки тренда технической эффективности, первой и второй главных компонент структуры ВРП. Для предложенных направлений были разработаны индикаторы, предполагающие интерпретацию в терминах характеристик дифференциации. В практическом плане такой инструмент может быть использован для проектного управления ²⁰⁶. В другой работе этот же коллектив авторов, используя метод кластеризации, выделяет однородные группы регионов Российской Федерации, каждой из которых соответствует своя модель производственного потенциала, определяющая зависимость ВРП от стоимости ос-

²⁰⁵ Шаклеина М.В., Мидов А.З. Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. – Т. 12, № 3. – С. 39–54.

²⁰⁶ Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Индикаторы экономического развития в базисе характеристик региональной дифференциации // Прикладная эконометрика. 2018. – Т. 50, № 2. – С. 4–22.

новых фондов и численности занятых. Здесь авторы тоже применяют процедуры построения вспомогательных интегральных индикаторов, отражающих специализацию регионов в выделенных группах²⁰⁷.

Отдельно стоит выделить группу исследований, где дифференциация оценивается через структуры расходов домохозяйств. Авторы отмечают, что проблема дифференциации населения по уровню душевого денежного дохода стала особенно актуальной с переходом экономики России на рыночные условия. На основе динамики дифференциации доходов домохозяйств были сформулированы некоторые важные выводы. Так член-корреспондент РАН Н.М. Римашевская показала, что фактически сложившееся неравенство как минимум в 1,5 раза выше официально опубликованных Росстатом данных²⁰⁸. А профессора А.В. Ярашева и Е.А. Макарова обосновали возможность группирования российских регионов по типовым пропорциям в структуре потребительских расходов населения, в качестве примера выделив три кластера регионов в зависимости от соотношения расходов на конечное потребление с расходами на: 1) продукты питания, 2) одежду и обувь, 3) основные потребительские услуги²⁰⁹. Такие работы демонстрируют необходимость корректировки статистических данных с учетом динамики иногда разнонаправленных экономических процессов. Результаты исследований могут быть использованы при разработке социально-экономических программ регионального уровня.

Необходимо отметить, что зарубежные исследователи из стран с менее патерналистской политикой государства, уделяющего большее внимание сокращению экономических дифференциаций развития регионов, нежели социальных (что характерно для стран с меньшей территорией), в первую очередь, исследуют именно экономические диспропорции. Можно выделить

²⁰⁷ Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Метод кластеризации регионов РФ с учетом отраслевой структуры ВРП // Прикладная эконометрика. 2016. – Т. 41, № 1. – С. 24–46.

²⁰⁸ Римашевская Н.М., Мигранова Л.А. Социально-экономическое неравенство в России // Народонаселение. 2016. – № 3 (73). – С. 17–33.

²⁰⁹ Ярашева А.В., Макарова Е.А. Типология регионов РФ по потребительскому поведению домохозяйств // Народонаселение. 2015. № 3 (69). С. 77–84.

группу современных зарубежных исследований, где группировка территорий происходит по параметру «прямые зарубежные инвестиции». Так Адольфо Маза и Хосе Виллаверде из испанского Университета Кантабрии предложили способ определения индекса прямых зарубежных инвестиций для опережения привлекательности территорий на региональном уровне ЕС, основанный на совместном факторном анализе шести основных факторов: экономический потенциал, емкость рынка, ситуация с рабочей силой, технический прогресс, регулирование рынка труда и конкурентоспособность. Сформированные авторами факторы учитываются при корректировке традиционной методики расчетов. Результаты этих расчетов показали значительную неоднородность регионов ЕС и высокую географическую концентрацию. Авторы пришли к выводу о том, что географическое положение играет ключевую роль для инвестиционной привлекательности²¹⁰.

Несколько иной подход был реализован в работе голландцев Маттиуса ван Хоффа и Рональда Уолла, разработавших иерархию европейских городов по доле прямых иностранных инвестиций в наукоемкие производства. Основываясь на результатах дескриптивного анализа, авторы выделили четыре типа деловых районов: внутригородские районы с высокой концентрацией фирм, районы науки и технокомплекса, офисные парки и районы международных аэропортов, которые ориентированы на международные компании. Авторы предложили стратегии развития, отличающиеся для этих типов территорий²¹¹.

А в одном из исследований, выполненным коллективом чешских и австрийских специалистов, группировка регионов была проведена по динамике «отрицательных» траекторий регионального промышленного развития. Авторы выделяют траекторию снижения, которая связана с тем, что ключевые региональные компании отказываются от видов деятельности с высокой до-

²¹⁰ Maza A., Villaverde J. A new FDI potential index: design and application to the EU regions // *European Planning Studies*. 2015. – Vol. 23 (12). – P. 2535–2565.

²¹¹ Hoff M., Wall R. Business districts: the spatial characteristics of FDI within cities // *European Planning Studies*. 2020. – Vol. 28 (2). – P. 273–295.

бавленной стоимостью (таких как НИОКР) и развивают дополнительную специализацию в сфере производства с низкой себестоимостью. Траектория сокращения подразумевает сокращение масштабов региональной промышленности, вызванное уходом из некоторых сегментов рынка или рыночных территорий. Принципиальное отличие этого пути развития от предыдущего в том, что ключевые компании сохраняют свои ноу-хау и виды деятельности с высокой добавленной стоимостью. Траектория делокализации предполагает перемещение ключевых видов экономической деятельности в данной региональной отрасли, за которыми часто следуют процессы сокращения инвестиций и утечка мозгов²¹².

Как видно из представленного анализа, зарубежные подходы к типологизации регионов в гораздо большей степени, чем реализуемые российскими специалистами, ориентированы на тенденции и динамику тех или иных социально-экономических процессов, а не на их текущие показатели. В значительной мере это относится и к подходам к типологизации регионов в связи с их приграничным положением.

В России тематика трансграничных взаимодействий и особенностей развития приграничных регионов изучена в работах П.Я. Бакланова, П.В. Дружинина, М.Ф. Замятиной, С.В. Кузнецова, Т.И. Кучинской, В.А. Колосова, А.Н. Леонтьева, Н.М. Межевича, Т.В. Морозовой, В.М. Разумовского, В.А. Шлямина и других.

Исследования, направленные на определение особенностей развития приграничных регионов, которые впоследствии могут стать основанием для типологизации, активно проводятся и другими отечественными специалистами. Вместе с тем, необходимо отметить, что на сегодняшний день отсутствуют согласованные подходы не только к выбору характеристик, используемых для типологизации приграничных регионов, но и к признанию самого факта приграничности в качестве основания для формирования отдельной

²¹² The dark side of regional industrial path development: towards a typology of trajectories of decline / J. Blažek, V. Květoň, S. Baumgartinger-Seiringer, M. Trippel // *European Planning Studies*. 2019. – Vol. 11. – P. 1–19.

группы регионов по этому признаку. Приводимые разными авторами выводы по этому вопросу лежат в диапазоне от «положительное влияние границы на развитие приграничных регионов невелико, лишь в начале 1990-х гг. приграничность оказывала заметное положительное влияние на показатели развития наиболее активных регионов»²¹³ до признания того, что приграничные регионы составляют особую совокупность, для которой должны быть разработаны рекомендации на основе проведенной группировки регионов с учетом выявленных характеристик для каждой группы^{214,215}.

Среди работ, посвященных региональной *типологизации российского пограничья*, безусловно, необходимо выделить исследования коллектива авторов Института географии РАН под руководством профессора В.А. Колосова, работы которого посвящены среди прочего исчерпывающему и многостороннему анализу разнообразия в российском пограничье. Результаты многолетних полевых исследований стали основой для систематизации широкого круга проблем, с которыми сталкиваются приграничные регионы. Рассмотрены теоретические подходы к пограничным исследованиям, динамика и современная ситуация в сфере приграничных взаимодействий, социально-экономические, экологические, культурные и другие аспекты развития приграничья. В области применения такой формы научного познания, как типологизация, вызывают интерес сразу несколько результатов, представленные в данной работе. Во-первых, это типология российского пограничья по показателям барьерности. Авторы отмечают, что, с одной стороны, использование абсолютных значений, характеризующих интенсивность трансграничных взаимодействий, не корректно. С другой – разработка интегральной количественной оценки барьерности является сложной методической задачей. Авторы предложили типологию по показателям национального, регионального

²¹³ Дружинин П.В. Особенности развития приграничных регионов // Регионоведение. 2017. – Т. 25. № 2 (99). – С. 200–216.

²¹⁴ Толстогузов О.В. Типология периферийных регионов и особенности граничной периферии Северо-Запада России // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 47. – С. 6–13.

²¹⁵ Типология регионов России для целей региональной политики / В.А. Барина, С.М. Дробышевский, В.А. Еремкин, С.П. Земцов, А.В. Сорокина // Российское предпринимательство. 2015. – № 16 (23). – С. 4199–4204.

и муниципального уровней. В результате расчетов и сопоставлений были выделены следующие типы границ: малоcontactные (корейский, монгольский, норвежский сегменты), границы, «сдерживающие» развитие контактов (сегменты границы с Латвией, Литвой, Грузией и Азербайджаном), границы, «способствующие» развитию контактов (граница с Финляндией, Польшей, Эстонией и Китаем), открытые contactные границы (границы с Беларуссией и Казахстаном). Во-вторых, в работе рассматриваются подходы к типологии институционализированного сотрудничества. Авторы отмечают, что это сложная задача, и выделяют два основных подхода: подход, основанный на географическом охвате, и подход, связанный с показателями интенсивности сотрудничества.

Также авторы разработали типологию муниципальных образований российских приграничных регионов. В качестве основания для типологии они предложили систему показателей, включающих в себя место региона в ранговой оценке периферийности, количественные и качественные параметры проявления приграничности и оценки перспектив использования потенциала приграничного положения. В результате авторы получили восемь типологических групп муниципальных образований: города-центры с адаптивным использованием приграничного положения, субцентральные города и районы, субцентральные города и районы, ориентированные на использование приграничного и/или транзитного положения, пригородные районы, периферийные районы с интенсивным использованием приграничного положения, периферийные районы с экстенсивным использованием приграничного положения и/или региональных дотационных механизмов, полупериферийные районы без явного выраженного влияния приграничного положения, районы внутренней и внешней периферии²¹⁶.

Эта большая работа стала продолжением исследований, результаты которых были представлены в Атласе российского пограничья – комплексное

²¹⁶ Российское пограничье: вызовы соседства: [монография] / В.А. Колосов, О.И. Вендина, М.В. Зотова [и др.]; Институт географии РАН. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. – 582с. + 32 с. ил.

научно-справочное картографическое произведение, призванное дать целостное представление о развитии приграничных регионов России и сопредельных стран, которое «охватывает широкий круг проблем в сфере внешних связей, экономики, социальной и этнокультурной ситуации, охраны окружающей среды в приграничных регионах России и сопредельных стран. Значительное внимание уделено влиянию на развитие приграничного сотрудничества режима и функционирования границы в целом, исторической памяти и массовых стереотипов, «фантомным границам», утратившим свои главные функции, но продолжающим влиять на отношения людей и принимаемые решения»²¹⁷.

В работе академика П.Я. Бакланова проявление трансграничности рассматривается в основном на примере Приморского края и приграничных провинций Китая. На основе теоретико-географического обобщения трансграничных структур до правильных геометрических фигур, направленного на выявление их универсальности и уникальности, были сделаны выводы о качественной трансформации исследованных территориальных структур, которые выражены в виде теоретических (идеальных) моделей. Такие модели позволяют понять сущность единого географического процесса территориальной организации природы, населения и хозяйства отдельных регионов, в том числе трансграничья²¹⁸.

Характер влияния границы на развитие северных приграничных регионов Северо-Западного федерального округа России представлен в работах начальника отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики КарНЦ РАН П.В. Дружинина. Именно в отношении регионов этого федерального округа автор обосновал уже упомянутый вывод о незначительности «положительного влияния границы» после 1990-х гг. Что, впрочем, не стало причиной отказа от имеющего гораздо большее

²¹⁷ Атлас Российского пограничья: [физический]: [сайт] / Лаборатория геополитических исследований ИГ РАН. М., 2014. URL: <https://tsamsonov.github.io/borderlands/> (дата обращения: 02.12.2019).

²¹⁸ Baklanov P. Ya., Novikov A. N., Novikova M. S. The influence of transboundariness on the territorial structures of Russian Primorsky Krai and adjacent areas // *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Estestvennye Nauki*. 2018. Vol. 160, № 1. P. 162-177.

значение для последующих исследований вывода о том, что «в то время, когда столица региона выступает в качестве центральной активной зоны, крайними активными зонами становятся муниципальные образования, которые имеют необходимую таможенную и транспортную инфраструктуру²¹⁹.

В работе коллег из Института географии РАН представлено исследование динамики и факторов трансграничных взаимодействий, которые изучаются вместе с динамикой барьерной функции, препятствующей или способствующей контактам между смежными территориями. Сравнительный анализ взаимодействий с сопредельными регионами в разных приграничных районах России выявил различный характер зависимостей потоков от барьерных функций границ. Как итог исследования была составлена типология российских приграничных территорий, основанная на показателях, связанных с контактной и барьерной функцией границы и ее влиянием на повседневную жизнь населения^{220,221}.

В исследовании международного коллектива авторов, в которое заметный вклад внесли российские ученые, изучаются трансграничные связи трех регионально значимых и взаимосвязанных секторов (лесная, горнодобывающая и туристическая отрасли вместе с соответствующими исследовательскими и административными организациями) с различными стратегиями использования природных ресурсов в приграничном регионе Финляндии и России. Авторы приходят к заключению, что исследуемая сеть развита недостаточно, наблюдается низкий уровень участия компаний и слабая интеграция между секторами. Это может быть недостатком в устойчивом развитии приграничных регионов. Сформировавшаяся трансграничная сеть не только зависит от связей, но и состоит из нескольких умеренно связанных трансграничных субъектов, повышающих ее устойчивость к трансграничным сбоям

²¹⁹ Дружинин П.В. Особенности развития приграничных регионов // Регионоведение. 2017. – Т. 25, № 2. – С. 200–216.

²²⁰ Kolosov V.A., Zotova M.V. & Sebentsov A.B. The barrier function of Russia's borders // Regional Research Russia. 2016. – Vol. 6. – P. 387–397.

²²¹ Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Барьерная функция российских границ // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. – № 5. – С. 8–20.

сети²²², а одним из важнейших системообразующих секторов такого трансграничного взаимодействия является рекреационная деятельность.

Аспекты развития *рекреационной деятельности в приграничных регионах* изучены в меньшей мере. Внимания заслуживают работы А.Ю. Александровой, Т.И. Герасименко, Ю.Д. Дмитриевского, И.И. Драгилева, А.Н. Дунец, Н.А. Зайцевой, А.И. Зырянова, Н.П. Казакова, Г.А. Карповой, В.С. Корнеевец, Е.Г. Кропиновой, Л.Ю. Мажар, Д.Г. Мирзехановой, А.В. Митрофановой, Б.Б. Родомана, Д.В. Севастьяновой, С.В. Степановой.

В работе профессоров Е.Г. Кропиновой и Н.А. Зайцевой для выявления проблем и перспектив развития трансграничного сотрудничества Российской Федерации со странами Европы в области развития рекреационной деятельности изучаются научно-теоретические аспекты трансграничного сотрудничества и роль, которую играет при этом туристско-рекреационный потенциал территорий, его эффективное использование. Анализ статистических данных и результатов собственных исследований позволил авторам выявить основные проблемы, которые препятствуют развитию трансграничного сотрудничества в области рекреации на приграничных территориях России и европейских государств. В качестве экономических проблем выделены такие, как негативное влияние двусторонних санкций и снижение финансовой устойчивости предприятий. В социальной сфере выделены такие проблемы, как ухудшение ситуации с мигрантами, введение различных институциональных ограничений, общее снижение привлекательности российских и европейских мест отдыха по соотношению «цена/качество»²²³.

Ряд работ научного сотрудника Института экономики КарНЦ РАН С.В. Степановой в области изучения приграничного туризма формирует комплексное представление об особенностях развития этого вида деятельности в

²²² A social network analysis of cooperation in forest, mining and tourism industries in the Finnish–Russian cross-border region: connectivity, hubs and robustness / Т. Makkonen, Т. J. Hokkanen, Т. Morozova, М. Suharev // Eurasian Geography and Economics. 2018. – Vol. 59 (5–6). – P. 685–707.

²²³ Zaitseva N.A., Kropinova E.G. Problems and prospects of cross-border cooperation in tourism between Russia and Europe // Baltic Region. 2016. – Vol. 8 (3). – P. 98–108.

Республике Карелия и основных факторах влияния. Автор выделяет определенные экономические взаимодействия на исследуемом участке пограничья, анализирует рекреационные потоки и стратегические аспекты развития рекреационной деятельности²²⁴. На основе сопоставления данных были выявлены преимущества и ограничения развития рекреационной деятельности, обоснована роль международных пунктов пропуска в развитии рекреационной деятельности в приграничье²²⁵. Обобщая результаты этих исследований в контексте выполненного автором анализа международной практики использования феномена государственных границ как ресурса развития рекреационной деятельности, С.В. Степанова разработала рекомендации по повышению позитивного вклада рекреационной деятельности в экономику приграничных регионов²²⁶.

Коллектив авторов из Смоленского гуманитарного университета во главе с профессором Л.Ю. Мажар исследовал теоретические вопросы изучения и развития рекреационной деятельности в приграничных регионах. Аналитический характер работы позволил уточнить понятие «приграничный регион» и применить геосистемный подход. Авторы пришли к выводу о том, что процесс интеграции российского рынка рекреационных услуг в мировой пока происходит стихийно, нет единого организационно-экономического механизма. При этом самым действенным шагом на этом пути может стать развитие рекреационной деятельности именно в приграничных регионах на основе формирования трансграничных и приграничных рекреационных кластеров²²⁷.

В одной из работ профессора лондонского Coventry University Ади Вейденфельд, посвященной изучению трансграничного рынка рекреацион-

²²⁴ Степанова С.В. Туристский вектор развития приграничных регионов Северо-Запада России // Балтийский регион. 2016. – Т. 8, № 3. – С. 147–163.

²²⁵ Степанова С.В. Развитие туризма в приграничье: преимущества или ограничения? (Карельская практика) // Балтийский регион. 2019. – Т. 11, № 2. – С. 94–111.

²²⁶ Степанова С.В. Туристский ресурс границ: потенциал приграничных регионов Северо-Запада России // Балтийский регион. 2017. – Т. 9, № 2. – С. 105–121.

²²⁷ Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения / А.П. Катровский, Ю.П. Ковалев, Л.Ю. Мажар, С.А. Щербакова // Балтийский регион. 2017. – Т. 9, № 1. – С. 113–126.

ных услуг, рассматривается влияние мобильности на содействие инновационным процессам в приграничье. Автор определила аспекты, которые формируют и усиливают инновации в трансграничной рекреационной деятельности и передачу знаний в контексте европейской политики интеграции и сплоченности. Сделаны выводы о том, что многие более мелкие и периферийные приграничные европейские регионы будут наращивать свои конкурентные преимущества, продвигая инновации в сфере рекреационных услуг²²⁸.

Международной исследовательской группой в процессе изучения процессов развития рекреационной деятельности на германо-чешских приграничных территориях были выявлены особые препятствия в области организации и управления, которые связаны с политическими противоречиями трансграничного сотрудничества – местные туристические проекты в целом признаны достаточно успешными как на транснациональном, так и на национальном уровнях, однако, специалисты пришли к выводу о необходимости институционального выравнивания, которое может повысить эффективность взаимодействия и сотрудничества всех субъектов этой деятельности²²⁹.

Несмотря на то, что описанные исследования выполнялись в отношении разных, существенно отличающихся друг от друга объектов – приграничных регионов, и при этом применялись разные методики, итогом которых стали разноформатные выявленные закономерности, примененные при проведении этих исследований теоретические подходы к типологизации регионов (в том числе приграничных) могут быть обобщены для исследования форм российских приграничных региональных рекреационных систем в контексте влияния фактора приграничного положения. Для этих целей автор использовал метод многомерной классификации.

²²⁸ Weidenfeld A. Tourism and cross-border regional innovation systems // *Annals of Tourism Research*. 2013. – Vol. 42. – P. 191–213.

²²⁹ Stoffelen A., Ioannides D., Vanneste D. Obstacles to achieving cross-border tourism governance: a multi-scalar approach focusing on the German-Czech borderlands // *Annals of Tourism Research*. 2017. – Vol. 64. – P. 126–138.

Россия имеет наибольшее количество стран-соседей в мире. Протяженность границы составляет более 60 тыс км., что объясняет выраженную геополитическую, географическую и социально-экономическую дифференцированность, которая в ряде случаев может сопровождаться негативными социальными эффектами, являющимися следствием некоторых специфических ограничений, действующих на приграничных территориях. Именно эти явления и эффекты легли в основу подходов большинства исследователей приграничной тематики, сходящихся во мнении, что проявление контактной и барьерной функции границы оказывает влияние на развитие приграничных субъектов Российской Федерации.

Однако одновременно с определенными рисками, экономический потенциал российского приграничья формирует возможности для развития различных форм сотрудничества, в том числе и в сфере рекреационной деятельности. За последние годы характер приграничных взаимодействий менялся – рентно-спекулятивная модель вытеснялась моделью, в основе которой лежат идеи распределения деловой активности и, соответственно, точек роста и мест их географической привязки между широким кругом субъектов сферы производства товаров и услуг, в первую очередь, из числа предприятий малого и среднего бизнеса.

Итоговая гипотеза данного исследования заключается в предположении, что несмотря на имеющиеся риски и высокую степень неравенства по широкому кругу показателей российских регионов в целом и среди приграничных регионов в частности, фактор приграничного положения формирует дополнительные стимулы и оказывает превалирующее позитивное влияние на развитие рекреационных систем приграничных регионов.

С высокой степенью вероятности можно предположить, что уровень и особенности развития рекреационных систем в условиях приграничья будут отличаться. Для преодоления этой сложности необходимо разработать типологию приграничных регионов Российской Федерации на основе обоснованной системы показателей, включающей в себя как данные, характеризующие

социально-экономическое развитие региона, так и группы показателей количественных и качественных аспектов развития рекреационной деятельности в регионе, природно-климатические и экологические условия. Результаты типологии, которая поможет выявить стимулы развития рекреационной деятельности для разных типов приграничных регионов, будут являться основанием для формирования региональной политики в области развития рекреационной деятельности с учетом объективной ситуации в приграничных субъектах Российской Федерации, относящихся к разным типам.

Исследуемые объекты – субъекты Российской Федерации, имеющие сухопутные на материке (в том числе речные и озерные) и морские границы со странами-соседями, располагающимися на карте по часовой стрелке от Норвегии до США. Для составления типологии были выбраны три блока переменных (Таблица 10) и использованы статистические и ведомственные данные о них за период с 2010 по 2018 гг. (Приложение 1), на основании которых была проведена кластеризация приграничных регионов Российской Федерации. При этом на предварительном этапе была проверка необходимости включения каждого из выбранных показателей в систему, и достаточности получившейся системы параметров для описания закономерностей развития объектов исследования.

Таблица 10 Переменные для типологизации приграничных регионов Российской Федерации

Блок 1 – уровень социального, экономического и экологического состояния региона	Интегральный рейтинг региона
	Степень дискомфорта климата
	Индекс напряженности экологической ситуации
Блок 2 – количественные характеристики рекреационной системы региона	Плотность международных пунктов пропуска (действующие грузопассажирские/пассажирские, автомобильные, воздушные, железнодорожные, морские, смешанные, речные, озерные, пешеходные на 100 км границы)
	Количество средств размещения на 1 тыс. км ² (шт.)
	Количество туристских фирм на 1 тыс. км ² (шт.)
	Плотность особо охраняемых природных территорий

Продолжение Таблицы 10

Блок 3 – экономические характеристики рекреационной системы региона	Доля объема платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения в ВРП
	Численность иностранных граждан, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения (на 100 000 чел. (жителей региона))
	Численность российских граждан, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения (на 100 000 чел. (жителей региона))
	Доля инвестиций в развитие коллективных средств размещения в общем объеме инвестиций в регионе
	Доля объема платных туристских услуг в ВРП
	Среднегодовая загрузка в коллективных средствах размещения в %

Интегральный рейтинг отражает социально-экономическое положение регионов в Российской Федерации. В настоящей работе использовались рейтинговые оценки, построенные экспертами агентства «РИА Рейтинг» на основе агрегирования ключевых показателей регионального развития. Методика расчета интегрального рейтингового балла включает три этапа. На первом этапе определялся рейтинговый балл регионов Российской Федерации по показателям, на втором – рейтинговый балл по группе показателей и на третьем – интегральный рейтинговый балл. Такой подход позволяет дать ответ на вопрос о позициях того или иного региона на экономической карте России, определить диспропорции в уровне регионального развития²³⁰.

Показатели «степень дискомфорта климата» и «индекс напряженности экологической ситуации» определялись на основе картографических и аналитических материалов, представленных в Экологическом атласе России, созданном на базе географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2017 г.²³¹. Так, в атласе дана оценка дискомфорта климатических областей России в диапазоне от 1 до 11 баллов: экстремальная, очень высокая, вы-

²³⁰ РиаРейтинг: [сайт]. – URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 16.01.2020).

²³¹ Экологический атлас России: [карты] / Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Русское географическое общество, МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Феория, 2017. – 1 атл. (509 с.): цв., карты, текст, табл., диагр., граф., ил.

сокая, относительно высокая, средняя и выше средней, от умеренной до средней, умеренная, незначительная, незначительная зимой и средняя летом, сильно изменчивая в горах от малой до средней и очень малая. Интегральная оценка напряженности экологической ситуации предполагает разделение всех регионов Российской Федерации на шесть групп по степени концентрации загрязнений в регионе. Эти три показателя (интегральный рейтинг региона, степень дискомфорта климата и индекс напряженности экологической ситуации) в настоящей авторской методике отнесены к блоку, характеризующему уровень социального, экономического и экологического состояния региона. Они дают представление об общих характеристиках развития региона, по мнению автора, эти параметры связаны с потенциальными возможностями развития рекреационной деятельности.

Следующий блок переменных описывает количественные характеристики наиболее значимых в экономическом плане компонентов региональных рекреационных систем.

Показатель «плотность международных пунктов пропуска» рассчитывался для действующих грузопассажирских/пассажирских, автомобильных, воздушных железнодорожных, морских, смешанных, речных, озерных и пешеходных пунктов пропуска на каждые 100 км протяженности государственной границы. Данные о таких объектах инфраструктуры были получены на сайте Министерства транспорта Российской Федерации²³².

Данные о количестве средств размещения и туристских фирм в регионах были взяты из информационной базы (открытые данные) Ростуризма²³³. Учитывая значительную дифференциацию обследуемых объектов (регионов), данные были интерпретированы относительно площади регионов. Плотность особо охраняемых природных территорий также рассчитывалась

²³² Министерство транспорта Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mintrans.ru/storage/app/media/lbs/graniza_pp_14012019.pdf (дата обращения: 06.06.2019)

²³³ Ростуризм: открытые данные: [сайт]. URL: <http://opendata.russiatourism.ru/opendata> (дата обращения: - 06.07.2019)

как относительный показатель, с учетом площади регионов, по данным Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации²³⁴.

Третий блок переменных связан с экономическими характеристиками процессов в региональных рекреационных системах. Информация об объеме платных туристских услуг и услуг средств размещения также взята из базы данных Ростуризма. Соответственно доля этих услуг в валовом региональном продукте высчитывается простым отношением этих величин. Переменные «численность иностранных и российских граждан в средствах размещения» дают представление о структуре посетителей региона и роли приграничного положения. Здесь также целесообразно учесть существенную дифференциацию обследуемых объектов и плотность населения в обследуемых регионах.

Важным параметром экономической эффективности и вовлеченности в хозяйственные процессы в настоящей системе переменных выступает показатель загрузки в средствах размещения. Для расчета применялась формула(3).

$$x = \frac{\frac{a}{b} * 100}{c}, \text{ где} \quad (3)$$

a – количество ночевок в средствах размещения за текущий год в регионе;

b – количество дней в году;

c – емкость номерного фонда средств размещения в регионе;

x – загрузка средств размещения в регионе.

Значения параметров *a*, *b* и *c* взяты из базы данных Ростуризма и Реестра единой межведомственной информационно-статистической системы²³⁵.

Еще один параметр был включен в этот блок – доля инвестиций в развитие средств размещения в общем объеме региональных инвестиций. Эта переменная рассчитывалась как простое отношение, а данные по регионам были

²³⁴ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/opendata/7710256289-protected-areas> (дата обращения: 05.05.2019)

²³⁵ Государственная статистика: Единая межведомственная информационно-статистическая система: [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 15.04.2019)

взяты из базы данных Ростуризма²³⁶ и таблиц данных Государственной службы статистики²³⁷.

Последовательность действий при проведении процедуры кластеризации и её результаты более подробно будут представлены в параграфе 3.2.

²³⁶ Ростуризм: открытые данные: [сайт]. URL: <http://opendata.russiatourism.ru/opendata> (дата обращения: 06.07.2019)

²³⁷ Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: [http:// www.gks.ru/](http://www.gks.ru/) (дата обращения: 09.01.2019).

3.2. Типологизация регионов России по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему

Типологизация регионов России по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему, базирующаяся на описанных в предыдущем параграфе, была выполнена с использованием традиционного алгоритма, включающего в себя следующие операции:

- анализ коэффициентов корреляции между переменными и подбор некоррелированных переменных (на этом этапе был исключен показатель «количество туристских компаний», который имел значение корреляции с показателем «количество средств размещения» по модулю 0,82, что соответствует сильному уровню) (Приложение 2);

- анализ пропущенных данных и исключение регионов, по которым данные отсутствуют полностью или частично, в том числе имеются по полному кругу показателей, но не за весь исследуемый период (этими регионами оказались Республика Крым и город федерального значения Севастополь) (Приложение 1);

- исключение регионов, для которых значения выходят за границы стандартных отклонений (этими регионами оказались Республика Крым, Краснодарский край, города федерального значения Санкт-Петербург и Севастополь) (Приложение 1);

- нормирование данных на основе метода z-scores;

- иерархическая кластеризация методом Уорда (Ward's method) с использованием метрики евклидова расстояния (Рисунок 7).

В работе исследованы субъекты Российской Федерации, имеющие сухопутные на материке (в том числе речные и озерные) и морские границы со странами-соседями, располагающимися на карте по часовой стрелке от Норвегии до США. Такой подход объясняется задачами исследования, связанными с оценкой роли границы и приграничного положения в контексте взаимодействий с сопредельными территориями соседних государств. Таким об-

разом, в работе не рассматривались Камчатский край и Магаданская область в связи с тем, что эти регионы не имеют в составе границы субъекта федерации участка государственной границы с сопредельным государством.

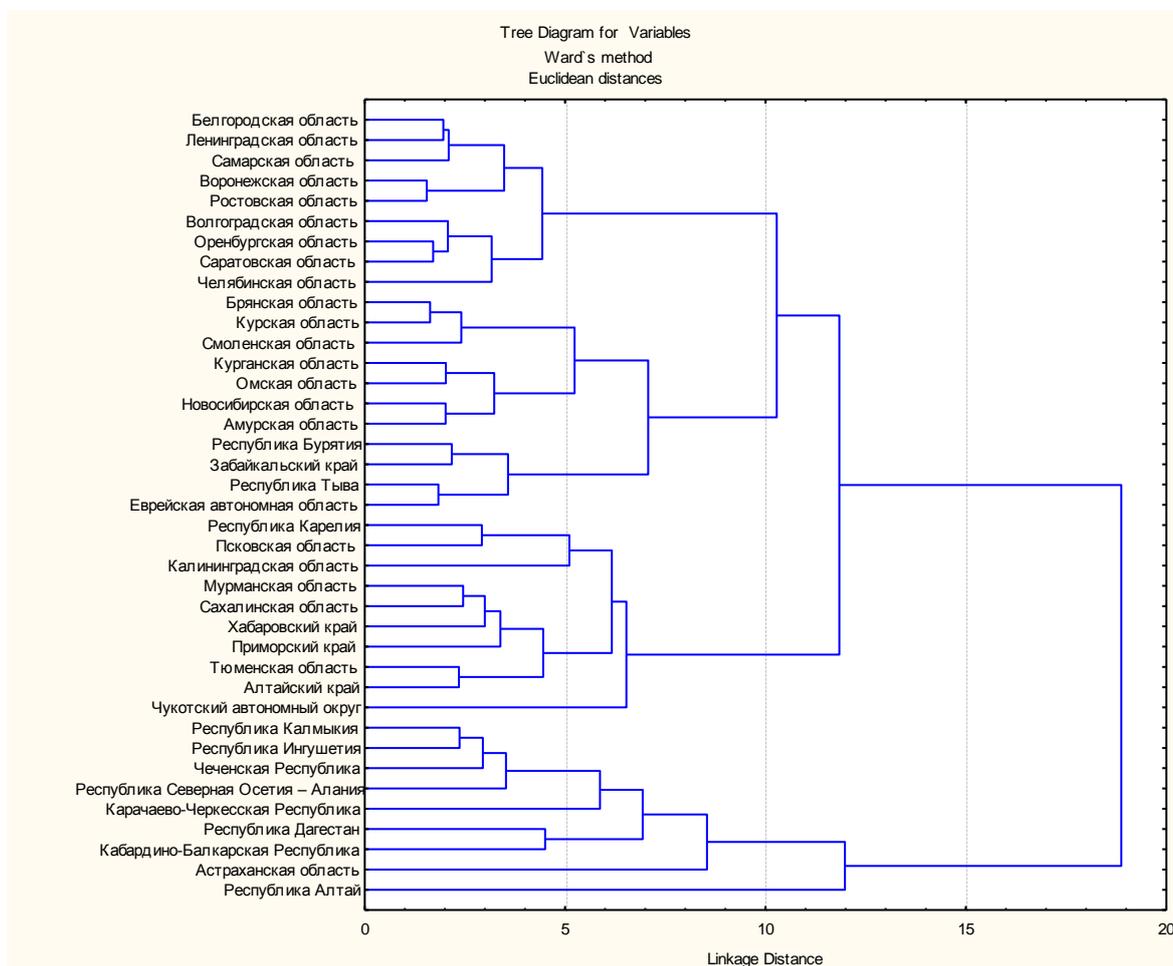

Рисунок 7 Дендрограмма, полученная в результате проведения процедуры иерархической кластеризации методом Уорда (Ward's method) с использованием метрики евклидова расстояния

В результате интерпретации полученной дендрограммы были сформированы группы приграничных регионов: I группа – перспективные для развития рекреационной деятельности, на которое фактор приграничного положения оказывает слабое влияние, II группа – активно развивающие рекреационную деятельность, в том числе за счет приграничного положения, III группа – отстающие в развитии рекреационной деятельности и не использующие преимущества приграничного положения и IV группа – регионы с наиболее развитыми рекреационными системами, с существенным вкладом в это развитие

от приграничного положения. Регионы, исключенные из процедуры кластеризации, составили V группу – регионы-лидеры развития рекреационных систем, условная группа VI представлена регионами, которые не рассматривались как приграничные в связи с отсутствием государственной границы с сопредельными государствами (Таблица 11).

Картографическое изображение дает представление о пространственной организации групп типологии (Рисунок 8).

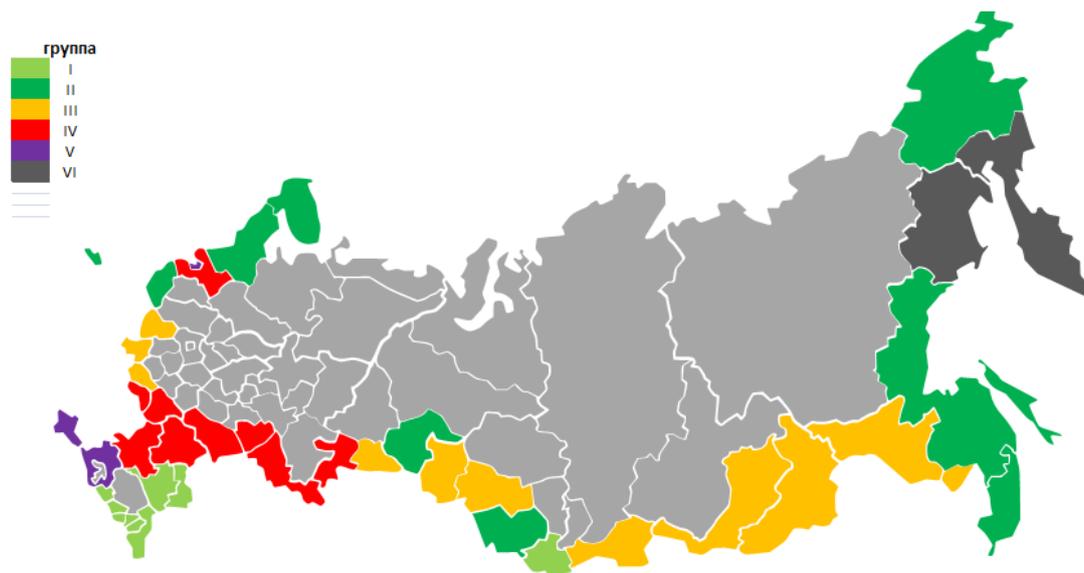

Рисунок 8 Карта-схема пространственной организации групп типологии приграничных регионов РФ по потенциалу развития рекреационной системы в условиях приграничного положения

Таблица 11 Результаты типологии приграничных регионов РФ по потенциалу развития рекреационной системы в условиях приграничного положения

Группа/регионы	Состав группы	Характеристики группы, выводы
<p>I. Перспективные для развития рекреационной деятельности без использования приграничного положения</p>	<p>Астраханская область Кабардино-Балкарская Республика Республика Дагестан Карачаево-Черкесская Республика Республика Северная Осетия-Алания Чеченская Республика Республика Ингушетия Республика Калмыкия Республика Алтай</p>	<p>- приграничные периферийные регионы - относятся к кавказскому сегменту границы (кроме Астраханской области, которая граничит с Казахстаном и Республикой Алтай) - с самым низким уровнем социально-экономического развития - с самым благоприятным климатом - с лучшими показателями благоприятности экологической ситуации - самая высокая плотность ООПТ - самый низкий показатель загрузки средств размещения - самая высокая доля инвестиций в развитие коллективных средств размещения - со средним уровнем количества средств размещения и средним количеством международных пропускных пунктов</p> <p>Выводы: - с высоким рекреационным потенциалом, который в настоящее время используется не в полной мере, что подтверждается показателями загрузки средств размещения существенно ниже среднего. Наблюдается тенденция к росту вовлеченности местных ресурсов в рекреационный оборот. В настоящий момент этот рост в большей степени обеспечивается развитием горнолыжного спорта - высокие инвестиции в развитие средств размещения подтверждают, что инвесторы рассматривают эти регионы как перспективные - дополнительным стимулом для принятия таких инвестиционных решений может быть бюджетная политика в РФ - граничат с территориями, слабыми в социально-экономическом плане - степень вовлеченности в приграничные взаимодействия минимальная (по сравнению с другими группами типологии). Исключение – взаимодействия с Абхазией, которая конкурирует с Краснодарским краем за потоки российских потребителей - т.е. соседи не могут генерировать значительные устойчивые потоки потребителей услуг рекреационной системы. Потенциальные потоки посетителей перетягиваются соседними странами, которые имеют более сильные позиции в рекреационном плане, а именно выход к морю - влияние конфликтной ситуации с частично признанным государством Республикой Южная Осетия и др. геополитические конфликты</p>

Продолжение Таблицы 11

<p>II. Активно развивающие рекреационную деятельность, в том числе за счет приграничного положения</p>	<p>Чукотский автономный округ Алтайский край Тюменская область Приморский край Хабаровский край Сахалинская область Мурманская область Калининградская область Псковская область Республика Карелия</p>	<ul style="list-style-type: none"> - с большим разбросом по уровню социально-экономического развития - группа включает регионы европейской и азиатской частей старой и новой границы - средняя степень дискомфорта климата (за исключением Чукотского автономного округа с суровым субарктическим климатом) - в ряде регионов группы наблюдается напряженная экологическая ситуация (Республика Карелия, Мурманская область, Алтайский край, Сахалинская область) - самый высокий показатель плотности международных пропускных пунктов и загрузки средств размещения (для большинства регионов группы) - средний уровень инвестирования в развитие коллективных средств размещения - наибольшие доли российских и зарубежных граждан на 100 000 чел. местного населения <p>Выводы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - общим для всех регионов этой группы является степень вовлеченности в приграничные взаимодействия средняя и выше среднего (особенно в Приморском и Хабаровском краях) - контактная функция границы здесь проявляется и в сфере развития рекреационной деятельности - сдерживающим фактором могут стать фиксирующиеся на азиатской части границы экологические конфликты, такие как браконьерство и незаконные лесозаготовки
<p>III. Отстающие в развитии рекреационной деятельности и не использующие преимущества приграничного положения</p>	<p>Еврейская автономная область Республика Тыва Забайкальский край Республика Бурятия Амурская область Новосибирская область Омская область Курганская область Смоленская область Курская область Брянская область</p>	<ul style="list-style-type: none"> - приграничные регионы с низким и средним уровнем социально-экономического развития - большинство регионов принадлежит азиатской части границы - регионы со средними показателями степени дискомфорта климата - для всех регионов группы наблюдаются средние и высокие показатели индекса напряженности экологической ситуации - самые низкие показатели концентрации средств размещения и международных пунктов пропуска - при этом уровень загрузки средств размещения выше среднего по всем группам - уровень инвестиций в развитие коллективных средств размещения минимальный из всех групп - почти для всех регионов группы фиксируются средние показатели плотности ООПТ <p>Выводы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - регионы со слабо развитой инфраструктурой рекреационной системы - не привлекательные для инвесторов (в настоящее время) - степень вовлеченности в приграничные взаимодействия для большинства районов группы средняя и ниже среднего, высокие показатели фиксируются для Еврейской автономной, Смоленской и Брянской областей - на азиатских участках есть международные охраняемые природные территории - одновременно с этим на азиатских участках выделяются ареалы с такими экологическими проблемами, как браконьерство, лесные и степные пожары и незаконные лесозаготовки, загрязнение вод и пр.

Продолжение Таблицы 11

<p>IV. Регионы с наиболее развитыми рекреационными системами, с существенным вкладом в это развитие от приграничного положения</p>	<p>Челябинская область Саратовская область Оренбургская область Волгоградская область Ростовская область Воронежская область Самарская область Ленинградская область Белгородская область</p>	<ul style="list-style-type: none"> - приграничные, но не периферийные регионы с самым высоким уровнем социально-экономического развития (для настоящей типологии) - в группе оказались регионы с благоприятными климатическими условиями - с благоприятной экологической ситуацией (за исключением Челябинской области) - максимальные показатели развития инфраструктуры рекреационного комплекса, а именно: - высокие показатели количества средств размещения и объемов их платных услуг в абсолютных и относительных показателях - высокая плотность международных пограничных пропускных пунктов - самая низкая плотность ООПТ <p>Выводы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - высокая степень вовлеченности в приграничные взаимодействия влияет на позитивный характер развития рекреационной системы - высокие экономические показатели развития рекреационных систем не доминирующих в общей экономической структуре, это связано с хорошими показателями развития других сфер - даже в условиях конфликтной ситуации с Украиной и сокращения оборота сопредельных территорий на этом участке границы, наблюдается достаточно высокая доля во внешнем торговом обороте этих регионов, формируемая, странами-соседями
<p>Регионы, исключенные из процедуры иерархической кластеризации</p>		
<p>V. Регионы-лидеры развития рекреационных систем</p>	<p>Санкт-Петербург Севастополь Краснодарский край Республика Крым</p>	<ul style="list-style-type: none"> - регионы-лидеры по развитию рекреационного комплекса - с высоким уровнем развития рекреационной деятельности - рекреационная деятельность играет важную или даже ключевую роль в экономической структуре региона - исторически имеют сильные позиции в сфере туризма и рекреации - в субъектах реализовывались и реализуются крупные федеральные инфраструктурные проекты: строительство олимпийских объектов, объектов к чемпионату мира по футболу 2018 г., государственная программа развития курортов и туризма в Республике Крым 2017-2020 гг.

Автором определена специфика развития рекреационных систем групп регионов в условиях приграничья. Типология учитывает комплексное представление о приграничных регионах, способствует определению стимулов развития рекреационной деятельности и корректировке бюджетной политики для приграничных регионов. Результаты могут использоваться для разработки рекомендаций в области федеральной и региональной бюджетной политики, направленной на развитие рекреационной системы (в частности, создание обеспечивающей туристской инфраструктуры) с учетом характеристик каждой выявленной группы и определенных для нее приоритетов развития.

Итоги типологизации подтверждаются и корреспондируются с представлениями о перспективных экономических специализациях регионов, закрепленных в Стратегии пространственного развития регионов до 2025 г. Так, не имеющие в списке перспективных специализацию по развитию рекреационной деятельности регионы (кроме Чукотского автономного округа) оказались в составе третьей группы типологии – регионы, отстающие в развитии рекреационной деятельности и не использующие преимущества приграничного положения²³⁸. При этом в Стратегии территории, специализирующиеся на развитии рекреационной деятельности, определены как региональные центры экономического роста.

На фоне таких неблагоприятных тенденций, как высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства, значительное отставание по ключевым социально-экономическим показателям от среднероссийского уровня части субъектов России, имеющих геостратегическое значение, существенные внутрирегиональные различия по уровню социально-экономического развития, в том числе отставание уровня жизни значительной части населения сельских территорий от уровня жизни жителей городов, а также низкий уровень предпринимательской активности в большинстве малых и средних городов, на сельских территориях организация территориаль-

²³⁸ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Гарант.ру: информационно-правовой портал: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 12.05.2020).

ных экономических систем (в том числе и рекреационных) может значительно влиять на качество жизни людей в регионах и характер процессов в самой системе.

3.3. Формирование пространственной организации рекреационной системы приграничного региона с учетом его типа

Как было описано ранее, российское приграничье характеризуется значительными различиями. Несмотря на эти различия, проведение процедуры кластеризации позволило получить типологию обследуемых приграничных регионов. Автором были выделены группы приграничных регионов: I группа – перспективные для развития рекреационной деятельности, на которое фактор приграничного положения оказывает слабое влияние, II группа – активно развивающие рекреационную деятельность, в том числе за счет приграничного положения, III группа – отстающие в развитии рекреационной деятельности и не использующие преимущества приграничного положения и IV группа – регионы с наиболее развитыми рекреационными системами, с существенным вкладом в это развитие от приграничного положения. Регионы, исключенные из процедуры кластеризации, составили V группу – регионы-лидеры развития рекреационных систем. Для каждой группы определена специфика развития региональных рекреационных систем. Результаты типологии, учитывающие комплексное представление о регионе, позволяют выработать рекомендации в области федеральной и региональной политики (в том числе, бюджетной политики) для развития рекреационной деятельности, учитывающие характеристики каждой группы. Таким образом, формирование пространственной организации рекреационной системы приграничного региона происходит с учетом его типа.

При этом, как было показано в главе 2, особое внимание должно быть уделено региональной системе особо охраняемых природных территорий, являющихся специфическим элементом региональной рекреационной системы. В том числе, специфику этого элемента необходимо учитывать при принятии управленческих решений по привлечению и использованию инвестиций, так как, в соответствии с результатами проведенного в ходе работы факторного анализа, была установлена значимость для развития региональной

рекреационной системы фактора инвестиций в ее инфраструктуру, который складывается из переменных, характеризующих инвестиции в развитие коллективных средств размещения и плотность особо охраняемых природных территорий. Таким образом, было сделано заключение о том, что регионы, обладающие высоким ресурсным потенциалом в области развития рекреационной деятельности, ориентированной на природные ресурсы, вызывают наибольший инвестиционный интерес.

Ниже приводятся результаты ранее опубликованного исследования автора работы. Анализ роли ООПТ для развития региональной рекреационной системы на примере Республики Карелия показал, что на территории этого региона сформировалась сеть ООПТ различного ранга, которые демонстрируют как успешные примеры развития рекреационной деятельности, так и неэффективные модели, которые обладают значительным потенциалом, особенно с учетом опыта соседней Финляндии, который доказывает существование значительного спроса со стороны потребителя и, следовательно, экономическую эффективность направления развития, связанного с усилением роли ООПТ в региональной рекреационной системе приграничных регионов.

Идеям экономической оценки рекреационного потенциала с целью эффективного вовлечения природных ресурсов в экономический оборот в настоящее время уделяется большое внимание. Наиболее актуальны они для приграничных периферийных территорий, где развитие рекреационной деятельности рассматривается как способ решения локальных социально-экономических задач. Мировой опыт показывает, что предоставление рекреационных услуг на особо охраняемых природных территориях позволит повысить коммерциализацию природных ресурсов и при этом сохранять их рекреационный потенциал при условии использования технологий неистощительного природопользования, что способствует экологизации экономики регионов в целом. С другой стороны, сбалансированное взаимодействие экономической, экологической и социальной составляющих – трудная задача и необходимое условие для устойчивого развития. Для реализации этого необ-

ходимы комплексный подход и планирование в долгосрочной перспективе, с учётом мер и механизмов, наиболее эффективных для регионов соответствующего типа, дополнительно адаптированных и индивидуализированных с учетом конкретных особенностей каждого конкретного региона, пример чего приведен в одной из ранее опубликованных работ автора²³⁹.

Природоохранный статус этих территорий предполагает внедрение соответствующих моделей развития рекреационной деятельности, однако институциональные особенности и сложившиеся практики формируют разные подходы к управлению развитием. В первую очередь, это связано с принципами зонирования, размещением объектов и предприятий-поставщиков услуг, процедур заключения договоров между заинтересованными сторонами. В рамках представленного исследования был выполнен сравнительный анализ особо охраняемых природных территорий Республики Карелия и Финляндии. В результате сопоставления показателей, характеризующих развитие рекреационной деятельности, исследования влияния приграничного положения на изучаемые объекты по обе стороны границы сформулированы выводы, касающиеся экономической эффективности разных подходов к использованию данного ресурса. На основе полученных выводов разработаны рекомендации по повышению коммерциализации деятельности российских ООПТ с учетом опыта, накопленного в соседней Финляндии.

Согласно международной конвенции о сохранении биологического разнообразия целевой показатель охвата природными территориями составляет – 17%. В настоящее время общая площадь ООПТ различных рангов в России – 11,4% площади страны. При этом пространственное распределение этого показателя варьируется в разрезе субъектов Российской Федерации, которые можно разделить на 6 групп (Таблица 12).

²³⁹ Васильева А.В. Особенности развития устойчивого туризма в приграничном регионе (на примере Республики Карелия) // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2015. – № 3 (55). – С. 350–357.

Таблица 12 Распределение и плотность ООПТ в субъектах Российской Федерации²⁴⁰

Группа	Регионы РФ
Достигли и превысили искомый мировой уровень (17% площади региона)	Город Севастополь (30,4%), Республика Саха (Якутия) (29,8%), Кабардино-Балкарская Республика (26,6%), Республика Алтай (26,3%), Карачаево-Черкесская Республика (26,0%), Республика Ингушетия (23,9%), Приморский край (21,0%), Чеченская Республика (20,3%), Республика Северная Осетия-Алания (19,8%), Астраханская область (17,7%)
Достигли и превысили средний общероссийский уровень (11,4%)	Тверская область (16,3%), Республика Адыгея (14,8%), Республика Калмыкия (14,5%), Республика Хакасия (13,8%), Кемеровская область (13,8%), Краснодарский край (13,2%), Республика Коми (13,1%), Республика Дагестан (12,0%), Владимирская область (12,0%), Еврейская автономная область (11,7%), Белгородская область (11,5%)
Близки к достижению среднего общероссийского уровня (более 10%)	Амурская область (10,8%), Архангельская область (11,2%), Камчатский край (11,1%), Мурманская область (11,0%), Ямало-Ненецкий автономный округ (10,3%), Ярославская область (10,1%)
Общая площадь ООПТ составляет более 8%	Пермский край (9,5%), Орловская область (9,5%), Сахалинская область (9,5%), Челябинская область (9,5%), Республика Бурятия (9,2%), Республика Тыва (9,2%), Калужская область (9,2%), Смоленская область (9,2%), Рязанская область (9,0%), Республика Крым (8,4%), Новосибирская область (8,2%)
Общая площадь ООПТ составляет более 5%	Удмуртская Республика (7,9%), Хабаровский край (7,8%), город Москва (7,7%), Псковская область (7,5%), Свердловская область (7,4%), Республика Башкортостан (7,2%), Волгоградская область (7,1%), Новгородская область (7,0%), Курганская область (6,6%), Ульяновская область (6,4%), Вологодская область (6,3%), Нижегородская область (6,2%), Ленинградская область (5,8%), Забайкальский край (5,7%), Красноярский край (5,7%), Омская область (5,7%), Брянская область (5,5%), Московская область (5,6%), Тамбовская область (5,6%), Тюменская область (5,6%), Липецкая область (5,5%), Самарская область (5,2%), Ханты-Мансийский автономный округ (5,2%)
Общая площадь ООПТ составляет менее 5%	Чукотский автономный округ (4,8%), Чувашская Республика (4,7%), Магаданская область (4,6%), Алтайский край (4,5%), Калининградская область (4,3%), Республика Карелия (4,2%) , г. Санкт-Петербург (4,2%), Республика Марий Эл (4,1%), Ненецкий автономный округ (4,1%), Томская область (3,9%), Иркутская область (3,4%), Кировская область (3,3%), Воронежская область (3,1%), Республика Мордовия (2,9%), Республика Татарстан (2,5%), Ивановская область (2,5%), Ростовская область (2,2%), Костромская область (1,8%), Ставропольский край (1,6%), Оренбургская область (1,4%), Саратовская область (1,4%), Пензенская область (1,1%), Тульская область (0,3%), Курская область (0,2%)

²⁴⁰ Степаницкий В.Б. Развитие систем ООПТ в регионах России и сохранение биоразнообразия // Заповедная Россия: [сайт]. 2015. URL: <http://news.zapoved.ru/2016/03/09/razvitie-sistem-oopt-v-regionah-rossii-i-sohranenie-bioraznoobraziya/> (дата обращения: 24.02.2018)

В настоящее время именно вокруг достижения целевых показателей распределения и плотности ООПТ развивается научная дискуссия. Какая доля ООПТ в площади страны оптимальна и эффективна для достижения не только природоохранных функций, но и экономического развития территорий? В данном контексте актуально звучат аргументы члена-корреспондента РАН О.Н. Бахмет в пользу позиции, связанной не с формальными нормативами в определении площади ООПТ, а с научно обоснованным подходом на основе достаточности площади ООПТ для выполнения природоохранных функций²⁴¹. Соглашаясь с этим мнением исследования автор использовал для анализа количественные и качественные показатели развития рекреационной деятельности, связанные не только с объективными аспектами ее развития (такими как инфраструктурная обеспеченность, развитость сети маршрутов и пр.), но и с режимом охраны объекта. Эта система показателей (равно, как и любой другой конечный набор показателей) не может в полной мере выступать критерием эффективности работы ООПТ, но может демонстрировать степень устойчивости процесса интеграции охраняемых территорий в более широкий процесс экономического развития территорий.

В этом контексте вполне уместна ссылка на мнение корейских специалистов о том, что рост такого количественного показателя, являющегося одним из основных, как число посещений, на определенном этапе детерминирует качественное изменение самой системы управления²⁴², которая, по мнению заведующей лабораторией экономики природопользования Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН Т.В. Тихоновой хотя и включает следующие универсальные основные этапы процесса управления развитием ООПТ: принятие обязательств по со-

²⁴¹ Бахмет О.Н. Система особо охраняемых природных территорий Европейского Севера: состояние и перспективы развития // Научные исследования на заповедных территориях: тезисы докладов Всерос. науч. конф., посвящённой 160-летию со дня рождения основателя Карадагской научной станции, доктора медицины, приват-доцента Московского университета Терентия Ивановича Вяземского, а также Году особо охраняемых природных территорий и Году экологии в России; под общ. ред. Р.В. Горбунова Симферополь, 2017. – С. 6.

²⁴²Quantifying nature-based tourism in protected areas in developing countries by using social big data / K. Yoonjung, K. Choong-ki., L. Dong Kun [et al.] // *Tourism Management*. 2019. – Vol. 72. – P. 249–256.

хранению биоразнообразия; планирование мероприятий по сохранению природных комплексов и их реализация; оценка, анализ результатов и разработка рекомендаций по улучшению управления²⁴³, реализует эти функции с использованием механизмов, отличающихся для ООПТ, характеризующихся разными масштабами и иными параметрами, в том числе нормативной и реально эксплуатируемой рекреационной емкостью.

В рамках представленного исследования с применением описанного выше многофакторного анализа был проанализирован российский и финский опыт развития рекреационной деятельности в приграничных ООПТ вдоль российско-финляндской границы. Этот регион вызывает исследовательский интерес в связи с различием сформировавшихся подходов к развитию рекреационной деятельности по обе стороны границы, несмотря на географическую близость друг к другу и сходные природные условия. В практической деятельности финских ООПТ спрос на различные формы рекреационной деятельности учитывается в планах управления и координируется с местными заинтересованными в таком сотрудничестве поставщиками услуг и товаров²⁴⁴. Сотрудничество финских ООПТ с компаниями, оказывающими рекреационные услуги, базируется на взаимных целях и обязательствах. Значимым условием для данных компаний является соблюдение принципов устойчивого развития. Именно они проявляют наибольшую активность в области маркетингового продвижения природных территорий на туристско-рекреационном рынке, одновременно повышая информированность населения и имидж всей природоохранной деятельности.

Республика Карелия и Финляндия обладают схожими природно-климатическими характеристиками. Можно говорить и о некоторых общих социально-экономических проблемах, особенно для приграничных периферийных территорий (например, низкий темп роста ВРП, безработица и старе-

²⁴³ Тихонова Т.В. Оценка эффективности направлений развития особо охраняемых природных территорий Республики Коми // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. – № 1 (37). – С. 82–195.

²⁴⁴ Principles of protected area management in Finland / Metsähallitus. Vantaa, 2016. – 143 p. (Nature protection publications of Metsähallitus, series B 217).

ние населения). В работе П.В. Дружинина и его коллег показано, что расположенные на этих территориях охраняемые природные объекты обладают значительным потенциалом и возможностями для развития туризма и рекреации. Интеграция этих возможностей может дать импульс развитию туристской отрасли и способствовать устойчивому развитию приграничных территорий²⁴⁵. Площади Финляндии и Карелии сопоставимы. Население Финляндии составляет более 5,5 млн чел. В Карелии проживает свыше 0,5 млн чел., однако она является частью Российской Федерации, население которой более 146 млн чел. и располагается в транспортной доступности к самым крупным городам России. Можно предположить, что в свете общемировой тенденции роста интереса к природным объектам, ООПТ Карелии могут привлекать значительно большие потоки посетителей, чем ООПТ Финляндии. На практике мы видим, что этого не происходит²⁴⁶.

Республика Карелия – регион, активно развивающийся, в том числе за счет приграничного положения, рекреационную деятельность (**III группа типологии**), результаты развития которой на региональном уровне проявляются в ряде экономических и социальных показателей, которые приводились ранее в работе (параграф 2.3).

На структуру и динамику потока посетителей оказывают влияние географическое положение и доступность Республики Карелия для жителей таких крупных российских городов, как Москва и Санкт-Петербург. Другой важный аспект – существующие экономические связи туристических компаний Карелии, ориентирующихся на рынки городов, обладающих достаточным ресурсом для роста. На российском рынке рекреационных услуг Карелия занимает устойчивую позицию, в то время как на зарубежном – Республика Карелия недостаточно продвинута в информационном плане как тури-

²⁴⁵ Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Курило А.Е. Развитие территорий Зеленого пояса Фенноскандии на основе активизации туризма // Труды КарНЦ РАН. Зеленый пояс Фенноскандии. 2019. – № 4. – С. 154–165.

²⁴⁶ Васильева А.В. Сравнительный анализ подходов к развитию рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях Республики Карелия и Финляндии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019, – №10, – С. 1969–1980.

стская дестинация. В сочетании с общим негативным имиджем России это обстоятельство можно считать фактором, снижающим рекреационные потоки в Республику Карелия из зарубежных стран. При этом важно указать, что 77% посетителей Карелии останавливаются здесь на 1–3 дня. Таким образом, среднестатистический посетитель Карелии рассматривает территорию как место для непродолжительного отдыха в рамках недельного рекреационного цикла.

Спрос на рекреационные услуги формируется на основе рекреационного потенциала территории Республики Карелия. В настоящее время к наиболее посещаемым объектам относятся музей-заповедник «Кижы», Валаамский архипелаг, заповедник «Кивач», горный парк «Рускеала» (Рисунок 9).

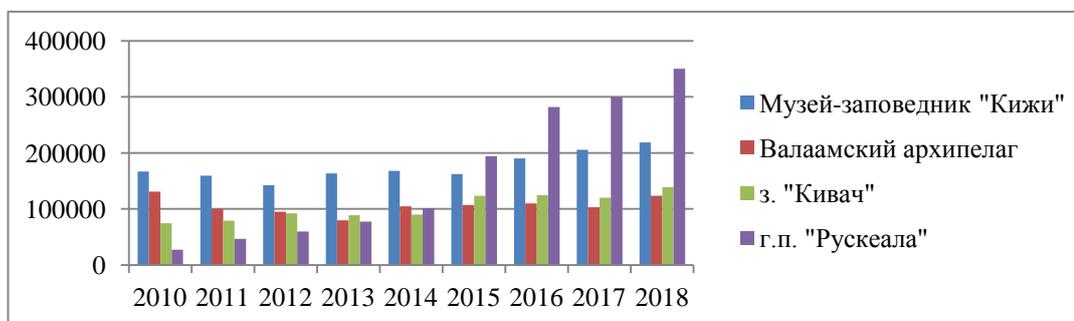

Рисунок 9 Потоки посетителей на объекты с 2010 по 2018 гг. (чел.)

Другую группу рекреационных объектов можно охарактеризовать как менее посещаемые, как правило, из-за инфраструктурной необеспеченности, но хорошо известные и перспективные. К этой группе относятся национальные парки «Водлозерский» и «Паанаярви», гора Филина и Петроглифы (Рисунок 10).

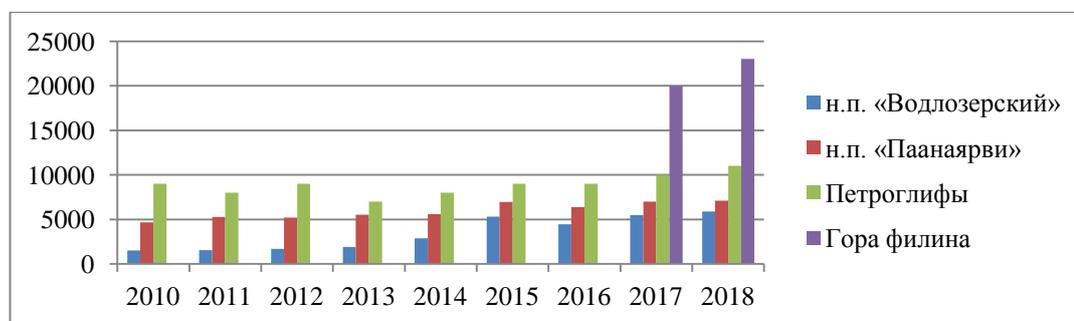

Рисунок 10 Потоки посетителей на объекты с 2010 по 2018 гг. (чел.)

Особую группу рекреационных ресурсов Карелии представляют особо охраняемые природные территории (в том числе и приграничные), которые являются элементами региональной рекреационной системы. Роль такого типа ресурсов обоснована содержанием фактора инвестиций в инфраструктуру рекреационной системы, обоснованного в результате проведенного ранее факторного анализа.

В поле исследования были включены приграничные ООПТ – национальные парки «Паанаярви», «Калевальский» и заповедник «Костомукшский», входящие в международную сеть ООПТ Зеленый пояс Фенноскандии. Так, например, заповедник «Костомукшский» имеет статус международного и входит в состав трансграничного российско-финляндского заповедника «Дружба».

Проявление барьерной функции границы и пограничный режим с выделением пограничной зоны, с одной стороны, позитивно сказывались на сохранности указанных объектов, с другой – накладывали серьезные ограничения на ведение в них хозяйственной деятельности. «В результате сопоставления показателей, характеризующих развитие рекреационной деятельности (Таблица 13), и исследования влияния приграничного положения на изучаемые объекты по обе стороны границы, сделаны выводы, касающиеся эффективности использования данного рекреационного ресурса. На основе выводов сформулированы рекомендации по повышению коммерциализации деятельности российских ООПТ с учетом пространственного аспекта и опыта, накопленного приграничным соседом – Финляндией. В практической деятельности финских ООПТ спрос на различные формы рекреационной деятельности учитывается в планах управления и координируется с местными заинтересованными в таком сотрудничестве поставщиками товаров и услуг^{247, 248}.

²⁴⁷ Principles of Protected Area Management in Finland / Metsähallitus. Vantaa, 2016.

²⁴⁸ Васильева А.В. Сравнительный анализ подходов к развитию рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях Республики Карелия и Финляндии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. – №10, – С. 1969–1980.

Таблица 13 Сравнительные характеристики ООПТ Карелии и Финляндии

	Название ООПТ	Рекреационные услуги / инфраструктура	Площадь ООПТ, км ²	Кол-во посещений в год, чел.
Финляндия	1.Национальный парк «Оуланка»	Визит-центры «Оуланка» и «Хаутаярви», информационный пункт «Кархунтассу» в Куусамо, экспозиции, информация для туристов, продажа лицензий, кемпинг, размещение, кафе и программа отдыха / свыше 150 км туристских маршрутов, водные маршруты, лесные избы, навесы и кострища	270	175 000
	2.«Калевала» парки	Визит-центр «Хосса», экспозиция, кафе-ресторан, размещение, программы отдыха, продажа лицензий / размеченные лыжные, пешеходные маршруты, гребные маршруты, лесные избы, навесы, центр дайвинга, кемпинг, возможности для рыбной ловли	90	70 000
	3.Парк «Дружба» (5 ООПТ)	Визит-центр «Петола» в Кухмо, экспозиция, экотропы, рыболовные и охотничьи лицензии / туристские маршруты разной сложности и длины, кострища, лесные избы	221	15 000
	4.Национальный парк «Коли»	Визит-центр «Укко» в Коли, экспозиция, размещение, рестораны, СПА, гостиница / 80 км туристских маршрутов, коттеджи в аренду, горнолыжные спуски	30	140 000
Карелия	5.Национальный парк «Паанаярви»	Визит-центр в поселке Пяозерский, экспозиция, разрешение на посещение парка и рыболовные лицензии, аренда лодок, круизы по озеру / пешеходные, водные и зимние маршруты для снегоходов, домики в аренду, палаточные места и кострища	1045	6 000
	6.Национальный парк «Калевальский»	Питание и размещение в ближайших деревнях Суднозеро и Вокनावолок, а также на хуторе «Кормило» / пешеходные и водные маршруты, кострища	744	1 000
	7.Заповедник «Костомукшский»	Визит-центр, экспозиция, экологические тропы, экологическое просвещение, мероприятия, разрешения на посещение заповедника / маршруты, кострища, лесные избы, смотровая вышка	476	7 000
	8.Заповедник «Кивач»	Музей природы, кафе, продажа карельских сувениров / смотровая площадка, парковка, экологические тропы	109	100 000

Ниже представлены результаты исследования, ранее опубликованные автором. Среднегодовые показатели посещаемости для финских ООПТ более

чем в 3,5 раза выше, чем для российских, с учетом того, что в число обследуемых российских ООПТ был включен заповедник «Кивач». Несмотря на то, что территория заповедника не является приграничной, объект включен в исследование. Такой подход кажется автору целесообразным, так как данный объект демонстрирует высокие показатели посещаемости и может выступать в качестве модельного.

Для визуальной демонстрации разницы в подходах к организации развития рекреационной деятельности в рамках исследования была составлена карта-схема, отражающая показатели посещаемости и площади (Рисунок 11). Средняя площадь обследуемых российских ООПТ почти в 4 раза больше, чем средняя площадь финских ООПТ.

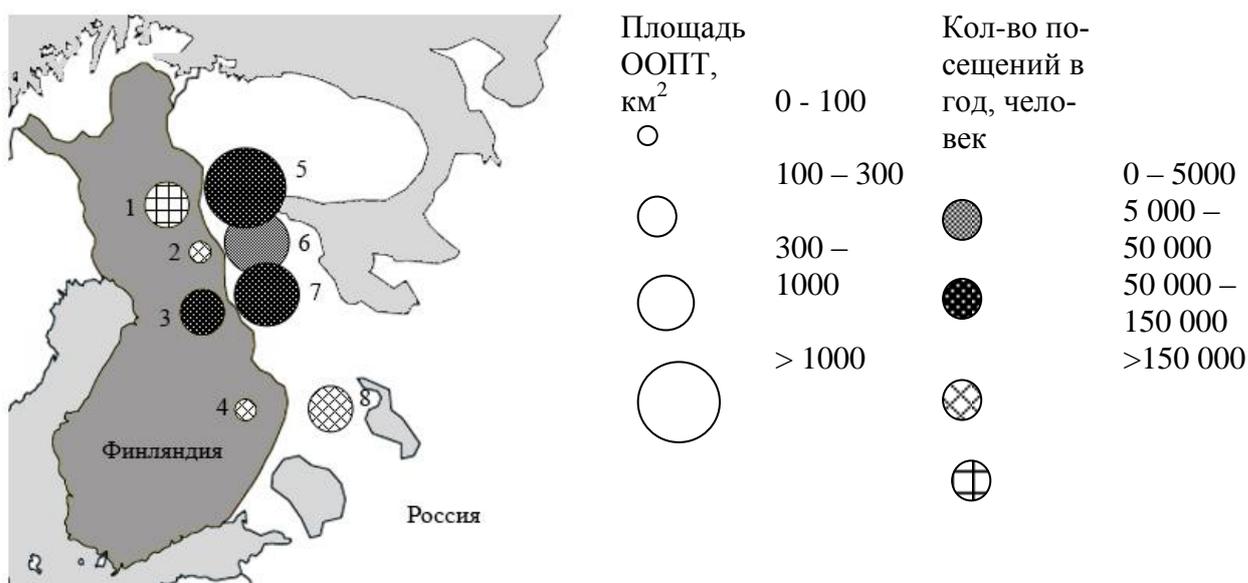

Рисунок 11 Карта-схема с характеристиками приграничных ООПТ:

1 – национальный парк «Оуланка», 2 – «Калевала» парки, 3 – парк «Дружба» (5 ООПТ), 4 – национальный парк «Коли», 5 – национальный парк «Паанаярви», 6 – национальный парк «Калевальский», 7 – заповедник «Костомукшский», 8 – заповедник «Кивач»

На основе сравнительного анализа приграничных ООПТ с российской и финской сторон можно сделать следующие выводы:

– несмотря на возрастающий спрос на посещение ООПТ, в настоящее время эти природные объекты в Карелии не стали точками роста для местного бизнеса;

– при сравнении потока посетителей и предложения рекреационных услуг в ООПТ Карелии и соседней Финляндии, можно увидеть, что показатель среднегодового количества посещений на финской стороне существенно выше, а спектр доступных услуг значительно шире (Таблица 13, Рисунок 11)

– финские ООПТ создают больше экономических выгод;

– опыт, накопленный в соседней Финляндии, необходимо учесть при организации работы ООПТ с российской стороны. Наибольший интерес представляют решения в области логистики и маркетингового продвижения для рекреационной деятельности, которые будут сочетать интересы всех заинтересованных сторон;

– исследуемые объекты демонстрируют, как единое трансграничное экологическое пространство может стать основой для развития экономических и социальных взаимоотношений приграничных территорий в рамках трансграничных регионов.

Сравнительный анализ функционирования особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Республики Карелия и Финляндии, показал, что, несмотря на возрастающий спрос на посещение ООПТ, в настоящее время эти природные объекты в Карелии не стали точками роста для местного бизнеса. На основе факторного анализа сделан вывод о доминирующем значении фактора инвестиций в инфраструктуру рекреационной системы. Сформулированы рекомендации по повышению коммерциализации деятельности российских ООПТ с учетом опыта, накопленного в соседней Финляндии.

На основе полученных выводов могут быть сформулированы общие рекомендации по повышению коммерциализации рекреационной деятельности российских ООПТ, соответствующие принципам и подходам устойчивого развития:

– при проектировании ООПТ допустимо ориентироваться на минимальный необходимый для обеспечения природоохранных функций режим охраны;

– подходить к определению площади ООПТ, исходя из научно обоснованной достаточности для выполнения природоохранных функций;

– разрабатывать модели сотрудничества администраций ООПТ с компаниями, оказывающими рекреационные услуги, основанные на системе гармонизированных целей развития и обязательств;

– усиливать маркетинговое продвижение рекреационной деятельности на ООПТ на региональном и национальном уровнях с применением сетевого подхода;

– разрабатывать и продвигать комплексные рекреационные программы (в том числе трансграничные) на основе использования ресурсов особо охраняемых природных территорий²⁴⁹.

Таким образом, на примере приграничного региона Республики Карелия была произведена апробация разработанных автором методических подходов к планированию пространственной организации рекреационной системы приграничного региона с учетом его типа и особенностей формирования пространственной организации, в соответствии с которым результаты типологизации дополняются результатами факторного анализа в части уточнения направлений развития рекреационной деятельности для групп исследуемых регионов с различным потенциалом в рамках сложившихся моделей развития рекреационной системы.

Выводы по главе 3:

Таким образом, можно сделать следующие **выводы по главе 3:**

²⁴⁹ Васильева А.В. Сравнительный анализ подходов к развитию рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях Республики Карелия и Финляндии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019, – №10, – С. 1969–1980.

1. На сегодняшний день отсутствуют согласованные подходы не только к выбору характеристик, используемых для типологизации приграничных регионов, но и к признанию самого факта приграничности в качестве основания для формирования отдельной группы регионов по этому признаку. Приводимые разными авторами выводы по этому вопросу лежат в диапазоне от «положительное влияние границы на развитие приграничных регионов невелико, лишь в начале 1990-х годов приграничность оказывала заметное положительное влияние на показатели развития наиболее активных регионов»²⁵⁰ до признания того, что приграничные регионы составляют особую совокупность, для которой должны быть разработаны рекомендации на основе проведенной группировки регионов с учетом выявленных характеристик для каждой группы.

2. Итоговая гипотеза данного исследования заключалась в предположении о том, что несмотря на имеющиеся риски и высокую степень неравенства по широкому кругу показателей российских регионов в целом и среди приграничных регионов в частности, фактор приграничного положения формирует дополнительные стимулы и оказывает превалирующее позитивное влияние на развитие рекреационных систем приграничных регионов, но при этом уровень и особенности развития рекреационных систем в условиях приграничья будут отличаться. Для преодоления этой сложности автором была разработана типология приграничных регионов по уровню развития рекреационной системы и влиянию на эти процессы приграничного положения, базирующаяся на методе многомерной классификации, примененном к системе 13 показателей, включающей в себя как данные, характеризующие социально-экономическое развитие региона, так и группы показателей количественных и качественных аспектов развития рекреационной деятельности в регионе, природно-климатические и экологические условия.

²⁵⁰ Дружинин П.В. Особенности развития приграничных регионов // Регионоведение. 2017. – Т. 25, № 2 (99). – С. 200–216.

3. По результатам интерпретации полученной автором дендрограммы была осуществлена типологизация регионов России по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему, в рамках которой сформированы группы приграничных регионов: I группа – перспективные для развития рекреационной деятельности, на которое фактор приграничного положения оказывает слабое влияние, II группа – активно развивающие рекреационную деятельность, в том числе за счет приграничного положения, III группа – отстающие в развитии рекреационной деятельности и не использующие преимущества приграничного положения и IV группа – регионы с наиболее развитыми рекреационными системами, с существенным вкладом в это развитие от приграничного положения. Регионы, исключенные из процедуры кластеризации на этапе формирования выборки (в силу выхода характеризующих их значений за границы стандартных отклонений), составили V группу – регионы-лидеры развития рекреационных систем, условная группа VI представлена регионами, которые не рассматривались как приграничные в связи с отсутствием государственной границы с сопредельными государствами. Итоги типологизации подтверждаются и коррелируются с представлениями о перспективных экономических специализациях регионов, закрепленных в Стратегии пространственного развития регионов до 2025 г.

4. Автором определена специфика развития рекреационных систем групп приграничных регионов, для каждой из которых определены наиболее значимые и эффективные направления, меры и стимулы развития рекреационной деятельности, которые могут использоваться для разработки рекомендаций в области федеральной и региональной политик, направленной на развитие рекреационной системы (в частности, создание обеспечивающей туристской инфраструктуры) с учетом характеристик каждой выявленной группы и определенных для нее приоритетов развития.

5. Учитывая специфические особенности ООПТ как элемента региональной рекреационной системы, автор дополнительно произвел типологиза-

цию всех регионов Российской Федерации по критерию соответствия фактической их обеспеченности ООПТ целевому показателю, установленному Международной конвенцией о сохранении биологического разнообразия – 17% от площади страны. Лишь в 10 регионах указанный целевой показатель обеспечен, и еще в 11 регионах фактическая обеспеченность превышает средний показатель по России (11,4%).

6. Произведенная на примере приграничного региона Республики Карелия апробация разработанных автором методических подходов к планированию пространственной организации рекреационной системы приграничного региона с учетом его типа и особенностей формирования пространственной организации, в соответствии с которыми результаты типологизации дополняются результатами факторного анализа в части уточнения направлений развития рекреационной деятельности для групп исследуемых регионов с различным потенциалом в рамках сложившихся моделей развития рекреационной системы, показала реализуемость и эффективность как самого подхода, так и разработанных в его рамках методик, а также позволила получить конкретные результаты в формате рекомендаций по повышению коммерциализации деятельности российских ООПТ с учетом пространственного аспекта и опыта, накопленного приграничными соседями – регионами Финляндии, составляющими с Карелией единое трансграничное экологическое пространство, которое может стать основой для развития экономических и социальных взаимоотношений приграничных территорий в рамках трансграничных регионов.

7. Также по результатам проведенной апробации автором сформулированы общие, соответствующие принципам и подходам устойчивого развития, рекомендации по повышению коммерциализации рекреационной деятельности российских ООПТ:

– при проектировании ООПТ допустимо ориентироваться на минимальный необходимый для обеспечения природоохранных функций режим охраны;

- подходить к определению площади ООПТ, исходя из научно обоснованной достаточности для выполнения природоохранных функций;
- разрабатывать модели сотрудничества администраций ООПТ с компаниями, оказывающими рекреационные услуги, основанные на системе гармонизированных целей развития и обязательств;
- усиливать маркетинговое продвижение рекреационной деятельности на ООПТ на региональном и национальном уровнях с применением сетевого подхода;
- разрабатывать и продвигать комплексные рекреационные программы (в том числе трансграничные) на основе использования ресурсов особо охраняемых природных территорий.

Заключение

По результатам выполненного исследования обоснованы следующие выводы:

1. Выраженная неравномерность регионального развития делает вопрос пространственной организации одним из наиболее актуальных для российской экономики, а разработка механизмов реализации и обеспечения адекватности мер осуществляемой государственной политики для достижения сбалансированного регионального развития, является неинвариантной относительно геоэкономических особенностей региона, а оптимальная пространственная организация региональных экономических систем – одно из необходимых условий эффективного, устойчивого и комплексного использования ресурсов и обеспечения экономического роста.

Выполненный автором в контексте применимости для практических целей управления пространственной организацией региональных экономических систем (РЭС) анализ тенденций развития теории экономических систем позволил обосновать следующую трактовку термина пространственная организация РЭС: являющаяся результатом деятельности субъектов управления РЭС система находящихся в сложных взаимосвязях территориально локализованных элементов, институционально объединенных в являющиеся объектами управления подсистемы (отрасли и сферы жизнедеятельности) таким образом, чтобы за счет эмерджентности самой системы и синергетического эффекта от согласованного управления ее подсистемами обеспечить устойчивое развитие региона.

2. Каждая из базовых подсистем РЭС, включая рекреационную подсистему, формируется, развивается и функционирует под воздействием различных факторов, некоторые из которых влияют одновременно на эффективность и устойчивость нескольких подсистем, что предопределяет требование к сбалансированности (в том числе, с пространственной точки зрения) процессов формирования и использования каждого из факторов развития региональных экономических систем.

3. Выполненный автором анализ диалектики развития теории экономических факторов, свидетельствующий о том, что система факторов экономического развития с момента своего зарождения находится в процессе перманентной трансформации, отражающей два находящихся в сложной взаимосвязи явления – укрупнение (расширение) предметной области одних факторов и дезагрегирование других, позволил сделать два взаимосвязанных вывода – об определенной условности текущей классификации факторов и о незавершенности процесса ее формирования. При этом большинство ученых склонны не увеличивать перечень основных экономических факторов (к которым на данный момент относятся труд, земля, капитал, предпринимательские способности и знания), а предлагают их более развернутые классификации, учитывающие множественность механизмов влияния того или иного фактора на эффективность экономического развития, в результате чего для современного этапа развития теоретических подходов к вопросу формирования пространственной организации экономических систем характерна разработка более сложных систем факторного влияния – как с точки зрения увеличения множественности механизмов влияния на развитие экономики каждого из основных экономических факторов, так и с точки зрения возникновения все большего числа синергетических эффектов в результате одновременного влияния на экономическое развитие различных комбинаций разных сторон как одного и того же, так и разных основных факторов. Выбор конкретного варианта дезагрегации каждого из пяти основных экономических факторов и окончательной конфигурации системы факторов зависит от объекта, предмета и цели исследования.

4. В целях исследования закономерностей формирования пространственной организации РЭС целесообразно в составе одного из основных экономических факторов – фактора земли – выделить фактор приграничного положения территории, который оказывает неравномерное и разнонаправленное влияние на развитие экономических систем приграничных регионов. С одной стороны, действующие нормативные акты различного уровня – от ме-

ждународных до местных – регламентируют многие аспекты влияния основных экономических факторов на развитие приграничных территорий, определенным образом ограничивая возможности перемещения трудового потенциала, приобретения земельных участков, ведения предпринимательской деятельности и вложения капитала, в том числе и в формате коммерческого использования знаний (информации). С другой стороны, все большее значение приобретает такое явление, как приграничное сотрудничество, которое с институциональной точки зрения также регулируется рядом документов, в первую очередь, Концепцией развития приграничного сотрудничества в Российской Федерации.

5. С учетом неравномерности и разнонаправленности влияния фактора приграничного положения регионов на развитие их экономических систем, а также активной трансформации режима приграничья в последние годы, усилия исследователей должны быть направлены на изучение новых возможностей для развития экономических систем приграничных регионов при одновременном появлении в некоторых из них ряда новых серьезных ограничений и рисков развития отдельных подсистем, в том числе, на изучение влияния фактора приграничного положения на развитие являющихся сложными системами рекреационных подсистем РЭС и их пространственную организацию.

6. Раскрытие содержания термина рекреационная подсистема РЭС требует уточнения содержания термина рекреация и некоторых связанных с ним терминов. Результатом анализа и сопоставления подходов разных групп ученых к определению и содержательному наполнению понятий «туризм» и «рекреация» стала возможность сделать несколько значимых для настоящей работы выводов:

- рекреационные занятия являются содержательной основой для развития многих видов туризма;
- отдельные рекреационные занятия не являются туризмом;

– некоторые виды туризма (деловой, шоп-туризм и др.) основаны не на рекреационных занятиях;

– потребителями рекреационных услуг являются как резиденты, так и нерезиденты региональной рекреационной подсистемы;

– понятия туризм и рекреация и производные от них не тождественны, они пересекаются и дополняют друг друга в экономическом измерении.

7. Хотя «профильный» закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» содержит не только указание на существование самостоятельной туристской деятельности, но и дает ее определение, подзаконный акт – ОКВЭД – не выделяет эту деятельность в качестве отдельного вида; определение рекреационной деятельности в федеральном законодательстве вообще отсутствует и при этом, если одни законы рассматривают достижение рекреационных целей в качестве одного из направлений туризма, то другие исходят из того, что организация туризма является одной из целей осуществления рекреационной деятельности.

8. Обобщая результаты трех выполненных анализов – трансформации сущностных подходов к семантике взаимной связи рекреации и туризма, нормативно-правовых основ формализации рекреационной деятельности и туристской деятельности в их взаимосвязи и трансформации подходов к сущности региональных рекреационных систем, являющихся подсистемами региональных экономических систем, автор обосновал следующее ориентированное на исследование пространственной организацией региональной рекреационной системы и максимально предметное процессное управление ею определение: ***региональная рекреационная система*** – устойчиво развивающаяся совокупность региональных экономических факторов (ресурсов), упорядоченных и взаимодействующих в целях максимально эффективного удовлетворения связанных с достижением рекреационных целей потребностей пребывающих на территории региона людей посредством осуществления ими туристской деятельности.

Предложенная трактовка термина региональная рекреационная система, содержит ряд принципиально важных аспектов:

– разработанная формулировка снимает вопрос о первичности рекреации или туризма, так как, в случае применения предложенного определения, предметное поле региональной рекреационной системы становится абсолютно зеркальным – обеспечение рекреационной деятельности, реализуемой в формате туризма, или, что то же самое – обеспечение туристской деятельности, осуществляемой в рекреационных целях. При этом обеспечение иных видов рекреационной деятельности, не связанных с туризмом, или которые не являются системообразующими для формирования туристского продукта, а также иных видов туристской деятельности, для которых рекреационные цели не являются превалирующими, остается целью функционирования и развития другой подсистемы региональной экономической системы, а именно – подсистемы третичного сектора, что полностью подтверждает выдвинутую гипотезу о возможности выделения региональной рекреационной системы в качестве самостоятельной подсистемы РЭС;

– одновременно снимается вопрос о физическом (объектном) и функциональном разграничении двух подсистем РЭС – рекреационной и окружающей среды. Региональная рекреационная подсистема включает, наряду с другими, ресурсы и объекты окружающей среды, непосредственно задействованные в процессе осуществления пребывающими на территории региона людьми туристской деятельности, ориентированной на достижение рекреационных целей;

– ссылка на то, что в рамках региональной рекреационной системы формирующие ее региональные экономические факторы (ресурсов) находятся в состоянии упорядоченности и взаимодействуют между собой, является указанием на то, что не только сама региональная рекреационная система, но и отдельные экономические факторы, формирующие ее, функционируют и трансформируются под влиянием управляющего воздействия со стороны

субъектов управления, составляющих управляющую подсистему (модуль) региональной рекреационной системы.

– указание на устойчивый характер развития региональной рекреационной системы предопределяет превалирование принципов устойчивого развития при формировании целей управления региональной рекреационной системой, выборе методов управления, а также видов и параметров управленческих воздействий.

9. Региональная рекреационная система – сложная структура, включающая в себя управляющий и управляемый модули. Эти модули формируются из определенного набора компонентов, между которыми возникают субъект-объектные отношения. При этом между элементами структуры управления возникают как субъект-объектные (федеральные, региональные и муниципальные органы исполнительной власти), так и субъект-субъектные отношения (например, между общественными советами и профильными ассоциациями).

Объектами управления структуры управления выступают сразу две группы объектов: элементы региональной рекреационной инфраструктуры и рекреационные ресурсы. При этом рекреационные ресурсы испытывают на себе влияние со стороны двух групп субъектов: структуры управления и компонентов рекреационной инфраструктуры.

10. ООПТ являются специфическими элементами региональной рекреационной системы, обладающими следующими особенностями:

– ООПТ, в отличие от других элементов региональной рекреационной системы, являются системообразующими элементами другой подсистемы региональной экономической системы – окружающей среды, в связи с чем основное нормативное регулирование и принятие основных управленческих решений осуществляется в рамках именно этой подсистемы. В рамках региональной рекреационной системы РЭС происходит формирование предложений и информации для принятия таких решений, а также организация их реализации в соответствующей части;

– в отличие от других элементов региональной рекреационной системы, возможность использования ООПТ ограничена нормативами и регламентами, устанавливаемыми индивидуально для каждой ООПТ, исходя из типа ООПТ, ее рекреационной емкости и других характеристик, определяющих ее природоохранную ценность и назначение;

– ООПТ, в отличие от других элементов региональной рекреационной системы, являются объектами живой природы, в связи с чем, наряду с нормативным управлением, при осуществлении использования и развития ООПТ должны применяться подходы процессного управления, в соответствии с которыми все задачи и все функции управления рассматриваются не отдельно друг от друга, а исключительно с позиции эффективности единого процесса управления по достижению единой цели по обеспечению устойчивого развития региона в целом и его рекреационной системы в частности.

11. Для обеспечения устойчивости развития целесообразно применять предложенный автором методический подход к оценке рекреационной емкости ООПТ, рассчитываемой, исходя из рекреационной емкости ее маршрутной сети, а не из общей площади территории ООПТ, а также использовать такой инструмент процессного подхода, как гармонизация процессов развития экскурсионных зоны в ООПТ и маршрутных сетей в них расширения целевых групп и общей численности привлекаемых в ООПТ рекреантов.

12. При этом, исходя из недостаточной на сегодняшний день востребованности российскими гражданами рекреационных услуг, предоставляемых в ООПТ, приграничное положение многих расположенных в приграничных регионах ООПТ может стать серьезным подспорьем для привлечения дополнительных рекреантов из числа жителей сопредельных государств – в случае, если в этих государствах спрос на рекреационные услуги выше.

13. Разработку практико-ориентированного научного инструментария в области управления развитием рекреации на региональном уровне целесообразно выполнять на основе результатов базирующейся на совместной обработке учитывающих комплексные представления о региональной рекреаци-

онной системе факторов, в рамках предложенного автором факторного анализа, в качестве объекта которого была выбрана совокупность субъектов Российской Федерации, имеющих сухопутные на материке (в том числе речные и озерные) и морские границы с другими государствами.

Исходя из классических подходов к определению экономических факторов и учитывая цели и задачи настоящей работы, такие факторы, как *труд, знания и предпринимательская способность* целесообразно рассматривать при выполнении предусмотренного анализа без разукрупнения, а факторы *земля* и *капитал* – в дезагрегированном виде с выделением в качестве имеющих особое значение именно для развития региональных рекреационных систем: из первого – природно-ресурсного фактора, экологического фактора, климатического фактора и фактора приграничного положения, а из второго – финансового капитала и инфраструктурного фактора.

14. В целях обеспечения максимальной эффективности функционирования всего управляющего модуля в условиях одновременного влияния значительного количества факторов необходимо гармонизировать деятельность всех субъектов управления, что можно сделать, алгоритмизировав процессы управления. Особое значение такая алгоритмизация имеет для процесса формирования и трансформации пространственной организации региональной рекреационной системы, так как, с одной стороны, именно в этом процессе задействовано максимальное количество субъектов управления, а, с другой стороны, именно пространственные аспекты организации региональной рекреационной системы оказывают являются наиболее чувствительными при осуществлении взаимодействия этой системы с другими подсистемами региональной экономической системы.

15. Автором разработана методология, включающая базирующуюся на четырехэтапном алгоритме процесса управления пространственной организацией региональной рекреационной системы методику и механизм, позволяющий учитывать в качестве внешних переменных, влияющих на вырабатываемые управленческие решения, те параметры, решения по которым при-

нимаются в рамках других управленческих процессов, реализуемых в рамках деятельности управляющего модуля, в том числе, субъектами управления, не участвующими в выработке управленческих решений ни по одному из аспектов пространственной организацией региональной рекреационной системы – например, по вопросам налогообложения предприятий и организаций туристско-рекреационного сектора, установления ставок арендной платы при аренде земельных участков, лесных участков, другого имущества, используемого в туристско-рекреационной деятельности, и другим общеэкономическим аспектам, принятие решений по которым напрямую не связано с вопросами пространственной организации, но может оказать существенное влияние на эффективность или неэффективность размещения конкретного объекта с конкретными характеристиками на конкретной территории, т. е. на пространственную организацию всей системы.

16. Реализация разработанной схемы алгоритма процесса управления пространственной организацией региональной рекреационной системы, в остальном максимально близкая к классической схеме, включающей идентификацию объекта управления, его текущего состояния и проблем развития, постановку целей и задач управления, выработку механизмов и мер, нацеленных на решение этих задач, организацию реализации этих мер и механизмов и последующий мониторинг, необходимый для оценки эффективности всего процесса управления, требует конкретизации содержания отдельных операций в рамках каждого из этапов с учетом выявленных ранее особенностей пространственной организации региональной рекреационной системы как объекта управления и специфики некоторых ее элементов, в том числе, исходя из проявляющихся в разных регионах особенностей влияния фактора приграничного положения на развитие рекреационных систем.

17. На сегодняшний день отсутствуют согласованные подходы не только к выбору характеристик, используемых для типологизации приграничных регионов, но и к признанию самого факта приграничности в качестве основания для формирования отдельной группы регионов по этому признаку. При-

водимые разными авторами выводы по этому вопросу лежат в диапазоне от отрицания существенного влияния приграничного положения регионов на их развитие до признания того, что приграничные регионы составляют особую совокупность, для которой должны быть разработаны рекомендации на основе проведенной группировки регионов с учетом выявленных характеристик для каждой группы.

18. В рамках выполненного исследования была проверена гипотеза, которая заключалась в предположении о том, что несмотря на имеющиеся риски и высокую степень неравенства по широкому кругу показателей российских регионов в целом и среди приграничных регионов в частности, фактор приграничного положения формирует дополнительные стимулы и оказывает превалирующее позитивное влияние на развитие рекреационных систем приграничных регионов, но при этом уровень и особенности развития рекреационных систем в условиях приграничья будут отличаться. Для преодоления этой сложности автором была разработана методика типологизации приграничных регионов по уровню развития рекреационной системы и влиянию на эти процессы приграничного положения, базирующаяся на методе многомерной классификации, примененном к системе 13 показателей, включающей в себя как данные, характеризующие социально-экономическое развитие региона, так и группы показателей количественных и качественных аспектов развития рекреационной деятельности в регионе, природно-климатические и экологические условия.

19. По результатам интерпретации полученной автором дендрограммы была осуществлена типологизация регионов России по параметрам влияния приграничного положения на региональную рекреационную систему в рамках которой сформированы группы приграничных регионов: I группа – перспективные для развития рекреационной деятельности, на которое фактор приграничного положения оказывает слабое влияние, II группа – активно развивающие рекреационную деятельность, в том числе за счет приграничного положения, III группа – отстающие в развитии рекреационной деятель-

ности и не использующие преимущества приграничного положения и IV группа – регионы с наиболее развитыми рекреационными системами, с существенным вкладом в это развитие от приграничного положения. Регионы, исключенные из процедуры кластеризации на этапе формирования выборки (в силу выхода характеризующих их значений за границы стандартных отклонений), составили V группу – регионы-лидеры развития рекреационных систем, условная группа VI представлена регионами, которые не рассматривались как приграничные в связи с отсутствием государственной границы с сопредельными государствами. Итоги типологизации подтверждаются и корреспондируются с представлениями о перспективных экономических специализациях регионов, закрепленных в Стратегии пространственного развития регионов до 2025 г.

20. Методика проведения анализа позволила автору определить специфику развития рекреационных систем групп приграничных регионов, для каждой из которых были определены наиболее значимые и эффективные направления, меры и стимулы развития рекреационной деятельности, которые могут использоваться для разработки рекомендаций в области федеральной и региональной политик, направленной на развитие рекреационной системы (в частности, создание обеспечивающей туристской инфраструктуры) с учетом характеристик каждой выявленной группы и определенных для нее приоритетов развития.

21. Учитывая специфические особенности ООПТ как элемента региональной рекреационной системы, дополнительно была произведена типологизация всех регионов Российской Федерации по критерию соответствия фактической их обеспеченности ООПТ целевому показателю, установленному Международной конвенцией о сохранении биологического разнообразия – 17% от площади страны. Лишь в 10 регионах указанный целевой показатель обеспечен, и еще в 11 регионах фактическая обеспеченность превышает средний показатель по России (11,4%).

22. Произведенная на примере приграничного региона Республики Карелия апробация разработанных автором методических подходов к планированию пространственной организации рекреационной системы приграничного региона с учетом его типа и особенностей формирования пространственной организации, в соответствии с которым результаты типологизации дополняются результатами факторного анализа в части уточнения направлений развития рекреационной деятельности для групп исследуемых регионов с различным потенциалом в рамках сложившихся моделей развития рекреационной системы, показала реализуемость и эффективность как самого подхода, так и разработанных в его рамках методик, а также позволила получить конкретные результаты в формате рекомендаций по повышению коммерциализации деятельности российских ООПТ с учетом пространственного аспекта и опыта, накопленного приграничными соседями – регионами Финляндии, составляющими с Карелией единое трансграничное экологическое пространство, которое может стать основой для развития экономических и социальных взаимоотношений приграничных территорий в рамках трансграничных регионов.

23. Также по результатам проведенной апробации автором сформулированы общие, соответствующие принципам и подходам устойчивого развития рекомендации по повышению коммерциализации рекреационной деятельности российских ООПТ:

- при проектировании ООПТ допустимо ориентироваться на минимальный необходимый для обеспечения природоохранных функций режим охраны;

- подходить к определению площади ООПТ исходя из научно обоснованной достаточности для выполнения природоохранных функций;

- разрабатывать модели сотрудничества администраций ООПТ с компаниями, оказывающими рекреационные услуги, основанные на системе гармонизированных целей развития и обязательств;

– усиливать маркетинговое продвижение рекреационной деятельности на ООПТ на региональном и национальном уровнях с применением сетевого подхода;

– разрабатывать и продвигать комплексные рекреационные программы (в том числе трансграничные) на основе использования ресурсов особо охраняемых природных территорий.

Библиографический список

1. Абрамян, С.И. Оценка влияния глобальных целей в области устойчивого развития на человеческий потенциал / С.И. Абрамян, Е.В. Рюмина, А.А. Федотов // Экономика и математические методы. – 2019. – № 55 (4). – С. 57–67. DOI: 10.31857/S042473880006773-9.
2. Айвазян, С.А. Индикаторы экономического развития в базисе характеристик региональной дифференциации / С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.В. Кудров // Прикладная эконометрика. – 2018. – Т. 50, № 2. – С. 4–22.
3. Айвазян, С.А. Метод кластеризации регионов РФ с учетом отраслевой структуры ВРП / С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.В. Кудров // Прикладная эконометрика. – 2016. – Т. 41, № 1. – С. 24–46.
4. Александрова, А.Ю. Сверхтуризм и туризмофобия в европейских городах-дестинациях (кейс Барселоны) / А.Ю. Александрова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2018. – Т. 12, № 4. – С. 56–68.
5. Александрова, А.Ю. Современные российские модели кластерообразования в туризме / А.Ю. Александрова // Туризм в глубине России: Сборник трудов IV Всероссийского научного семинара / Пермский государственный национальный исследовательский университет [и др.]. – 2016. – С. 11–15.
6. Аносов, А.В. Социально-экономическая дифференциация дальневосточных регионов России : [монография] / Андрей Владимирович Аносов; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т проблем региональной экономики РАН. – М., 2010. – 485 с.
7. Арбузов, С. Г. Особенности методологического и методического обеспечения экономической безопасности государства на современном этапе : специальность 08.00.05 «Экономическая безопасность» : автореф. дис. ... докт. эконом. наук / Арбузов Сергей Геннадьевич. – СПб., 2017. – 38 с. – Место защиты: С.-Петерб. гос. экон. ун-т.

8. Атлас Российского пограничья : [физический] : [сайт] / Лаборатория геополитических исследований ИГ РАН. – М., 2014. - URL: <https://tsamsonov.github.io/borderlands/> (дата обращения: 02.12.2019) – Текст: электронный.
9. Аузан, А.А. Стратегия-2035: предварительные гипотезы /А.А. Аузан // Журнал новой экономической ассоциации. – 2017. – № 3 (35). – С. 185–191.
10. Бакланов, П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам / П.Я. Бакланов // Вестник АРГО. – 2017. – № 6. – С. 6–11.
11. Бакланов, П.Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты / П.Я. Бакланов // Региональные исследования. – 2018. – № 3 (6). – С. 19–24.
12. Бакланов, П.Я. Влияние трансграничности на территориальные структуры Приморского края России и сопредельных территорий / П.Я. Бакланов, А.Н. Новиков, М.С. Новикова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Естественные науки. – 2018. – Т. 160. – С. 162–177.
13. Типология регионов России для целей региональной политики / В.А. Барина, С.М. Дробышевский, В.А. Еремкин [и др.] // Российское предпринимательство. – 2015. – № 16 (23). – С. 4199–4204. DOI: 10.18334/rp.16.23.2161
14. Бахмет, О.Н. Система особо охраняемых природных территорий Европейского Севера: состояние и перспективы развития / О.Н. Бахмет // Научные исследования на заповедных территориях: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения основателя Карадагской научной станции, доктора медицины, приват-доцента Московского университета Терентия Ивановича Вяземского, а также Году особо охраняемых природных территорий и

- Году экологии в России ; под общей редакцией Р.В. Горбунова. – Симферополь : Ариал, 2017. – С. 6.
15. Бездудная, А.Г. Диагностика пространственных аспектов и факторов инновационного развития регионов / А.Г. Бездудная, В.М. Разумовский, Д.Ю. Фраймович. – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2018. – 217 с.
 16. Биржаков, М.Б. Введение в туризм / М.Б. Бирдаков. – Санкт-Петербург : Издат. Дом «Герда». – 2002. – 320 с.
 17. Родовые и видовые признаки в системах классификации туризма / М.Б. Биржаков, Ю.С. Путрик, Т.А. Сорвина, Т.М. Глушанок // Туризм и образование: исследования и проекты : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. – С. 96–101.
 18. Боголюбова, С.А. Эколого-экономическая оценка рекреационных ресурсов / С.А. Боголюбова // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 3. – С. 27-28.
 19. Бредихин, А.В. Экстремизм на Юге России: внешние вызовы : [монография] / Антон Викторович Бредихин ; Центр исследования проблем безопасности РАН. – Москва : АНО ЦЭМИ ; Архонт, 2019. – 151 с.
 20. Буйленко, В.Ф. Основы профессиональной деятельности в туризме и экотуризме / В.Ф. Буйленко. – Москва : Феникс. – 2008. – 384 с.
 21. Типология российских регионов / Б. Бутс, С. Дробышевский, О. Кочеткова [и др.] – Москва : Институт экономики переходного периода. – 2002. – 157 с.
 22. Васильева, А.В. Особенности развития устойчивого туризма в приграничном регионе (на примере Республики Карелия) / А.В. Васильева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2015. – № 3 (55). – С. 350–357.
 23. Васильева, А.В. Рекреационная емкость как организационно-экономический инструмент развития экологического туризма на особо

- охраняемой природной территории / А.В. Васильева, В.С. Плотникова // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 2191–2202. DOI: 10.18334/eo.9.3.40950
24. Васильева, А.В. Сравнительный анализ подходов к развитию рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях Республики Карелия и Финляндии / А.В. Васильева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. – №10. – С 1969–1980.
25. Васильева, А.В. Туризм как направление диверсификации экономики региона / А.В. Васильева // Экономика и управление номер. 2013. – №7 (93). – С. 89–93.
26. Временная методика определения рекреационных нагрузок на природные комплексы при организации туризма, экскурсий, массового повседневного отдыха и временные нормы нагрузок / Государственный комитет СССР по лесному хозяйству. – Москва, 1987. – 33 с.
27. Герасименко, Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов / Т.И. Герасименко. – Санкт-Петербург, 2005. – 235 с.
28. Гранберг, А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России / А.Г. Гранберг // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2. – С. 166.
29. Гранберг, А.Г. Программа фундаментальных исследований пространственного развития России и роль в ней Северо-Западного региона / А.Г. Гранберг // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2009. – № 1 (38). – С. 1–6.
30. Двас, Г.В. Цели, ключевые факторы и механизмы социально-экономического развития региона / Г.В. Двас. – Санкт-Петербург, 2013. – 133 с.
31. Двас, Г.В. Будущее России: проблемы и пути решения (по материалам Петербургского международного экономического форума 2016 г.) / Г.В. Двас, С.В. Кузнецов, А.М. Ходачек // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2017. – № 1 (53–54). – С. 19-34.

32. Дружинин, П.В. Особенности развития приграничных регионов / П.В. Дружинин // Регионоведение. – 2017. – Т. 25, № 2 (99). – С. 200–216.
33. Дружинин, П.В. Развитие территорий Зеленого пояса Фенноскандии на основе активизации туризма / П.В. Дружинин, Г.Т. Шкиперова, А.Е. Курило // Труды Карельского научного центра РАН. Серия: Зеленый пояс Фенноскандии. – 2019. – № 4. – С. 154–165. DOI: 10.17076/them1005.
34. Зорин, И.В. Туризм как вид деятельности / И.В. Зорин, Т.П. Каверин, В.А. Квартальнов. – Москва : Финансы и статистика. – 2002. – 228 с.
35. Зорин, И.В. Профессиональная направленность рекреационной сущности экогуманизма / И.В. Зорин, С.Г. Лаковский // IV Международный форум "Туризм: наука и образование": Сборник материалов международных научных конференций ; под ред. В.Ю. Питюкова. – Москва : Университетская книга, 2018. – С. 73–80.
36. Зубаревич, Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики / Н.В. Зубаревич // Пространственная экономика. – 2017. – № 2. – С. 46–57.
37. Зубаревич, Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н.В. Зубаревич // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145.
38. Карпова, Г.А. Стратегические направления формирования и развития туристско-рекреационных зон в России / Г.А. Карпова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 4 (118). – С. 85–89.
39. Карпова, Г.А. Перспективы развития туризма в России в условиях кризиса / Г.А. Карпова, А.В. Кучумова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2016. – № 3. – С. 136–141.
40. Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения / А.П. Катровский, Ю.П. Ковалев, Л.Ю. Мажар, С.А.

- Щербакова // Балтийский регион. 2017. – Т. 9, № 1. – С. 113–126. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-1-7.
41. Клейнер, Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 4–28.
42. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии / Е.А. Коломак, В.А. Крюков, Л.В. Мельникова [и др.] // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2. – С. 264–287.
43. Колосов, В.А. Современная политическая география и исследования государственных границ / В.А. Колосов // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития : материалы Международной научной конференции / Южный федеральный университет, Институт географии РАН [и др.] ; под редакцией А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. – Ростов-на-Дону : Южный Федеральный университет, 2010. – С. 56–66.
44. Колосов, В.А. Парадоксы глобализации и усиливающиеся барьерные функции границ в современном мире / В.А. Колосов // Региональные исследования. – 2018. – № 3 (61). – С. 9–18.
45. Колосов, В.А. Современное российское пограничье: проблемы изучения и некоторые выводы / В.А. Колосов // Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Институт географии РАН ; под редакцией В.А. Колосова, А.Б. Володина. – Москва, 2019. – Вып. 2. – С. 7–22.
46. Колосов, В.А. Барьерная функция российских границ / В.А. Колосов, М.В. Зотова, А.Б. Себенцова // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2016. – № 5. – С. 8–20.
47. К определению границ Зеленого пояса Фенноскандии / А.М. Крышень, А.Ф. Титов, Р. Хейкиля [и др.] // Труды Карельского научного центра РАН. – 2013. – № 2. – С. 92–96.

48. Кузнецов, С.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций / С.В. Кузнецов, Н.М. Межевич, В.А. Шамахов // Управленческое консультирование. – 2019. – № 6 (126). – С. 10–18.
49. Кузнецов, С.В. Рейтинг как мера оценки качества жизни в российских регионах / С.В. Кузнецов, Ю.И. Растова, М.А. Растов // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 1. – С. 137–146. DOI: 10.17059/2017–1–13.
50. Кузнецов, С.В. Факторы пространственного развития макрорегиона Северо-Запад / С.В. Кузнецов, Р.Б. Ротенберг // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – № 2. – С. 46–51.
51. Кусков, А.С. Основы туризма / А.С. Кусков, Ю.А. Джаладян. – Москва: КНОРУС, 2008. – 400 с.
52. Мажар, Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы : [монография] / Л.Ю. Мажар. – Смоленск : Универсум, 2008. – 211 с.
53. Максимцев, И.А. Приграничное сотрудничество в Северо-Западном федеральном округе в условиях нарастающей политической и экономической неопределенности / И.А. Максимцев, Н.М. Межевич // Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Институт географии РАН ; под редакцией В.А. Колосова, А.Б. Володина. – Москва, 2019. – Вып. 2. – С. 88–95.
54. Минакир, П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики / П.А. Минакир // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып.4. – С. 967–980.
55. Минакир, П.А. Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России / П.А. Минаки, О.М. Прокапало // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2.

56. Минакир, П.А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 6–32.
57. Минакир, П.А. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию (статья первая) / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко // Регионалистика. – 2017. – Т. 4, № 1. – С. 5–14.
58. Мироненко, Н.С. Рекреационная география / Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов. – Москва : Изд-во МГУ, 1981. – 208 с.
59. Михайленко, А.Н. Факторы развития приграничья (на примере приграничных территорий России и Китая) / А.Н. Михайленко, И.И. Арсентьева // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. – 2013. – № 1 (78). – С. 90–100.
60. Морозова, В.В. Туризм, рекреация и территориальное планирование в Российской Федерации / В.В. Морозова, Е.Ю. Колбовский // Туризм в глубине России : Сборник трудов международного научного семинара (19-25 июля 2010 г.) / Пермский государственный университет, Благотворительный фонд попечительства Пермского гос. ун-та "УНИ-ФОНД". – 2010. – С. 46–52.
61. Николаенко, Д.В. Рекреационная география : Учебное пособие / Дмитрий Васильевич Николаенко. – Москва : ВЛАДОС, 2001. – 288 с.
62. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / С.И. Ожегов. – [4-е изд., стереотип.]. – Москва, 2010. – 768 с.
63. Осадчая, О.П. Основные формы организации приграничного сотрудничества: монография / О.П. Осадчая, Д.В. Ремизов – Рубцовск : Рубцовский индустриальный институт, 2013. – 155 с.
64. Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона : [монография] / Ю.В. Савельев, О.В. Толстогузов [и др.] ; Институт экономики КарНЦ РАН. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. – 490 с.

65. Петрова, Е.Г. Демографическая емкость территории субъектов РФ при экологически устойчивом типе природопользования / Е.Г. Петрова // Вестник МГУ. – 1997. – № 5. – С. 32–33.
66. Преображенский, В.С. Основные концепции и модели рекреалогии / В.С. Преображенский, В.А. Квартальнов // Теоретические проблемы рекреационной географии / Институт географии АН СССР [и др.]. – Москва, 1989. – С. 14.
67. Проблемные регионы ресурсного типа: программы, проекты и транспортные коридоры : [монография] / М.К. Бандман, В.Ю. Малов, Т.Н. Есикова [и др.] ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2000. – 264 с.
68. Разумовский, В.М. Природопользование : Учебник / Владимир Михайлович Разумовский. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Пб. ун-та, 2003. – 291 с.
69. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения : Избранное : [в 3 томах] / Давид Рикардо. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 339 с.
70. Римашевская, Н.М. Социально-экономическое неравенство в России / Н.М. Римашевская, Л.А. Мигранова // Народонаселение. – 2016. – № 3(73). – С. 17–33.
71. Родоман, Б.Б. Туризм как образ жизни: накопление достижений / Б.Б. Родоман // География и туризм. – 2018. – № 2. – С. 5–8.
72. Российское пограничье: вызовы соседства : [монография] / В.А. Колосов, О.И. Вендина, М.В. Зотова [и др.] ; Институт географии РАН. – Москва : ИП Матушкина И.И., 2018. – 582 с. + 32 с. ил.
73. Рянский, Ф.Н. К разработке концепции сбалансированного эколого-экономического развития региона / Ф.Н. Рянский // Региональные проблемы. – 1995. – № 1–2. – С. 67–71.

74. Саранча, М.А. Проблемы концептуального определения и соотношения понятий "туризм" и "рекреация" / М.А. Саранча // Вестник Удмуртского университета. Серия: Биология. Науки о Земле. – 2009. – № 2. – С. 105–118.
75. Саранча, М.А. Эволюция подходов к исследованию территориальных туристско-рекреационных систем / М.А. Саранча, А.С. Кусков // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 3. – С. 101–113.
76. Саушкин, Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза / Ю.Г. Саушкин // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 1980. – № 4. – С. 3–13.
77. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит. – Москва : Эксмо, 2007. – 443 с.
78. Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Финляндской республики о заповеднике «Дружба» соглашение совета министров СССР 26 октября 1989 г. (Хельсинки, 26 октября 1989 года). – Текст : электронный // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. – 2020. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901863> (дата обращения: 00.00.2020).
79. Социальные инновации повышения доступности социальных услуг в условиях территориальной дифференциации: опыт эмпирических исследований : [монография] / Т.В. Морозова, М.В. Дьяконова, И.В. Тимаков [и др.] ; Институт экономики КарНЦ РАН. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. – 172 с.
80. Степанова, С.В. Развитие туризма в приграничье: преимущества или ограничения? (Карельская практика) / С.В. Степанова // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 94–111. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-2-6.

81. Степанова, С.В. Туристский вектор развития приграничных регионов Северо-Запада России / С.В. Степанова // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 147-163. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-3-9.
82. Степанова, С.В. Туристский ресурс границ: потенциал приграничных регионов Северо-Запада России / С.В. Степанова // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9, № 2. – С. 105-121. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-2-6.
83. Степаницкий, В.Б. Развитие систем ООПТ в регионах России и сохранение биоразнообразия / В.Б. Степаницкий. – Текст : электронный // Заповедная Россия : [сайт]. – 2015. – URL: <http://news.zapoved.ru/2016/03/09/razvitie-sistem-oopt-v-regionah-rossii-i-sohranenie-bioraznoobraziya/> (дата обращения: 24.02.2018).
84. Татаркин, А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий / А.И. Татаркин // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 1. – С. 9–27. DOI: 10.17059/2016–1–1.
85. Татаркин, А.И. Модернизационное обновление российского пространства на основе инновационных инициатив / А.И. Татаркин // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 1 (89). – С. 6–33.
86. Теоретические основы рекреационной географии / отв. ред. В.С. Преображенский. – Москва : Наука, 1975. – 189 с.
87. Тихонова, Т.В. Оценка эффективности направлений развития особо охраняемых природных территорий Республики Коми / Т.В. Тихонова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1 (37). – С. 182–195.
88. Толстогузов, О.В. Типология периферийных регионов и особенности граничной периферии Северо-запада России / О.В. Толстогузов // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 47. – С. 6–13.
89. Цветков, В.А. Совершенствование механизмов регулирования пространственного развития как важнейший вектор нового качества экономического роста территории / В.А. Цветков, К.Х. Зоидов, З.К. Ома-

- рова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2012. – № 4 (34). – С. 11–25.
90. Шаклеина, М.В. Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности / М.В. Шаклеина, А.З. Мидов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 39–54. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.3.
91. Шлапеко, Е.А. Великий шелковый путь и евразийская интеграция / Е.А. Шлапеко, С.В. Степанова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 43–52.
92. Экологический атлас России : [карты] / Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Русское географическое общество, МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : Феория, 2017. – 1 атл. (509 с.) : цв., карты, текст, табл., диагр., граф., ил.
93. Экология и природопользование : Учебное пособие / Министерство образования и науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов ; под ред. В.М. Разумовского. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 167 с.
94. Ярашева, А.В. Типология регионов РФ по потребительскому поведению домохозяйств / А.В. Ярашева, Е.А. Макарова // Народонаселение. – 2015. – № 3 (69). – С. 77-84.

Источники на иностранных языках

95. Adams, K. Narratives of a “Dental Oasis”: examining media portrayals of dental tourism in the border town of Los Algodones, Mexico / K. Adams, J. Snyder, V.A. Crooks // Journal of Borderlands Studies. – 2019. – Vol. 34 (3), P. 325–341. DOI:10.1080/08865655.2016.1267584.
96. Alegria, T. Demand and supply of Mexican cross-border workers / T. Alegria // Journal of Borderlands Studies. – 2002. – Vol. 17 (1). – P. 37–55. DOI:10.1080/08865655.2002.9695581/

97. Anderson, J. Economic survival strategies of poor families on the Mexican Border / J. Anderson, Martin de la Rosa // *Journal of Borderlands Studies*. - Vol. 6 (1) – P. 51–68. DOI: 10.1080/08865655.1991.9695404
98. Arieli, T. Israeli-Palestinian border enterprises revisited / T. Arieli // *Journal of Borderlands Studies*. – Vol. 24 (2). – P. 1–14. DOI:10.1080/08865655.2009.9695724.
99. Baklanov, P.Ya. The influence of transboundariness on the territorial structures of Russian Primorsky Krai and adjacent areas / P.Ya. Baklanov, A.N. Novikov, M.S. Novikova // *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Estestvennye Nauki*. – Vol. 160, N 1. – P. 162–177.
100. Baud-Bovy, M. New concept in planning for tourism and recreation / M. Baud-Bovy // *Tourism management*. – 1982. – Vol 3,N 4. – P. 308.
101. Spatial frictions / K. Behrens, G. Mion, Y. Murata, J. Suedekum // *Journal of Urban Economics*. – 2017. – Vol. 97. – P. 40–70.
102. Ben-Chieh, L. Quality of life indicators in U.S. Metropolitan areas, 1970: a statistical assessment. – N.Y. : The Praeger Publishers, 1976.
103. The dark side of regional industrial path development: towards a typology of trajectories of decline / J. Blažek, V. Květoň, S. Baumgartinger-Seiringer, M. Trippl // *European Planning Studies*. – 2019. – Vol. 11. – P. 1–19. DOI: 10.1080/09654313.2019.1685466.
104. Bosker, M. Hukou and Highways. The impact of China's spatial development policies on urbanization and regional inequality / M. Bosker, U. Deichmann, M. Roberts // *Regional Science and Urban Economics*. – 2018. – Vol. 71. – P. 91–109.
105. Boudeville, J. L'espace et les Pôles de Croissance / J. Boudeville. – Paris : PUF, 1968. – 232 p.
106. Brannon, J.T. Commercial banking on the U.S.-Mexico Border / J.T. Brannon, D. Wilke, P. Kriner // *Journal of Borderlands Studies*. – 1987. – Vol. 2, Issue 1. – P. 17–35. DOI:10.1080/08865655.1987.9695334.

107. Burkart, A.J. Tourism: past, present and future / A.J. Burkart, S. Medlik. – London : Heinemann, 1981. – 366 p.
108. Butler, R.W. The concept of the tourist area life-cycle of evolution: implications for management of resources / R.W. Butler // Canadian Geographer. – 1980. – Vol. 24 (1). – P. 5–12.
109. Chilla, T. Cross-border commuting dynamics: patterns and driving forces in the Alpine Macro-region / T. Chilla, A. Heugel // Journal of Borderlands Studies. – 2019. – Vol. 12 (10). DOI: 10.1080/08865655.2019.1700822.
110. Christaller, W. Some considerations of tourism location in Europe: the peripheral regions-underdeveloped countries-recreation areas / W. Christaller // Regional Science. – 1964. – Vol. 12 (1). – P. 95–105.
111. Christaller, W. Central Places in Southern Germany / W. Christaller ; translated by C.W. Baskin. – Englewood Cliffs, NJ, 1967. – 132 p.
112. Cobb, S.L. The impact of maquiladoras on commuter flows in the Texas-Mexican Border / S.L. Cobb, D.J. Molina, K. Sokulsky // Journal of Borderlands Studies. – 1989. – Vol. 4 (1). – P. 71–88. DOI:10.1080/08865655.1989.9695368.
113. Commission Implementing Regulation (EU) № 897/2014 of 18 August 2014 laying down specific provisions for the implementation of cross-border cooperation programmes financed under Regulation (EU) № 232/2014 of the European Parliament and the Council establishing a European Neighbourhood Instrument. – Текст : электронный // Karelia CBC : [сайт]. – URL: [https://www.pbu2020.eu/files/uploads/pages_en/Programme%20documents/Implementing%20Regulation%20\(EU\)%20No%20897-2014.pdf](https://www.pbu2020.eu/files/uploads/pages_en/Programme%20documents/Implementing%20Regulation%20(EU)%20No%20897-2014.pdf) . - Дата публикации: 14 августа 2019.
114. De Bruyne, K. The location of economic activity: first versus second nature core-periphery theories / R. De Bruyne // Tijdschrift vor Economie en Management. – 2006. – Vol. LI, N 1. – P. 75–104.

115. Durand, F. A multidimensional measurement of the integration between European border regions / F. Durand, A. Decoville // *Journal of European Integration* – 2020. – Vol. 42 (2). – P. 163–178. DOI: 10.1080/07036337.2019.1657857.
116. Fujita, M. *The spatial economy: cities, regions and international trade* / M. Fujita, P. Krugman, A. Venables. – Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2001. – 388 p.
117. Fujita, M. *The New economic geography. Past, present and the future* / M. Fujita, P. Krugman // *Papers in Regional Science*. – 2004. – Vol. 83. – P. 139–164.
118. Getz, D. *Models in tourism planning: towards integration of theory and practice* / D. Getz // *Tourism Management*. – 1986. – Vol. 7 (1) – P. 21–32.
119. Global investment flows flat in 2019, moderate increase expected in 2020 – Текст : электронный // United National Conference on Trade and Development : [сайт]. – 2019. – URL: <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2274>. Дата публикации: 17 августа 2019.
120. Hagerstrand, T. *Innovation diffusion as a spatial process* / T. Hagerstrand ; postscript and translation by A. Pred. – Chicago and London : University of Chicago Press, 1967. – 334 p.
121. Haggard, S. *The Microeconomics of North-South Korean cross-border integration* / S. Haggard, M. Noland // *International Economic Journal*. – 2012. – Vol. 26 (3). – P. 407–430. DOI:10.1080/10168737.2012.707872.
122. Hall, C. M. *Introduction to tourism: development, dimensions and issues* / C.M. Hall. – Sydney : Pearson Education Australia, 1998.
123. Heidenreich, M *The changing system of European cities and regions* / M. Heidenreich // *European Planning Studies*. – 1998. – Vol. 6 (3), P. 315–332. DOI: 10.1080/09654319808720464.

124. Helpman, E. The size of regions. Working paper № 14-95. The foerder institute for economic research / E. Helpman. – Текст : электронный. – 2013. – URL: <http://econ.tau.ac.il/papers/foerder/14-95.pdf> – Дата публикации: 15 марта 2013.
125. Hoff, M. Business districts: the spatial characteristics of FDI within cities / M. Hoff, R. Wall // *European Planning Studies*. – 2020. – Vol. 28 (2). – P. 273–295. DOI: 10.1080/09654313.2019.1651830.
126. Hunziker, W. Social tourism: its nature and problems / W. Hunziker. – Paris : Aliance International de Turisme, 1951.
127. Statistical Papers. Series M / Dep. of econ. a. social affairs, Statist. div. - New York : UN, 1953. – N 83, rev. 1: International recommendations for tourism statistics, 2008. – 134 p.
128. Isard, W. Methods of regional analysis : an introduction to regional science / W. Isard. – Cambridge : The M.I.T. Press, 1960. – 784 p.
129. Quantifying nature-based tourism in protected areas in developing countries by using social big data / Y. Kim, C. Kim, D.K. Lee, H. Lee, R.T. Andrada // *Tourism Management*. – 2019. – Vol. 72. – P. 249-256.
130. Kolosov, V.A. The barrier function of Russia's borders / V.A. Kolosov, M.V. Zotova & A.B. Sebentsov. – Текст : электронный // *Regional Research of Russia*. – Vol. 6, № 4. – P. 387–397.
131. Krätke, S. Where East meets West: The German – polish border region in transformation / S. Krätke // *European Planning Studies*. – 1996. – Vol. 4 (6). – P. 647–669. DOI: 10.1080/09654319608720372.
132. Krugman, P. Increasing returns and economic geography / P. Krugman // *The Journal of Political Economy* 1991. – Vol. 99, N 3. – P. 483–499.
133. Kudrin, A., Knobel, A. Russian budget structure efficiency: Empirical study / A. Kudrin, A. Knobel // *Russian Journal of Economics*. – 2018. – Vol. 4 (3). – P. 197–214.

134. Launhardt, W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage / W. Launhardt // Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure. – 1882. – Vol. 26 (Mar.) – P. 106–115.
135. Leiper, N. The framework of tourism: towards a definition of tourism, tourist, and the tourist industry / N. Leiper // Annals of Tourism Research. – 1979. – Vol. 6. – P. 390–407.
136. Lösch, A. Die räumliche Ordnung der Wirtschaft / A. Lösch. – Jena, 1944. – 380 p.
137. Lundgren, J.O.J. The tourist frontier of Nouveau Quebec: Functions and regional linkages / J.O.J. Lundgren // The Tourist Review. – 1982. – Vol. 37, N 2. – P. 10–16. DOI: /10.1108/eb057856/.
138. A social network analysis of cooperation in forest, mining and tourism industries in the Finnish–Russian cross-border region: connectivity, hubs and robustness / T. Makkonen, T.J. Hokkanen, T. Morozova, M. Suharev // Eurasian Geography and Economics. – 2018. – Vol. 59, Issue 5/6. – P. 685–707. DOI: 10.1080/15387216.2019.1593209.
139. Makkonen, T. Locational challenges and opportunities for SMEs in border regions / T. Makkonen, B. Leick // European Planning Studies. – 2019. – [Epub ahead of print 22 Dec 2019]. – P. 1–20. DOI:10.1080/09654313.2019.1705765
140. Marquez, R.R. Migration in the life course of women in the border city of Matamoros. Tamualipas: Links to educational, family, and labor trajectories / R.R. Marquez, Y.C. Padilla // Journal of Borderlands Studies. – 2003. – Vol. 18 (2). – P. 87–104. DOI:10.1080/08865655.2003.9695608.
141. Maza, A. A New FDI potential index: design and application to the EU regions / A. Maza, J. Villaverde // European Planning Studies. – 2015. – Vol. 23 (12). – P. 2535–2565. DOI: 10.1080/09654313.2015.1020771.
142. Mendoza, J. E. Economic integration, emerging fields and cross-border governance: the case of San Diego–Tijuana / J.E. Mendoza, B.

- Dupeyron // *Journal of Borderlands Studies*. – 2020. – Vol. 35 (1). – P. 55–74. DOI:10.1080/08865655.2017.1367711.
143. A co-designed method to guide decision-making in protected area visitor centres / R.A. Moreno-Llorcaa, V.J. García-Moralesb, J.F. Lloréns-Montesb [et al.] // *Journal of Environmental Management*. – 2019. – Vol. 233. – P. 586–594.
144. Mori, T. Skills, Agglomeration, and Segmentation / T. Mori, A. Turrini // *European Economic Review*. – 2005. – Vol. 49. – P. 201–225.
145. Myrdal, G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions* / G. Myrdal. – London : Duckworth, 1957.
146. Myrdal, G. *Asian drama: an inquiry into the poverty of nations* / G. Myrdal. – London : Penguin Books, 1968.
147. Oberle, A.P. Mexican medical border towns: A case study of Algodones, Baja California / A.P. Oberle, D.D. Arreola // *Journal of Borderlands Studies*. – 2004. – Vol. 19 (2). – P. 27–44. DOI: 10.1080/08865655.2004.9695625.
148. Oscar, J. Martínez Transnational fronterizos: cross-border linkages in Mexican Border Society / Oscar J. Martínez // *Journal of Borderlands Studies*. – 1990. – Vol. 5 (1). – P. 79–94. DOI:10.1080/08865655.1990.9695388
149. Ottaviano, G. Monopolistic competition, trade, and endogenous spatial fluctuations / G. Ottaviano // *CEPR Discussion Paper*. – 1996. – N 1327.
150. Patrick, J.M. A preliminary assessment of NAFTA's impact on the Texas border economy / J.M. Patrick // *Journal of Borderlands Studies*. – 1996. – Vol. 11 (2). – P. 23-50. DOI: 10.1080/08865655.1996.9695489.
151. Perroux, F.L. *L'Economie du XX-e siècle* / F.L. Perroux. – Paris, 1961. – 598 p.
152. Plog, S.C. Why destinations areas rise and fall in popularity Cornell / S.C. Plog // *Hotel and Restaurant Association Quarterly*. – 1973. – Vol. 13. – P. 6–13.

153. Pottier, P. Axes de communication et developement economique / P. Pottier // *Revue economique*. – 1963. – Vol. 14. – P. 63–95.
154. Principles of protected area management in Finland / Metsähallitus. – Vantaa. – 2016. – 143 p. – (Nature Protection Publications of Metsähallitus, Series B 217).
155. Ratzel, F. Politische geographie / F. Ratzel. – München und Leipzig, 1897. – 715 p.
156. Ratzel, F. Das Meer als Quelle der Völkergrösse: eine politischer-geographische Studie / F. Ratzel. – München und Berlin : Oldenbourg, 1900. – 91 p.
157. Regulation (EU) № 232/2014 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2014 establishing a European Neighbourhood Instrument. – Текст : электронный // Karelia CBC : [сайт]. – 2019. – URL: <https://kareliacbc.fi/sites/default/files/assets/images/dokumentit/232%20-%202014%20ENI%20regulation.pdf> . – Дата публикации:14 августа 2019.
158. Reza, E.M. Observations on the implementation of the North American agreement on labor cooperation: Emerging issues and initial impacts on united states-Mexico labor relations / E.M. Reza, L. Peake, H. Dyck // *Journal of Borderlands Studies*. – 1996. – Vol. 11 (1). – P. 59–72. DOI: 10.1080/08865655.1996.9695483.
159. Richardson, H.W. Regional Growth Theory / H.W. Richardson. – London, 1973.
160. Richardson, H.W. Growth Centers, Rural Development and National Urban Policy: A Defence / H.W. Richardson // *International Regional Science Review*. – 1978. – Vol. 3. – P. 133–152.
161. Sanderson, M.R. Free trade, food-processing, and migration: An analysis of Mexican immigration in the U.S. Great Plains Region / M.R. Sanderson // *The Social Science Journal*. – 2014. – Vol. 51 (3). – P. 474–482. DOI: 10.1016/j.soscij.2013.11.001.

162. Scott, J.W. Inducing transboundary regionalism in asymmetric situations: The case of the German-Polish Border / J.W. Scott, K. Collins // *Journal of Borderlands Studies*. – 1997. – Vol. 12 (1). – P. 97–121. DOI:10.1080/08865655.1997.9695500.
163. Segal, U.A. Mexican Migration to the United States: A Focus on Missouri / U.A. Segal // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. – 2008. – Vol. 6 (3). – P. 451–462. DOI: 10.1080/15362940802371937.
164. Stoffelen, A. Obstacles to achieving cross-border tourism governance: A multi-scalar approach focusing on the German-Czech borderlands / A. Stoffelen, D. Ioannides, D. Vanneste // *Annals of Tourism Research*. – 2017. – Vol. 64. – P. 126–138. DOI: 10.1016/j.annals.2017.03.003.
165. Thünen, J. H. Der isolierte staat in beziehung auf landwirtschaft und nationalökonomie / J.H. Thünen. – Hamburg, 1826. – 678 p.
166. Tölle, A. National planning systems Between convergence and incongruity: implications for cross-border cooperation from the German–Polish perspective / A. Tölle // *European Planning Studies*. – 2013. – Vol. 21 (4). – P. 615–630. DOI:10.1080/09654313.2012.722957.
167. Leiper, N. The framework of tourism: towards a definition of tourism, tourist, and the tourist Industry / N. Leiper // *Annals of Tourism Research*. – Vol. 6 (4). – P. 390–407.
168. Weber, A. Über den Standort der Industrien / A. Weber. – Tübingen, 1909. – 246 p.
169. Weidenfeld, A/ Tourism and cross-border regional innovation systems / A. Weidenfeld // *Annals of Tourism Research*. – 2013. – Vol. 42. – P. 191 – 213. DOI: 10.1016/j.annals.2013.01.003.
170. Transforming protected area management in China / Weihua Xu, Stuart L.Pimm, Ao Du [et al.] // *Trends in Ecology & Evolution*. – 2019. – Vol. 7. – P. 1–4.

171. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. – Текст : электронный // World Bank Group : [сайт]. – 2020. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> – Дата публикации: 25 июля 2017.
172. Quantifying nature-based tourism in protected areas in developing countries by using social big data / K. Yoonjung, K. Choong-ki, L. Dong Kun [et al.] // *Tourism Management*. – 2019. – Vol. 72. – P. 249–256.
173. Yoskowitz, D.W. Penetration of the Mexican peso into U.S. retail operations: An examination of Texas firms along the Mexican border / D.W. Yoskowitz, M.J. Pisani // *Journal of Borderlands Studies*. – 2002. – Vol. 17(2). – P. 53–62. DOI:10.1080/08865655.2002.9695590.
174. Zaitseva, N.A. Problems and prospects of cross-border cooperation in tourism between Russia and Europe / N.A. Zaitseva, E.G. Kropinova // *Baltic Region*. – 2016. – Vol. 8 (3). – P. 98–108. DOI:10.5922/2074-9848-2016-3-8.

Официальные сайты

175. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) : [сайт] / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 1999 – . – URL: <https://www.gks.ru/emiss> (дата обращения: 15.04.2019). – Текст : электронный.
176. Заповедные тропы : [сайт]. – 2017. – № 4 (59). – URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/39faab_4b4a0cd364e148ddb95b9041d26394e.pdf (дата обращения: 02.12.2019). – Текст : электронный.
177. Открытые данные : [сайт] / Федеральное агентство по туризму. – Москва. – URL: https://www.russiatourism.ru/contents/otkrytoe_agentstvo/otkrytye-dannye/ (дата обращения: 06.07.2019). – Текст : электронный.
178. Отчет по оценке и инвентаризации природных и рекреационных ресурсов пилотной ООПТ «Государственный природный заповедник Костомукшский». – Текст : электронный // Интеллектуальное управле-

- ние природными ресурсами Зеленого пояса Фенноскандии : [сайт]. – 2016. – URL: <http://intellgreenbelt.krc.karelia.ru/section.php?id=25>. – Дата публикации: 3 декабря 2014.
179. Риа Рейтинг: Россия сегодня : [сайт]. – Москва. – URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 16.01.2020). – Текст : электронный.
180. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : [сайт]. – Москва. – URL: <https://www.mnr.gov.ru/> (дата обращения: 05.05.2019). – Текст : электронный.
181. Министерство транспорта Российской Федерации (Минтранс России) : [сайт]. – Москва, 2010 – . – URL: <https://www.mintrans.gov.ru/> (дата обращения: 06.06.2019). – Текст : электронный.
182. Statistics Finland : [сайт]. – Helsinki. – URL: https://stat.fi/til/index_en.html (дата обращения: 11.04.2019). – Текст : электронный.
183. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – Москва, 1999 – . – URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 09.01.2019). – Текст : электронный.
184. VisitFinland.com : официальный туристический сайт. – URL: <https://www.visitfinland.com/ru/> (дата обращения: 24.03.2019). – Текст : электронный.
185. Карелия: Туристский портал : [сайт]. – Петрозаводск. – URL: <http://www.ticrk.ru/> (дата обращения: 28.02.2019). – Текст : электронный.

Нормативные правовые акты

186. ГОСТ Р 51185-2014. Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования = Tourist services. Means of accommodation. General requirements : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от

- 11 ноября 2014 г. № 1542-ст : введен впервые : дата введения 2016-01-01 / разработан ОАО «ВНИИС». – Москва : Стандартинформ, 2015.
187. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ]. - URL: <http://constitution.kremlin.ru/>. Текст : электронный.
188. Концепция развития приграничного сотрудничества в Российской Федерации : [распоряжение от 9 февраля 2001 года № 196-р] – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 1997. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30364/ (дата обращения: 11.02.2020).
189. Об утверждении перечня видов хозяйственной и иной деятельности, которые могут осуществляться в пределах пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации (с изменениями на 27 декабря 2019 года) : [распоряжение от 24 июня 2008 года № 907-р]. – Текст : электронный // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. – 2020. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902106917> (дата обращения: 07.02.2020).
190. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : [распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р]. – Текст : электронный // Гарант.ру: информационно-правовой портал : [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 12.05.2020).
191. Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения (с изменениями на 20 июня 2020 года) : [распоряжение Правительства Российской Федерации от

- 19 марта 2013 года № 384-р]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143986/ (дата обращения: 25.06.2020).
192. Схема территориального планирования Российской Федерации в области энергетики : [распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 августа 2016 года № 1634-р]. – Текст : электронный // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. – 2020. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420369441> (дата обращения: 25.06.2020).
193. Российская Федерация. Законы. Об особо охраняемых природных территориях : Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (последняя редакция) : [принят Государственной думой 15 февраля 1995 года]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 10.09.2019).
194. Российская Федерация. Законы. Об основах приграничного сотрудничества : Федеральный закон № 179 от 23 августа 2017 г. : [принят Государственной думой 14 июля 2017 года : одобрен Советом Федерации 19 июля 2017 года]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 11.02.2020).
195. Российская Федерация. Законы. О Государственной границе Российской Федерации (с изменениями на 27 декабря 2019 года) : Федеральный закон от 01 апреля 1993 № 4730-1. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/ (дата обращения: 03.02.2020).

196. Российская Федерация. Законы. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ : [принят Государственной думой 21 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 05.02.2020).
197. Земельный кодекс Российской Федерации : [принят Государственной думой от 28 сентября 2001 № 136-ФЗ : одобрен Советом Федерации 10 октября 2001 года] – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 07.02.2020).
198. Об утверждении перечня территории, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение : Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2002 № 754. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт] – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39083/ (дата обращения: 07.02.2020).
199. О Федеральном агентстве по туризму и Федеральном агентстве по физической культуре и спорту : Указ Президента Российской Федерации от 18.11.2004 г. № 1453. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50350/ (дата обращения: 12.12.2019).
200. Об определении участков (районов) внутренних вод Российской Федерации, в пределах которых устанавливается пограничный режим : Приказ ФСБ Российской Федерации от 10 июля 2007 года № 355. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70100/ (дата обращения: 07.02.2020).
201. Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками : Указ Президента Российской Федерации от 9 января 2011 года № 26. – Текст : электронный // Гарант: информационно-правовое обеспечение : [сайт]. – 2020. – URL: <https://base.garant.ru/12181778/> (дата обращения: 07.02.2020).
202. Об утверждении Правил пограничного режима : Приказ ФСБ России от 07.08.2017 № 454 (ред. от 19.06.2018) : [зарегистрировано в Минюсте России 02.11.2017 № 48778]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282173/ (дата обращения: 05.02.2020).
203. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 12.05.2020).
204. Российская Федерация. Законы. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон № 132-ФЗ (ред. от 01.04.2020) : [принят Государственной думой 4 октября 1996 года : одобрен Советом Федерации 14 ноября 1996 года]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 20.04.2020).
205. О совершенствовании государственного управления в сфере туризма и туристской деятельности : Указ Президента Российской Феде-

рации от 05 июня 2020 № 372. – Текст : электронный // Гарант.ру: информационно-правовой портал : [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74128823/> (дата обращения: 10.06.2020).

Приложения

Приложение 1

Средние значения переменных за 2010–2018 гг. для кластеризации приграничных регионов (с округлением до второго знака после запятой)

	V2	V3	V4	V5	V6	V7	V8	V9	V10	V11	V12	V13	+	V14
Белгородская область	3,96	0,14	0,11	0,70	11,61	35,13	0,02	8	3	2,77	55,62	2,77		965
Брянская область	2,24	0,19	0,22	0,93	11,07	38,08	0,08	8	1	1,11	38,72	1,11		1456,62
Воронежская область	3,15	0,12	0,09	0,65	15,21	28,76	0,07	8	1	3,33	55,02	3,33		1353,62
Курская область	2,85	0,10	0,21	0,49	12,38	36,33	0,01	8	1	2,44	47,41	2,44		1281,75
Смоленская область	1,92	0,20	0,04	1,75	18,92	32,72	0,06	8	1	0,43	34,13	0,43		1610
Республика Карелия	0,82	0,33	0,37	5,49	39,41	32,99	0,02	7	6	1,10	27,12	1,10		2041,37
Калининградская область	8,51	0,36	0,30	5,62	30,67	36,38	0,22	8	4	3,14	43,00	3,14		1611,75
Ленинградская область	3,08	0,14	0,03	1,94	24,70	29,53	0,01	8	4	2,42	58,49	2,42		1208,87
Мурманская область	0,91	0,28	0,24	2,64	25,27	26,59	0,69	3	6	0,80	46,10	0,80		1932,25
Псковская область	1,59	0,47	0,31	3,64	40,90	31,96	0,21	8	2	1,26	25,78	1,26		1537,5
Республика Калмыкия	0,30	0,15	0,16	1,10	9,92	19,78	0,01	9	1	1	18,85	1		1196,37
Астраханская область	3,94	0,23	0,30	1,4	17,74	24,71	0,40	9	2	1	37,71	1		1780,75
Волгоградская область	2,46	0,18	0,24	0,68	15,57	25,76	0,03	9	3	2,31	46,90	2,31		1544,37
Ростовская область	4,49	0,21	0,18	0,96	16,60	23,77	0,01	8	2	3,77	52,55	3,77		1332,62
Республика Дагестан	1,41	0,15	0,87	0,03	2,72	24,26	0,01	10	1	1,79	41,13	1,79		467,25
Республика Ингушетия	0,90	0,03	0,05	0,08	1,07	24,05	0,79	10	1	0	15,53	0		394,5
Кабардино-Балкарская Республика	7,34	0,18	0,59	0,31	11,34	30,54	0,01	10	1	0,66	18,52	0,66		958,62
Карачаево-Черкесская Республика	5,18	0,61	0,06	0,45	19,10	26,37	0,90	10	3	0	22,87	0		813,375
Республика Северная Осетия – Алания	3,56	0,16	0,13	0,21	6,21	30,46	0,05	10	3	2	19,63	2		935,125
Чеченская Республика	0,63	0,19	0,13	0,08	1,57	11,97	0,45	10	1	1,25	31,42	1,25		288,87
Оренбургская область	1,85	0,17	0,16	0,67	16,03	24,73	0,01	6	4	0,84	46,90	0,84		1455,37
Самарская область	5,54	0,12	0,15	1,02	18,55	31,02	0,08	8	3	1	57,38	1		1678,12

Продолжение Таблицы

Саратовская область	1,90	0,13	0,25	0,28	12,74	25,46	0,04	8	2	0,61	45,85	0,61	1194,5
Курганская область	1,12	0,15	0,35	0,28	13,39	39,24	0,07	6	3	1,13	26,36	1,13	2331,87
Тюменская область	0,27	0,08	0,04	0,67	28,78	36,82	0,03	6	5	1,33	59,67	1,33	1896,62
Челябинская область	4,35	0,20	0,43	1,06	20,48	28,35	0,02	6	5	1,12	51,45	1,12	2026,5
Республика Алтай	2,24	0,69	0,33	1,14	54,02	20,65	6,02	5	1	0,15	18,17	0,15	2268,5
Республика Бурятия	0,87	0,43	0,37	2,55	30,33	23,76	0,04	5	3	0,50	28,17	0,50	2527,37
Республика Тыва	0,22	0,14	0,03	0,22	12,77	22,99	0,03	5	2	0,27	14,67	0,27	2438,12
Алтайский край	2,02	0,22	0,22	0,75	21,57	36,03	0,08	6	1	1,63	40,06	1,63	1867,87
Забайкальский край	0,33	0,19	0,37	0,94	19,40	23,18	0,01	5	4	0,55	30,29	0,55	2839,62
Новосибирская область	1,24	0,23	0,43	1,31	20,18	30,74	0,23	6	1	1,11	48,66	1,11	1896,87
Омская область	1,04	0,14	0,56	0,98	19,51	36,46	0,01	6	4	1,06	44,75	1,06	1520,25
Приморский край	2,28	0,44	0,26	7,97	32,18	25,65	0,99	4	4	2	48,75	2	2378
Хабаровский край	0,25	0,44	0,22	1,77	31,39	36,53	0,10	4	4	3,18	45,89	3,18	2113,12
Амурская область	0,37	0,24	0,59	3,67	29,64	32,27	0,01	4	2	0,52	40,11	0,52	2231,5
Сахалинская область	0,86	0,22	0,07	5,33	33,57	31,24	0,01	3	5	2,57	54,77	2,57	2285,75
Еврейская автономная область	0,42	0,23	0,17	1,09	15,62	30,77	0,01	5	3	0,35	13,78	0,35	2117,62
Чукотский автономный округ	0,01	0,14	0,06	0,76	36,20	24,09	0,01	2	4	6,12	27,12	6,12	1524,37

Стандартизация средних значений переменных для кластеризации

	V2	V3	V4	V5	V6	V7	V8	V9	V10	V11	V12	V13
Белгородская область	0,870172	-0,67596	-0,72551	-0,36754	-0,77637	1,032893	-0,28731	0,496239	-0,04923	1,023104	1,270295	0,182305
Брянская область	0,012181	-0,2833	-0,15729	-0,30786	-0,82362	1,527395	-0,22491	0,496239	1,230797	-0,31912	0,05688	-0,63807
Воронежская область	0,466068	-0,75135	-0,887	-0,37818	-0,46111	-0,03717	-0,23741	0,496239	1,230797	1,470512	1,227074	-0,96622
Курская область	0,316326	-0,89697	-0,21115	-0,42087	-0,70922	1,233858	-0,29956	0,496239	1,230797	0,758311	0,680208	-1,36273
Смоленская область	-0,14802	-0,21744	-1,12078	-0,1	-0,13586	0,626973	-0,24604	0,496239	1,230797	-0,86606	-0,27273	-0,13217
Республика Карелия	-0,69703	0,659423	0,655795	0,847382	1,659973	0,673254	-0,29139	0,046162	-1,96928	-0,32283	-0,77623	-0,81582
Калининградская область	3,147535	0,899899	0,264832	0,879186	0,893536	1,241	-0,08281	0,496239	-0,68925	1,321376	0,363878	-0,80214
Ленинградская область	0,434203	-0,66592	-1,19695	-0,05351	0,370742	0,093405	-0,29638	0,496239	-0,68925	0,742951	1,475989	-0,59705
Мурманская область	-0,65068	0,340959	-0,02489	0,12526	0,420461	-0,40026	0,392228	-1,75415	-1,96928	-0,56448	0,586372	0,113941
Псковская область	-0,31297	1,672	0,355169	0,37769	1,789894	0,500561	-0,09595	0,496239	0,590783	-0,19324	-0,87215	-0,36461
Республика Калмыкия	-0,95644	-0,54092	-0,50432	-0,2648	-0,92485	-1,54299	-0,31466	0,946317	1,230797	-0,4086	-1,37013	0,592493
Астраханская область	0,863575	-0,0404	0,286923	5,411967	-0,23961	-0,71605	0,097973	0,946317	0,590783	-0,4086	-0,01592	1,030026
Волгоградская область	0,119924	-0,36029	-0,07002	-0,37125	-0,42938	-0,5398	-0,27619	0,946317	-0,04923	0,650263	0,643736	-0,4193
Ростовская область	1,135913	-0,1181	-0,39214	-0,3016	-0,33877	-0,87347	-0,29571	0,496239	0,590783	1,828439	1,049524	-1,08927
Республика Дагестан	-0,4023	-0,55108	3,385764	-0,53596	-1,55508	-0,7921	-0,30736	1,396394	1,230797	0,231535	0,22962	0,25067
Республика Ингушетия	-0,65909	-1,44352	-1,05168	-0,52254	-1,69962	-0,82614	0,497385	1,396394	1,230797	-1,21394	-1,60827	1,877746
Кабардино-Балкарская Республика	2,558598	-0,35541	1,860229	-0,46449	-0,80002	0,262828	-0,30831	1,396394	1,230797	-0,67705	-1,39332	2,246914

Продолжение Таблицы

Карачаево-Черкесская Республика	1,480691	2,678158	-1,03015	-0,42976	-0,11971	-0,43748	0,607576	1,396394	-0,04923	-1,21394	-1,08144	2,164877
Республика Северная Осетия – Алания	0,670391	-0,50072	-0,65556	-0,49015	-1,24977	0,249107	-0,2646	1,396394	-0,04923	0,396732	-1,31369	1,317157
Чеченская Республика	-0,79393	-0,27227	-0,62228	-0,52358	-1,65591	-2,85379	0,154364	1,396394	-0,04923	-0,20727	-0,46751	1,385521
Оренбургская область	-0,18196	-0,43679	-0,47894	-0,37426	-0,38905	-0,71271	-0,30127	-0,40392	-0,68925	-0,5325	0,643736	-1,19866
Самарская область	1,660545	-0,80068	-0,50773	-0,28475	-0,16815	0,343373	-0,22752	0,496239	-0,04923	-0,4086	1,396583	-0,67909
Саратовская область	-0,15706	-0,73895	0,001197	-0,47252	-0,6772	-0,59043	-0,27458	0,496239	0,590783	-0,71579	0,56871	-1,19866
Курганская область	-0,54845	-0,59669	0,53159	-0,47203	-0,62005	1,721585	-0,24024	-0,40392	-0,04923	-0,29879	-0,83051	-0,48767
Тюменская область	-0,97136	-1,04541	-1,12096	-0,37371	0,728591	1,316189	-0,284	-0,40392	-1,32926	-0,14016	1,560994	-0,6244
Челябинская область	1,067699	-0,20352	1,00606	-0,27657	0,000554	-0,10539	-0,28565	-0,40392	-1,32926	-0,30469	0,970908	-0,09115
Республика Алтай	0,009487	3,244308	0,437222	-0,25508	2,939942	-1,39789	5,864962	-0,85399	1,230797	-1,09004	-1,41909	2,205896
Республика Бурятия	-0,67388	1,40304	0,653257	0,102911	0,864104	-0,87494	-0,26979	-0,85399	-0,04923	-0,80617	-0,7007	-0,13217
Республика Тыва	-0,9962	-0,65106	-1,1755	-0,48888	-0,67454	-1,00447	-0,28348	-0,85399	0,590783	-0,9943	-1,67001	-0,13217
Алтайский край	-0,09687	-0,06802	-0,16345	-0,35343	0,096593	1,183556	-0,22391	-0,40392	-1,96928	0,104482	0,153014	-0,7748
Забайкальский край	-0,94123	-0,29597	0,652655	-0,30698	-0,09349	-0,9727	-0,30983	-0,85399	-0,68925	-0,76962	-0,54835	-0,61072
Новосибирская область	-0,48623	0,006308	0,959841	-0,21175	-0,02581	0,295359	-0,07583	-0,40392	1,230797	-0,31912	0,770527	-0,2689
Омская область	-0,58649	-0,65726	1,709538	-0,29455	-0,08431	1,255211	-0,29678	-0,40392	-0,68925	-0,35491	0,489591	-0,61072
Приморский край	0,030794	1,432848	0,060149	1,473673	1,025806	-0,55775	0,709624	-1,30407	-0,68925	0,396732	0,776629	1,481232

Продолжение Таблицы

Хабаровский край	-0,98302	1,485739	-0,16099	-0,09542	0,956466	1,266175	-0,204	-1,30407	-0,68925	1,348492	0,571079	-0,32359
Амурская область	-0,92475	0,031232	1,840477	0,386583	0,803502	0,552566	-0,3061	-1,30407	0,590783	-0,79008	0,156102	0,086595
Сахалинская область	-0,6785	-0,05206	-0,99004	0,80635	1,14834	0,379417	-0,29624	-1,75415	-1,32926	0,861667	1,209125	-0,09115
Еврейская автономная область	-0,89691	0,016173	-0,41705	-0,26759	-0,42515	0,300571	-0,30851	-0,85399	-0,04923	-0,93137	-1,73427	0,209651
Чукотский автономный округ	-1,10073	-0,65002	-0,99632	-0,35138	1,378134	-0,81975	-0,30781	-2,20423	-0,68925	3,716685	-0,77623	-0,73378

Примечания:

<i>Переменная</i>	<i>Обозначение</i>
<i>Количество средств размещения на 1 тыс. км² (шт.)</i>	<i>V₁</i>
<i>Количество туристских фирм на 1 тыс. км² (шт.)</i>	<i>V₂</i>
<i>Доля объема платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения в ВРП</i>	<i>V₃</i>
<i>Доля объема платных туристских услуг в ВРП</i>	<i>V₄</i>
<i>Численность иностранных граждан, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения (на 100 000 чел. жителей региона)</i>	<i>V₅</i>
<i>Численность российских граждан, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения (на 100 000 чел. жителей региона)</i>	<i>V₆</i>
<i>Среднегодовая загрузка в коллективных средствах размещения в %</i>	<i>V₇</i>
<i>Доля инвестиции в развитие коллективных средств размещения в общем объеме инвестиций в регионе в %</i>	<i>V₈</i>
<i>Степень дискомфорта климата</i>	<i>V₉</i>
<i>Индекс напряженности экологической ситуации</i>	<i>V₁₀</i>
<i>Плотность международных пунктов пропуска (действующие грузопассажирские/пассажирские, автомобильные, воздушные, железнодорожные, морские, смешанные, речные, озерные, пешеходные на 100 км границы)</i>	<i>V₁₁</i>
<i>Интегральный рейтинг региона</i>	<i>V₁₂</i>
<i>Плотность особо охраняемых природных территорий</i>	<i>V₁₃</i>

Коэффициенты корреляции между переменными

	V ₁	V ₂	V ₃	V ₄	V ₅	V ₆	V ₇	V ₈	V ₉	V ₁₀	V ₁₁	V ₁₂	V ₁₃
V ₁	1												
V ₂	0,8246	1											
V ₃	0,1116	-0,1063	1										
V ₄	0,0550	-0,0358	0,1161	1									
V ₅	0,1465	0,1551	0,1894	0,0789	1								
V ₆	-0,0963	-0,1393	0,6643	0,0277	0,2440	1							
V ₇	0,1699	0,2871	-0,1048	0,0740	-0,0307	0,1494	1						
V ₈	0,0257	-0,0981	0,6133	0,0238	0,0305	0,4639	-0,2935	1					
V ₉	0,4890	0,3742	-0,2011	0,0187	-0,0385	-0,6148	-0,1225	-0,1129	1				
V ₁₀	0,1129	0,0421	-0,0796	0,1228	-0,0851	-0,3717	-0,1983	0,1807	0,4874	1			
V ₁₁	0,2829	0,4227	-0,1442	-0,0994	-0,0473	-0,0156	0,0668	-0,0555	0,0674	-0,0219	1		
V ₁₂	0,1833	0,3535	-0,2433	-0,0420	0,0780	0,0673	0,3033	-0,2560	-0,1287	-0,2922	0,2613	1	
V ₁₃	0,1565	-0,1460	0,3781	0,0633	0,1393	-0,0813	-0,4061	0,5010	0,2760	0,2590	-0,1420	-0,5310	1

Примечания:

Переменная	Обозначение
Количество туристских фирм на 1 тыс. км ² (шт.)	V ₁
Количество средств размещения на 1 тыс. км ² (шт.)	V ₂
Доля объема платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения в ВРП	V ₃
Доля объема платных туристских услуг в ВРП	V ₄
Численность иностранных граждан, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения (на 100 000 чел. жителей региона)	V ₅

Продолжение Примечаний

<i>Численность российских граждан, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения (на 100 000 чел. (жителей региона))</i>	V6
<i>Среднегодовая загрузка в коллективных средствах размещения в %</i>	V7
<i>Доля инвестиции в развитие коллективных средств размещения в общем объеме инвестиций в регионе в %</i>	V8
<i>Степень дискомфорта климата</i>	V9
<i>Индекс напряженности экологической ситуации</i>	V10
<i>Плотность международных пунктов пропуска (действующие грузопассажирские/пассажирские, автомобильные, воздушные, железнодорожные, морские, смешанные, речные, озерные, пешеходные на 100 км границы)</i>	V11
<i>Интегральный рейтинг региона</i>	V12
<i>Плотность особо охраняемых природных территорий</i>	V13

<i>Значение коэффициента корреляции r</i>	<i>Интерпретация</i>
<i>$0 < r \leq 0,2$</i>	<i>Очень слабая корреляция</i>
<i>$0,2 < r \leq 0,5$</i>	<i>Слабая корреляция</i>
<i>$0,5 < r \leq 0,7$</i>	<i>Средняя корреляция</i>
<i>$0,7 < r \leq 0,9$</i>	<i>Сильная корреляция</i>
<i>$0,9 < r \leq 1$</i>	<i>Очень сильная корреляция</i>